

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования
«Самарский государственный социально-педагогический университет»
(СГСПУ)

На правах рукописи

ДОГА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА

ЭНЕОЛИТИЗАЦИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Специальность 5.6.3. – Археология

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
А.А. ВЫБОРНОВ

Самара, 2024

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Физико-географические условия Нижнего Поволжья и палеогеографический фон развития энеолитических культур. История изучения и историография	10
1.1. Физико-географические условия Нижнего Поволжья и палеогеографический фон развития энеолитических культур	10
1.2. История исследования и историография	21
Глава 2. Источники по энеолиту Нижнего Поволжья и методика их обработки	50
2.1. Источники по энеолиту Нижнего Поволжья.....	50
2.2. Методика обработки источников	92
Глава 3. Культурная принадлежность энеолитических комплексов Нижнего Поволжья	106
3.1. Керамический инвентарь энеолита Нижнего Поволжья.....	106
3.2. Каменные индустрии энеолита Нижнего Поволжья	116
Глава 4. Вопросы периодизации, хронологии, генезиса и дальнейших судеб энеолитических культур Нижнего Поволжья	127
4.1. Периодизация и хронология энеолитических культур Нижнего Поволжья.....	127
4.2. Генезис и дальнейшие судьбы энеолитических культур Нижнего Поволжья.....	138
Глава 5. Производящее хозяйство в Нижнем Поволжье и проблема его происхождения	148
5.1. Производящее хозяйство в Нижнем Поволжье	148
5.2. Происхождение производящего хозяйства в Нижнем Поволжье	160
Заключение.....	169
Список используемой литературы	175
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	191

Введение

Эпоха энеолита представляется одним из важнейших этапов в истории первобытного общества. Наиболее сложными вопросами для изучения являются причины и механизмы процесса перехода от позднекаменного века к эпохе раннего металла, то есть энеолитизации. Этот процесс затрагивает как переходный период, так и ранний этап энеолита. Благодаря различным факторам именно в этот период зарождаются и развиваются новые технологии в изготовлении орудий труда и керамики, происходит переход к новым формам хозяйства. Особый интерес специалистов вызывают вопросы перехода от неолита к энеолиту в Нижнем Поволжье. Являясь одним из очагов раннеэнеолитического гончарства в неолите, эта территория оказывала большое влияние на развитие сопредельных регионов. Однако на сегодняшний день среди специалистов нет единого мнения по поводу происхождения энеолитических культур Нижнего Поволжья, их хронологии, соотношения и дальнейших судеб.

Актуальность темы обусловлена двумя аспектами. Первый связан с непосредственным изучением территории Нижнего Поволжья. Исследование энеолитических культур необходимо для понимания культурогенеза как предшествующих культур эпохи неолита, так и более позднего периода бронзового века, в том числе и ямной культуры. Вторым является определение места прикаспийской культуры в системе мариупольской культурной области. Дискуссионным остается вопрос периодизации культур с воротничковой керамикой на территории Волго-Донского междуречья. Наличие у носителей этих культур domesticiрованных животных выводит на новый уровень проблему происхождения производящего хозяйства не только в Нижнем Поволжье, но и на сопредельных территориях.

Степень разработанности темы. В результате исследований А.Н. Мелентьева, И.Б. Васильева, П.П. Барынкина, Н.Л. Моргуновой, А.И. Юдина и других ученых была сформирована концепция развития энеолита в Нижнем Поволжье. Ими была предложена трехступенчатая схема энеолита, где к

раннему этапу относилась прикаспийская культура, к развитому хвалынской, а к позднему памятники алексеевского, репинского и алтатинского типов. Однако ряд исследователей относили прикаспийскую культуру к неолиту, другие к периоду нео-энеолита, а третьи не выделяли прикаспийские материалы в отдельную культуру и считали их группой памятников с керамикой воротничкового типа, синхронных хвалынским древностям. Вопрос о соотношении прикаспийской и хвалынской культур представлялся не менее спорным. Концепция генезиса хвалынской культуры на основе прикаспийской подвергалась сомнению из-за отсутствия достоверной доказательной базы. Это было обусловлено ограниченностью имеющихся радиоуглеродных дат и отсутствием стратифицированных памятников. Даже появление результатов антропологических и палеогенетических анализов не смогли до конца прояснить ситуацию. Изыскания А.И. Юдина в степном Заволжье значительно расширили источниковую базу энеолита Нижнего Поволжья. Были определены границы распространения памятников прикаспийской культуры, дополнена их характеристика. Исследование поселения Кумыска позволило получить новые данные о стратиграфии и хронологии энеолитических культур региона. Однако ряд вопросов оставались открытыми. Дальнейшие судьбы хвалынцев специалисты связывали с ямной культурой. В этой связи не совсем ясным становится генезис и хронологическая позиция культур, относимых к позднему энеолиту. Выделенные для степного Поволжья комплексы алтатинской культуры не имеют полноценной характеристики. А коллекции репинского и алексеевского типов малочисленны и так же слабо изучены.

С 2014 года по настоящее время при участии автора проводятся изыскания на двух новых стратифицированных памятниках неолита-энеолита степного Поволжья. Это позволило разрабатывать целый ряд аспектов изучения культур эпохи меди интересующего региона.

Объект исследования: энеолитические памятники Нижнего Поволжья.

Предмет исследования: процесс энеолитизации Нижнего Поволжья.

Хронологические рамки устанавливаются на основе большой серии радиоуглеродных дат по различным материалам от 6400 BP (5400 BC) до 5200 BP (4200 BC).

Географические рамки исследования охватывают территорию Нижнего Поволжья, включающего в себя его степную зону и полупустынную часть Северного Прикаспия.

Целью исследования является характеристика культур в период энеолитизации в Нижнем Поволжье.

В задачи исследования входят:

реконструкция палеогеографических условий в период энеолитизации;

1. определение степени изученности темы;

2. анализ источников по уровню значимости и методы их обработки;

3. конкретизация культурной принадлежности энеолитических комплексов Нижнего Поволжья;

4. установление периодизации и хронологии энеолита интересуемого региона;

5. уточнение вопросов происхождения и дальнейших судеб носителей энеолитических культур;

6. выявление своеобразия хозяйственной деятельности энеолитических племен указанного региона.

Источниковая база исследования. С 2014 года ведется активное исследование нео-энеолитических слоев памятников Алгай и Орошаемое в степном Поволжье. Стратифицированность, гомогенность и насыщенность культурных слоев позволили по-новому подойти к решению проблем периодизации, хронологии, хозяйства и соотношения культур энеолита по отношению друг к другу и к предшествующей эпохе неолита. В то же время, разработка этих вопросов не представлялась возможным без обращения к уже имевшимся источникам. В этой связи, для решения поставленных задач, были привлечены материалы 20 энеолитических стоянок и местонахождений

Северного Прикаспия и степного Поволжья. Всего было проанализировано порядка 2300 каменных изделий и 195 сосудов прикаспийской и хвалынской культур. Основная часть коллекций хранится в фондах археологической лаборатории СГСПУ и Саратовского областного краеведческого музея.

Методологической основой диссертации является сравнительно-исторический анализ. При исследовании памятников использовались преимущественно планиграфический и стратиграфический методы. На стадии камеральной работы и обработки коллекций прошлых лет применялись сравнительно-типологический и статистический методы. Для более детальной проработки материала были привлечены междисциплинарные методы: технико-технологический анализ керамики, петрографический, газохроматографический. Для установления абсолютной хронологии энеолитических культур применялся метод радиоуглеродного датирования. Геохимический и спорово-пыльцевой методы позволили реконструировать климат и палеогеографический фон исследуемых памятников. Для определения типа хозяйства и решения вопроса о появлении domesticated животных использовался археозоологический метод.

Научная новизна работы заключается в выявлении, всестороннем анализе и публикации новых качественных источников. Применение естественнонаучных методов при анализе уже имеющихся материалов позволило пересмотреть некоторые выводы и гипотезы. С помощью междисциплинарного подхода удалось получить новую информацию по периодизации, хронологии, хозяйству и палеогеографии энеолита Нижнего Поволжья.

Положения, выносимые на защиту:

1. Хронологические рамки прикаспийской культуры в Северном Прикаспии укладываются в интервал 6400–6100 лет ВР (5400-5100 ВС), а в степном Поволжье – 5900-5800 лет ВР (4900-4800 лет ВС). Временные границы хвалынской культуры в Северном Прикаспии – 5900–5400 лет ВР (4900-4400 лет ВС), а в степном Поволжье – 5700-5200 лет ВР (4700-4200 лет

ВС).

2. Формирование, развитие и угасание культур энеолита сопряжено, в том числе, и с природно-климатическими факторами.

3. В Северном Прикаспии фиксируются признаки взаимодействия прикаспийского населения с позднеэнеолитическим тентексорским и энеолитическим хвалынским. В степном Поволжье такие связи отсутствуют.

4. Характерные и своеобразные технико-технологические характеристики, присущие каменным индустриям прикаспийской и хвалынской культур, имеют как определенные отличия, так и признаки преемственности.

5. У населения прикаспийской культуры определены первые, в Нижнем Поволжье, domesticiрованные животные. В хвалынской культуре производящее хозяйство становится более развитым.

Практическая значимость. Результаты изысканий могут найти применение в обобщающих трудах по энеолиту Нижнего Поволжья и сопредельных территорий. Эмпирические материалы и выводы диссертационного исследования позволяют использовать их при подготовке учебных пособий, лекционных и практических занятий, подготовки выпускных квалификационных работ и магистерских диссертаций войдут в лекционные и практические занятия, в учебные пособия, станут основой для подготовки выпускных квалификационных работ и магистерских диссертаций. Полученные источники могут быть экспонированы в музеях Нижнего Поволжья.

Апробация результатов исследования. Материалы исследования изложены в 47 статьях и тезисах, 10 из которых опубликованы в изданиях индексируемых в Web of Science и Scopus, а 10 в ВАК. Основные положения работы были изложены в докладах на 38 конференциях, из которых особо значимыми являются: Международные конференции в г. Санкт-Петербург в 2015, 2016, 2019, 2022 гг., Всероссийские археологические съезды в 2017, 2022 гг., Международная конференция «Ракушечный Яр и неолитизация юга

Восточной Европы» в 2018 г., XXI Уральское археологическое совещание в 2018 г., Всероссийская научная конференция с международным участием «Феномены культур энеолита-бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V-III тыс. до н.э. в 2019 г., международный научный семинар «Переход к производящему хозяйству на территории Прикаспия» в 2021 г., XXIV научно-методический семинар по археологии «Тверская земля и сопредельные территории в древности» в 2022 г., Всероссийская научная конференция «Энеолит и бронзовый век Циркумпонтийского региона: культурные процессы и взаимодействия» (к 100-летию со дня рождения Н.Я. Мерперта) в 2022 г., международные конференции европейской ассоциации археологов в 2020-2021 гг., международная конференции «Искусство и погребальный обряд позднего каменного века» в 2023 г., международная конференция «От Подонья до Памира: вопросы изучения неолита» в 2023 г.

Часть исследований были проведены в рамках выполнения проекта № 33.1907.2017 П/Ч государственного задания Министерства образования и науки РФ; гранта РНФ № 22-28-00082 «Неолитизация Нижнего Поволжья: междисциплинарный подход»; гранта РНФ «Трансформация культур позднего неолита – энеолита Нижнего Поволжья: междисциплинарный подход».

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка используемой литературы и приложения, включающего в себя иллюстрации и таблицы.

Во введении рассматривается актуальность темы, степень ее изученности, формулируются цель и задачи исследования, определяются хронологические и территориальные рамки работы, ее методологическая и методическая основа указаны научная новизна и практическая значимость диссертационного исследования.

Первая глава посвящена физико-географическим и палеогеографическим условиям развития энеолитических культур Нижнего

Поволжья, а также истории изучения и историографии энеолита интересующего региона.

Во второй главе дается характеристика источников по энеолиту Нижнего Поволжья и методы их обработки.

В третьей главе определяется культурная принадлежность энеолитических комплексов Нижнего Поволжья.

В четвертой главе конкретизируются вопросы периодизации, хронологии, генезиса и дальнейших судеб энеолитических культур Нижнего Поволжья.

В пятой главе анализируется хозяйство неолитических и энеолитических культур интересующего региона и рассматривается проблема происхождения производящего хозяйства в Нижнем Поволжье.

В Заключении подводятся основные итоги исследования.

Глава 1. Физико-географические условия Нижнего Поволжья и палеогеографический фон развития энеолитических культур. История изучения и историография

1.1. Физико-географические условия Нижнего Поволжья и палеогеографический фон развития энеолитических культур

Нижнее Поволжье располагается на юго-востоке Европейской части России. На севере оно доходит до зоны лесостепи, захватывает всю территорию сухих степей юго-востока Русской равнины, а на юге занимает полупустынную и пустынную зоны Прикаспийской низменности. Протяженность территории с севера на юг – около 800 км. В административном плане Нижнее Поволжье включает Саратовскую, Волгоградскую, Астраханскую области и республику Калмыкию. Рассматриваемая территория делится на две части: северную и южную. Северная часть располагается в степной зоне Сыртового Заволжья на левом берегу Волги и Приволжской возвышенности на правом берегу. А южная локализуется на территории Прикаспийской низменности. Основная часть рассматриваемых памятников расположена в степном Сыртовом Заволжье по берегам рек Большой и Малый Узень и полупустынном Северном Прикаспии.

Рельеф Сыртового Заволжья представляет собой крупные речные долины, между которыми располагаются широкие водораздельные массивы (увалы или сырты). Характерной чертой строения широтных междуречий и речных долин Заволжья являются асимметрия их склонов. Склоны, обращенные на юг, круты и коротки, а склоны, обращенные на север, длинны и пологи. Наиболее крупными реками региона являются впадающие в Волгу Большой Иргиз с притоками Камеликом и Сестрами, Малый Иргиз и Еруслан с Торгуном, а также реки Большой и Малый Узени. Характерной особенностью этих и других более мелких рек является то, что питание их происходит главным образом за счет атмосферных, а не грунтовых вод. Реки Большой и Малый Узень не имеют стока в море и теряются в Прикаспийской

низменности. Долины этих рек узки и мало разработаны, русло слабо углублено. Паводок у них бурный, но очень короткий. Паводковые воды сбрасываются в западную часть области Камыш-Самарских озер (Западный Казахстан), представляющий собой обширную соединенную слепую дельту ряда рек, стекающих на юг с Сыртовой области и Общего Сырта. Однако наличие на Большом и Малом Узенях таких многослойных памятников, как Варфоломеевская стоянка, Алгай, Орошаемое и др., говорит о том, что в период неолита-энеолита это могли быть весьма крупные и полноводные реки. Кроме того, водные артерии данного региона ориентированы в меридиональном направлении, что предоставляло потенциальную возможность для продвижения и контактов древнего населения.

Прикаспийская низменность почти лишена рек и представляет собой равнину, поверхность которой в большинстве случаев глинистая, с характерной сильно разреженной пустынно-степной солончаково-полынной растительностью. Особенностью рельефа северной части Прикаспийской низменности является распространение на ее поверхности «степных блюдец» небольших и неглубоких западин, выделяющихся на фоне степи благодаря разрастанию в них более влаголюбивой растительности. Обращенный к Волге край Прикаспийской низменности почти на всем протяжении (примерно, до с. Сероглазовки) изрезан глубокими, но короткими и мало разветвленными оврагами, выходящими к волжской пойме.

Своеобразие степного и полупустынного ландшафта Нижнего Поволжья связано с особенностями его климата. Современные климатические условия характеризуются как резко-континентальные. На эту территорию сильно влияет соседство с полосой сухих степей и пустынь Средней Азии. По мере движения с северо-запада на юго-восток климат становится засушливым, а ландшафт все более и более пустынным. Вместе с тем редееет и речная сеть. Реки степной части района наполняются только весной, летом многие из них пересыхают или разбиваются на отдельные мелкие водоемы. По данным исследователей, в атлантический период

развитие ландшафтов Рын-песков проходило в изменяющейся климатической обстановке. Условия почвообразования в раннем неолите были близки к пустынным. В последующие эпохи ландшафтные условия характеризовались относительной стабильностью и атмосферной увлажненностью. Состав растительности был изменчив. В целом условия в периоды неолита-энеолита, в данном регионе, характеризуются как теплый, относительно сухой период с преобладанием полыней и маревых. Затем условия становятся более влажными и теплыми с участием злаков, разнотравья и частично древесных пород. Вывод о преобладании в атлантический период на территории Рын-песков зональных степных условий подтверждается и составом животного мира. Большинство костных останков (45%) принадлежит степным видам. Полупустынные составляют 21%, пустынные – 18%, а виды широкого экологического диапазона – 15%. Фауна атлантического времени формируется при активном взаимодействии южноевропейских и среднеазиатских компонентов. Более высокое атмосферное увлажнение и обводненность некоторых котловин подтверждается нахождением на поселениях костей рыб, жаб и раковин пресноводных моллюсков [Иванов, Васильев, 1995, с. 93–94].

Широкие палинологические исследования позволили специалистам прийти к выводу о том, что ранний аридный интервал располагался между 6000 и 4000 лет ВС. В рамках данного интервала, примерно каждые 500 лет происходило установление гумидного режима, когда прерывались эоловые процессы и формировались почвы. Именно к этим палеопочвам и приурочены находки [Лаврушин и др., 1998].

Финал неолита в Северном Прикаспии представлен памятниками тентексорского типа, датирующиеся 5500–5400 лет ВС. Ландшафты региона этого периода характеризуются как южная пустыня с высоким уровнем обводнения. Природные условия благоприятные [Барынкин, Козин, 1998, с. 69]. Фаунистические останки стоянок Тентексор и Же-Калган I представлены, преимущественно, костями сайги и кулана. Отличительной

чертой от памятников более ранних периодов является наличие костей крупного быка-тура и отличной от кулана лошади [Кузьмина, 1988, с. 173–174]. Что, в свою очередь, свидетельствует об увеличении травостоя, которое могло произойти только в комфортных климатических условиях. В степном Поволжье наблюдается аналогичная ситуация. По данным со стоянки Варфоломеевская, начало формирования слоя поздней орловской культуры связано с широким развитием злаковых степей с локально засоленными участками почвы. Позднее, в более влажных условиях, сформировалась злаковая степь [Спиридонова и др., 1999, с. 27–29]. Этап позднего неолита является самым благоприятным периодом на всем протяжении существования стоянки. Кроме того, это отмечается по мощности и площади культурного слоя, а также насыщенности его артефактами [Юдин, 2004, с. 7]. Что касается фаунистических останков, то по сравнению со слоем 3, в слоях 2А и 2Б наблюдается увеличение количества особей тура, лошади и кулана [Юдин, 2004, с. 195, табл. 17].

Начало периода энеолита в Нижнем Поволжье связывается с носителями прикаспийской культуры. Для территории Северного Прикаспия наиболее валидные даты прикаспийских древностей относятся к 5100 лет ВС. Очевидный разрыв в минимум 300 лет может объясняться аридизацией климата. Следствием чего и стало отсутствие стоянок древнего человека в период 5200–5100 лет ВС. Этот вывод находит подтверждение и в палинологии [Выборнов и др., 2021, с. 21]. В слое 2А Варфоломеевской стоянки так же наблюдается значительное ухудшение климата. Вместо злаковых степей последовательно формируются злаково-маревые, маревые и марево-полынные. Иначе говоря, происходит смена степных ландшафтов на пустынные и полупустынные [Юдин, 2004, с. 8].

Следующий этап энеолита в регионе представлен населением хвалынской культуры. Культурные слои хвалынских поселенческих памятников в Северном Прикаспии представляют собой линзы серо-коричневого цвета. Максимальная мощность толщи культурных отложений

достигает 80 см. Культурно-почвенный горизонт в профиле памятника Каир-Шак VI размещается в толще эоловых отложений различной мощности, которые подстилаются озерными. Палинологически было установлено, что для всего комплекса отложений, выше озерных, господствующее положение в спорово-пыльцевых спектрах принадлежит пыльце травянистых и кустарниковых растений. В незначительном количестве встречается пыльца злаковых, хвойника, цикориевых. Среди кустарников обнаружена пыльца тамарикса и джугуна. Это свидетельствует о достаточно аридных условиях с интенсивным засолением грунтов. В погребенной почве поверх отложений небольшого водоема спорово-пыльцевой комплекс отличается преобладанием полыней и в меньшей степени содержится пыльца маревых, что указывает на меньшее распространение процессов засоления грунтов. В верхней почве, низах культурного слоя, в слабо гумусированных песках процентное соотношение доминантов вновь меняется. Здесь пыльца полыней и маревых находится в близком соотношении (около 40%), что указывает на тенденцию большого засоления грунтов, связанную, скорее всего, с потеплением климата. В верхней части культурного слоя преобладает пыльца полыней, существенно меньше маревых (20%), до 13% возрастает участие злаков. Этот комплекс отличается большим развитием злаковых сообществ, что может быть связано с распространением зарослей тростника. В вышележащих эоловых песках опять доминантом становятся маревые [Лаврушин и др., 1998, с.52-53].

Таким образом, палинологические спектры всей толщи отложений стоянки Каир-шак VI характеризуют неоднократные изменения ландшафтно-климатических условий. Стерильные прослойки между линзами культурного слоя могут быть следствием небольших аридизаций климата. Предположительно, формировались микропериоды, в которые население приходило и уходило со стоянки. Это подтверждается небольшим объемом материала и отсутствием долговременных жилищ.

Культурный горизонт хвалынской стоянки Комбак-Те лежит на

погребенной почве, подстилающейся золовыми песками, и перекрывается также золовыми образованиями. На памятнике в значительном количестве найдены раковины унионид. Это позволяет предположить, что стоянка находилась на берегу озера или залива, в котором вода не отличалась повышенной соленостью [Лаврушин и др., 1998, с.56].

Палинологический анализ на памятниках неолита-энеолита Северного Прикаспия позволил сделать вывод о том, что к концу рассматриваемого периода происходит потепление климата. Первая половина этапа соответствовала регрессии, а вторая – высокому уровню Каспия [Лаврушин и др., 1998, с.57].

Что касается территории степного Поволжья, то, несмотря на правомерность выводов, полученных с Варфоломеевской стоянки, дискуссионным оставался вопрос относительно применимости данных выводов на весь ареал Заволжья. Основной комплекс стоянки принадлежит орловской культуре, контекст прикаспийской и хвалынской оставался не ясным. А малочисленность и дискуссионность радиоуглеродных дат не позволяла определить хронологию климатических процессов.

Новейшие изыскания на памятниках неолита-энеолита Алгай и Орошаемое позволили несколько конкретизировать ситуацию. На обеих стоянках голоценовые почвенные толщи состоят из пачки переслаивающихся друг друга горизонтов. Почвенные горизонты представлены разновременными археологическими культурными слоями, разделенными стерильными прослойками. Некоторое отличие между стоянками заключается в более коротком профиле на Алгае. На стоянке Орошаемое мощность аналогичных горизонтов значительно больше, что, вероятно, связано с береговым и более низким положением в рельефе. Стоянка Алгай расположена выше – ближе к водораздельной поверхности, вероятнее всего материал с данной поверхности сносился или эродировался в разные эпохи голоцена [Овчинников и др., 2022, с.1343].

Важной особенностью почвенных исследований на памятниках Алгай

и Орошаемое стало то, что в разрезах этих стоянок можно проследить формирование почв на всем протяжении голоцена. Современные почвы степного Поволжья представлены светло-каштановыми карбонатными (Eutric Cambisol Loamic, Protocalcic, Ochric), в археологическом раскопе они антропогенно-преобразованные в течение практически всего голоцена.

Почвенные толщи были разделены на три серии разновременных погребенных почв. Верхняя голоценовая почва включает три горизонта. Последний по морфологии существенно отличается от вышележащих гумусированных горизонтов маломощностью. Этот горизонт «стерильный» от находок и формировался в условиях кратковременного и активного осадконакопления. Отсутствие находок говорит о неблагоприятных условиях для заселения человеком данной территории. Современная голоценовая почва имеет мощность 60 см и формировалась около 5,5–6 тыс. лет в период 5700(5800) ВР – по настоящее время. Средняя голоценовая погребенная почва сформирована двумя горизонтами общей мощностью около одного метра. Нижний горизонт так же значительно отличался от вышележащего. Данная голоценовая погребенная почва, согласно радиоуглеродным датам, сформировалась примерно за 500 лет в период около 6245–5700 (5800) ВР. Нижняя голоценовая погребенная почва так же включает в себя два горизонта. Она сформировалась в течение 700–800 лет в период 7200 – 6245 ВР и имеет мощность 60 см. Ниже залегает «материк» или лессовидный суглинок, вероятно сформированный в позднем плейстоцене.

Таким образом, в течение практически всего голоцена на территории степного Поволжья существовала цикличность процессов осадконакопления и почвообразования, причем циклы отличались по времени друг от друга. В этапы осадконакопления формировались «стерильные» горизонты, следом происходили процессы осадконакопления, но с преимущественными почвообразовательными процессами, о чем свидетельствуют достаточно мощные сформированные темноокрашенные горизонты в каждой почве. Каждая стадия почвообразования разделена стадией осадконакопления

преимущественно в аридных климатических условиях, что приводило к формированию засоленных почв (содовое засоление) [Овчинников и др, 2023].

На основе метода геохимической индикации была произведена реконструкция осадконакопления из разреза раскопа 2018 года на стоянке Орошаемое (табл. 1). Результаты выглядят следующим образом:

1. 280–265 см – лессовидный суглинок с белесыми карбонатными журавчиками. Формирование отложений на глубине 270–260 см происходило в период окончания прохладного и сухого эпизода при переходе к умеренно влажным и теплым условиям, которые существовали около 6000 cal BC. В этот период на памятнике появляются первые свидетельства носителей орловской неолитической культуры.

2. 265–243 см – лессовидный суглинок серо-бежевого цвета. Теплые и влажные условия. Высокая антропогенная активность. Этот период соответствует 5900–5615 cal BC. Начало появления носителей орловской культуры.

3. 243–150 см – лессовидный суглинок бежевого цвета с включением карбонатных журавчиков. Антропогенная активность для отложений этого слоя низкая.

4. 150–120 см – темно-бежевый лессовидный суглинок. Климатические условия в начале периода можно охарактеризовать, как прохладные и влажные. В конце периода происходит переход к влажным и теплым условиям. Климатический максимум голоцена. Антропогенная активность высокая. Артефакты носителей прикаспийской культуры из этого слоя датируются около 5060–4547 cal BC.

5. 120–45 см – светло-бежевый лессовидный суглинок. Следующий эпизод максимальной аридизации и повышения температуры фиксируется в отложениях, на глубине 100–70 см. Это был очень краткий по времени эпизод (<100 лет). В этот период была очень высокая скорость осадконакопления на памятнике. Антропогенная активность низкая.

6. 45–20 см – гумуссированный прослой в отложениях лессовидного суглинка. Происходит переход от сухих условий (65–40 см) к влажному и теплому климатическому периоду. Антропогенная активность повышается. Возраст артефактов из этого горизонта датируется 4725–4336 cal BC, начало развития хвалынской энеолитической культуры. Возможно, также перемешивание с нижним горизонтом.

Так же было проведено исследование образцов из разреза стоянки Алгай (табл. 2):

1. 147–130 см - формирование гумуссированного лессовидного суглинка, в котором были найдены артефакты орловской культуры. В отложениях фиксируется высокая антропогенная нагрузка. Климатические условия характеризуются, как гумидные и теплые.

2. 130–90 см - залегает светло-коричневый лессовидный суглинок. Повышенная антропогенная активность регистрируется на глубине 130–120 см. Климатические условия теплые, с тенденцией к аридизации. Уменьшение антропогенной активности регистрируется на глубине 120–113 см. Этот период соответствует похолоданию и сухим климатическим условиям. В отложениях, на глубине 110–90 см вновь увеличивается антропогенная активность. Увеличение температуры и влажности отмечается в отложениях, на глубине 100–105 см. Отложения, на глубине 100–90 см формировались в умеренно прохладных условиях, при увеличении аридизации климата.

3. 85–75 см - максимальная аридизация климата и высокие температуры в отложениях светло-бежевого лессовидного суглинка. В отложениях, на этой глубине, также фиксируется низкая антропогенная активность. Следующий период повышенной антропогенной активности регистрируется на глубине 80–55 см. Климатические условия в начале этого периода характеризуются как влажные и прохладные, а к концу этого этапа переходят к влажным и теплым.

Как уже отмечалось выше, при исследовании стоянок между культурными слоями были зафиксированы стерильные прослойки эолового

происхождения. Геохимический анализ подтвердил, что они сформировались в период повышенной аридизации. Климатические условия в поздний период бытования орловской культуры, датирующиеся 5350–5120 лет ВС, характеризуются как теплые и влажные [Vybornov et al., 2020, pp. 58]. Так же, как и на Варфоломеевской стоянке, это самое благоприятное время для жизнедеятельности на памятнике. К этому культурному слою приурочено наибольшее количество находок. На стоянке Орошаемое доля пыльцы маревых в этом слое достигает 55% спектра. Наблюдается большое разнообразие пыльцы трав и кустарничков [Выборнов и др., 2022, с. 12].

Следующий культурный горизонт относится к прикаспийской культуре. Находки из этого слоя датируются 4900–4800 лет ВС. Хронологический разрыв фиксируется и стратиграфически. Прикаспийский слой отделен от орловского мощной стерильной прослойкой до 40 см. В этот период (5050 лет ВС) фиксируется максимальная аридизация климата, и как следствие, отсутствие антропогенной активности. Непосредственно в слое прикаспийской культуры фиксируется климатический максимум голоцена. В начале периода условия прохладные и влажные, в конце становятся теплыми и влажными [Vybornov et al., 2020, pp. 58]. Именно к верхней части культурного слоя и приурочена основная часть находок. Содержание пыльцы маревых максимальное – 65% спектра. Сокращается разнообразие травянистых растений (табл. 3) [Выборнов и др., 2022, с. 14]. Однако не во всех случаях доминирование пыльцы маревых свидетельствует об аридизации климата. Не исключается, что монодоминантный и резко обедненный состав растительности, реконструируемый на основе анализа данных спектров, присутствие пыльцы рудеральных растений, свидетельствуют о сильном преобразовании растительного покрова вокруг поселений человека за счет разведения скота и активной хозяйственной деятельности [Овчинников и др., 2020, с. 171].

Следующий эпизод максимальной аридизации на памятнике маркирует стерильная прослойка между прикаспийским и хвалынским культурными

слоями. Этот период характеризуется высокой скоростью осадконакопления. Артефакты из хвалынского слоя датируются 4400 лет ВС. На данном этапе климатические условия на памятнике вновь становятся теплыми и влажными [Vybornov et al., 2019, pp. 380]. Заметно снижается процент пыльцы маревых, возрастает количество полыни и хвойника. Состав пыльцы разнотравья становится более богатым [Выборнов и др., 2022, с.14]. Таким образом, появление на стоянках Алгай и Орошаемое населения одних культур и затухание других может объясняться, в том числе, и климатическими катаклизмами.

Интересны, в данной связи, и фаунистические изменения. На стоянках Алгай и Орошаемое так же фиксируется увеличение костей крупных копытных в период позднего неолита. В слоях прикаспийской культуры резко увеличивается количество костей сайги, а доля крупных копытных уменьшается [Выборнов и др., 2019].

Примечательны результаты анализа стерильных прослоек со стоянки Орошаемое. Что касается таксономического состава пыльцы - значительных отличий от культурных слоев нет. Единственный интересный момент касается стерильного слоя, перекрывающего прикаспийский КС. Пыльцевой комплекс образца с глубины 110 см содержит неожиданно большое количество пыльцы сосны - почти 1/4 общего количества, и 1 пыльцевое зерно ели. Что подтверждает вывод о более влажных условиях в прикаспийское время. Кроме того, во всех образцах, кроме верхнего (из слоя, перекрывающего хвалынский КС), присутствуют пресноводные зеленые водоросли *Pediastrum boryanum*, тонкие, но при этом вполне приличной сохранности. Вероятно, это означает, что участок, на котором располагалось поселение, начинал слишком часто заливаться рекой в половодье, и люди покидали его на какое-то время, чтобы жить на более сухом месте. Но потом, переждав эту череду многоводных лет, они вновь возвращались к реке. Ни в одном образце из культурных слоев ни одного таллома этих водорослей нет (по устному сообщению О.К. Борисовой) (табл. 4).

Таким образом, благодаря новейшим изысканиям в области палеогеографии удалось реконструировать особенности развития культур в различные периоды. Исследования последних лет позволили выделить определенные природно-климатические кризисы на территории Нижнего Поволжья и их связь с генезисом и развитием энеолитических культур региона.

1.2. История исследования и историография

Начало изучение каменного века в Нижнем Поволжье можно отнести к первой половине XX века. К этому периоду относится деятельность Саратовской ученой архивной комиссии. Однако ими были получены лишь сборные материалы, которые на тот момент было сложно интерпретировать [Ильина и др., 1929, с. 4–10]. В 30-е годы археологические изыскания в этом направлении становятся более систематическими. Материалы эпохи камня были найдены на левобережье Волги, в Калмыкии у сел Басы и Зензели [Рыков, 1929, с.53-59]. В силу отсутствия гомогенных стоянок все обнаруженные материалы относились к эпохе неолита или к более позднему времени. Однако уже в тот момент отмечалось своеобразие найденных материалов по сравнению с коллекциями лесного региона. В один комплекс были объединены микролиты и наконечники стрел с двусторонней ретушировкой в форме «флажка» или «рыбки» на стоянке у станции Сероглазово. В представления о содержании неолита, помимо других признаков, входили и двустороннеретушированные орудия. Кроме того, не исключалось доживание микролитой техники вплоть до эпохи ранней бронзы [Минаева, 1929, с. 28]. В 1948 году И.В. Синицыным были проведены разведки по рекам Большой и Малый Узени. Исследователь отмечал, что в археологическом плане исследованный район оказался весьма интересным, но находки относились к более позднему времени [Синицын, 1950, с. 101-102]. В следующем году данные исследования были продолжены. На всех поселениях по берегам Узени самой распространенной группой кремневых изделий являются скребки на коротких пластинах. Так же встречаются

трапеции с притупляющей боковой ретушью, сегментовидные орудия, ножевидные пластины, наконечники стрел из кремня или кварца. Самой массовой категорией находок является керамический инвентарь. Анализ керамики, обнаруженной на поселениях Узеней, позволил сделать вывод о том, что в этом степном районе Заволжья особенно ярко выявляется стык границ распространения смежных культур и близость керамических комплексов характерных для срубно-хвалынских культур Нижнего Поволжья [Синицын, 1951, с. 98-101].

Новым этапом в изучении эпохи энеолита в регионе можно считать 60-70-е годы. В первую очередь необходимо отметить опубликованные в 1974 году В.И. Мамонтовым результаты исследования Орловской стоянки в Волгоградском Правобережье. Уникальность этого памятника заключалась в сохранившемся культурном слое. Впервые в степном Поволжье удалось получить комплекс каменных орудий залежавших совместно с керамикой [Мамонтов, 1974]. Впоследствии материалы стоянки были отнесены к орловской неолитической культуре [Юдин, 1995]. В 1968 году в степном Заволжье Ю.В. Деревягин обнаружил стоянку Алтата с мощным культурным слоем [Деревягин, 1970, с. 150]. Последующие ее исследования дали весьма значительные результаты. Помимо каменного и керамического инвентаря на памятнике было обнаружено полуземляничное жилище с очагом [Деревягин, 1971]. Ю.В. Деревягин и В.П. Третьяков интерпретировали памятник как неолитическое поселение – мастерскую [Деревягин, Третьяков, 1974]. В это же время схожие с алтатинскими материалы были обнаружены на территории Волгоградской области. Отмечая некую тождественность алтатинской керамики с посудой стоянок Орловка и Ракушечный Яр, В.П. Третьяков писал о различиях в ее орнаментации. На основании этого автор предложил выделить в Нижнем Поволжье особую неолитическую культуру [Третьяков, 1974, с. 213]. В 1975 году изучение стоянки продолжил Д.Я. Телегин. Исследователь выделил пять стратиграфических слоев, в которых залегал материал, представленный каменными, костяными орудиями и

керамикой. Отмечалось, что среди каменного инвентаря преобладают изделия из кварцита. Д.Я. Телегин отнес стоянку к финалу неолита – раннему энеолиту [Телегин, 1985].

В 60-е годы А.Н. Мелентьев начинает обширные разведки на территории Северного Прикаспия. Помимо прочего, результатом его работы стало обнаружение около двухсот пунктов с каменным инвентарем из кварцита. Была выделена стоянка Кок-Мурун с кварцитовым комплексом и керамикой, орнаментированной гребенчатым штампом, а так же стоянка Шошак III со смешанной кремново-кварцитовой индустрией. С появлением кварцитовой индустрии А.Н. Мелентьев связывал окончание этапа доминирования сероглазовской традиции в обработке камня. Однако отмечалась некая преемственность и сохранение сероглазовской традиции в обработке микролитов. Отсутствие прямых аналогий найденной керамике не позволило автору определить ее культурно-хронологическую принадлежность. Но было выдвинуто предположение о близости гребенчатой керамики с кругом памятников Среднего Стога II [Мелентьев, 1976, с. 16]. Несмотря на это, выделенная прикаспийская культура была отнесена к периоду позднего неолита. С точки зрения источниковой базы того периода данное предположение было вполне приемлемым. Комплексы с воротничковой керамикой самарской культуры в лесостепном Поволжье были выделены лишь в 1975 году [Васильев, Матвеева, 1979, с. 155]. Именно они ознаменовали выделение раннего энеолита в Волго-Уралье [Мерперт, 1980, с. 20–21].

Что касается посуды с воротничковыми утолщениями в Днепро-Донецком регионе, то специалисты относили их к неолиту [Телегин, 1968]. Кроме того, было высказано предположение о производящей направленности хозяйства прикаспийцев [Мелентьев, 1980, с. 8]. Оформилась концепция, согласно которой каменный век Северного Прикаспия делился на два периода: ранний - сероглазовский и поздний – прикаспийский.

В 1974-1975-е годы Г.И. Матвеева и И.Б. Васильев, по материалам

могильника у с. Съезжее в Среднем Поволжье, выделяют самарскую культуру и относят ее к периоду раннего энеолита. Исследователи отмечали сходство съезжинской керамики с прикаспийской. Было высказано предположение о возможности находок памятников прикаспийского типа на территории Нижнего и южной части Среднего Поволжья от Каспийского моря до низовья реки Камы [Васильев, Матвеева, 1979, с. 160].

В 1974 году В.Н. Даниленко, в работе «Энеолит Украины», выделил три группы энеолитической керамики из Северного Прикаспия и указал на то, что эта посуда ближе к нижнедонской керамике (Ракушечный Яр), чем к восточноприкаспийской (Джебел). Кроме того, исследователь отнес воротничковые комплексы Днепро-Донецких могильников к азово-днепровской культуре раннего энеолита [Даниленко, 1974, с. 58-59].

Ко второй половине 70-х годов относится открытие и начало активного изучения хвалынской энеолитической культуры (ХЭК) [Агапов и др., 1979]. До этого в Поволжье имелись лишь отдельные ее проявления, свидетельствующие о наличии культурного пласта, предшествующего ямному времени [Мерперт, 1974, с. 135-136]. Только после исследования 158 погребений Хвалынского грунтового могильника близ г. Хвалынска на севере Саратовской области в 1977-1979 гг. стало возможным поставить вопрос о существовании в степном и лесостепном Поволжье особой археологической культуры эпохи развитого энеолита. Различные по типам захоронения сопровождал богатый погребальный инвентарь, включавший в себя воротничковую керамику, орнаментированную плетеными фактурами, разнообразные каменные изделия, гарпуны и крючки, украшения из раковины, кости, зубов и меди. Кроме того, отличительной чертой погребального обряда являлись жертвенные площадки с костями домашних животных над погребениями. В связи с открытием Хвалынских могильников были поставлены новые вопросы относительно генезиса и развития не только хвалынской культуры, но и всей эпохи энеолита в регионе. Примечательно, что отдельные находки материалов хвалынской керамики фиксировались на

достаточно широкой территории. Так, например, хвалынский сосуд был обнаружен при раскопках стоянки Сауз I в Икско-Бельском междуречье [Выборнов и др., 1984]. Керамика и каменный инвентарь хвалынского типа были обнаружены на песчаных выдувах Северного Прикаспия. Основываясь на данных о регрессии Каспийского моря и возможном изменении климата, Л.Л. Галкин делает предположение о миграции населения в более благоприятные области. Так же отмечается, что изменение природно-экологической среды могло повлиять на переход от присваивающего хозяйства к производящему [Галкин, 1982, с. 135–148].

К 1979-1980-м годам относится открытие и исследование мариупольского могильника Липовый Овраг. Среди материалов памятника не была обнаружена керамика, но по погребальному обряду и инвентарю могильник отнесен к самарской культуре. Примечательно, что на памятнике были обнаружены кремневые и кварцитовые вкладыши, что является показателем сосуществования техник в обработке камня [Васильев, 1980, с.27].

В это же время в Саратовской области было открыто и исследовано Алексеевское поселение. Коллекцию памятника составляла керамика с примесью толченой раковины в тесте, орнаментированная зубчатым штампом с желобком на внутренней стороне шейки сосудов и каменного инвентаря из кремня и кварцита [Васильев, Непочатых, 1977].

В конце 70-х годов XX века И.Б. Васильевым, на основе сходства материалов прикаспийской и самарской культур с керамикой Нижнего и Среднего Дона, была выделена Мариупольская культурно-историческая область раннего энеолита [Васильев, 1979]. Внутри нее было намечено два ареала: восточный (самарская и прикаспийская культуры) и западный (нижнедонская и азово-днепровская культуры) [Васильев, 1980, с. 30]. Правомерность этой концепции полностью поддержал Н.Я. Мерперт. Исследователю принадлежит обобщающая статья по проблемам энеолита степи и лесостепи Восточной Европы. Н.Я. Мерперт отмечает значительное

расширение источниковой базы энеолита в регионе. Появляются доказательства связи Поволжья и Приуралья с Северным Прикаспием, которые до этого фиксировались только в неолите. Обосновывается тезис о появлении производящего хозяйства на территории лесостепи и степи Волжско-Уральского региона в более раннее время и как следствие, миграция населения с юга на север [Мерперт, 1980, с. 3–21]. В дальнейшем данная теория получила развитие, были выделены характерные черты для всей мариупольской КИО:

- плоскодонные воротничковые сосуды с волнисто-прочерченным орнаментом;
- комплекс украшений, включающий прямоугольные пластины из клыка кабана, бусы, раковинные пронизки, подвески из зубов оленя, изображение животных на костяных пластинах и др.
- наличие крупных ножевидных пластин;
- каменные тесла и долота разных размеров;
- грунтовые коллективные могильники с обрядом вытянутых погребений и жертвенниками;
- отсутствие керамики на костяках и наличие ее на жертвенных площадках;
- жертвенники с костями лошадей;
- украшения из золота и чистой меди балканского происхождения.

Кроме того, у всех культур мариупольского круга исследователями были зафиксированы признаки скотоводства [Васильев, Синюк, 1985, с.27-39].

Определенным итогом этого периода становится работа И.Б. Васильева «Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь». Вся эпоха энеолита была разделена на три этапа: ранний, развитой и поздний. Прикаспийская культура, наряду с самарской, была отнесена автором к периоду раннего энеолита. Дается подробная характеристика прикаспийских стоянок и их материалов. Оговаривается сложность определения ареала распространения культуры,

ввиду малочисленности источников. Предполагается, что восточную границу можно провести по реке Урал. Решение вопроса о генезисе раннеэнеолитических культур на имеющейся источниковой базе оказалось невозможным. Однако автор указывал на культурную и хронологическую близость прикаспийских древностей с материалами нижнедонской культуры. Так же, И.Б. Васильев отмечал отсутствие разрыва между неолитическим и энеолитическим населением региона и указывал на присутствие компонентов местной сероглазовской, камской и лесостепных культур с гребенчатой керамикой [Васильев, 1981, с. 12-22].

Дальнейшее развитие раннеэнеолитические культуры получили в хвалынской культуре развитого энеолита. Были определены границы распространения памятников хвалынского типа. На севере – южные районы лесостепи до Самарской Луки, на западе – верховья реки Суры, на юге – река Хопер и низовья реки Дон, а на востоке – река Урал. На основе выделения близких черт между хвалынской и среднестоговской культурами предлагается выделить хвалынско - среднестоговской историко-культурной общности. К позднему этапу энеолита автор отнес памятники алексеевского и репинского типов. Отмечается отсутствие единства в позднеэнеолитических материалах Нижнего Поволжья. В каждом регионе наблюдаются характерные местные особенности. Период позднего энеолита в регионе рассматривается как переходный этап от хвалынско-среднестоговской общности к ямной [Васильев, 1981, с. 56]. Что касается хозяйственного аспекта, то И.Б. Васильев предполагал наличие специализированного скотоводства у племен самарской культуры. Этот вывод основывался на находках костей лошади и крупного рогатого скота, как на Съезжинском могильнике, так и на других памятниках самарской культуры. В качестве аргумента в пользу производящего хозяйства у самарцев автор приводит и находки костяных фигурок лошадей, найденных на Съезжинском могильнике и в материалах могильника Липовый Овраг. Уровень развития скотоводства у хвалынцев приравнивается к племенам

среднестоговской культуры. Д.Я. Телегин считал, что именно среднестоговцы первыми в Европе приручили коня и стали широко использовать его в хозяйстве [Телегин, 1968]. И.Б. Васильев предложил распространить этот тезис на более широкую территорию от Днепра до Урала, указав на то, что в восточной части этого региона коневодство могло играть большую роль. Об этом свидетельствуют многочисленные находки костей лошади, ритуальное захоронение их черепов и изображения [Васильев, 1981, с. 67–69].

И.Б. Васильевым и Р.С. Габяшевым был поставлен вопрос о взаимоотношении энеолитических культур Поволжья и Прикамья. Авторы указывали на значительное влияние культур мариупольской области на развитие камской неолитической культуры. Это отразилось в появлении в северных районах лесостепного и южных районах лесного Поволжья и Прикамья памятников типа Русский Азибей. На этих стоянках появляется воротничковая керамика, орнаментированная шагающей гребенкой; увеличивается количество крупных ножевидных пластин и основных типов тесел и долот. Самым северным пунктом с воротничковой керамикой является поселение Непряха. Так же, эта керамика фиксируется на Давлекановской, Муллинской и других стоянках. На основании новых элементов, не связанных с камским неолитом, Г.Н. Матюшин выделил агидельскую культуру [Васильев, Габяшев, 1982, с. 5-6]. В последующий период отмечалось влияние хвалынской культуры на волосовскую культуру Марийского Поволжья. Это отразилось в появлении сосудов открытых форм с Г-образным и Т-образным венчиками, орнаментированных горизонтальными рядами близко поставленных насечек. Так же, фиксировались некоторые параллели между хвалынской и гаринской керамикой. И.Б. Васильев и Р.С. Габяшев допускали некоторое хронологическое запаздывание развития культур севера и смешения разновременных южных импульсов. Материалы более поздней Алексеевской стоянки, степного Поволжья, авторы относят к синкретичному типу,

сочетающему раннеямные и волосовские черты. Таким образом, отмечается большая роль южного влияния в сложении энеолитических культур Среднего Поволжья. А в отдельные периоды фиксируется и обратное влияние [Васильев, Габышев, 1982, с. 10–14].

Новым этапом в изучении энеолита Нижнего Поволжья становятся 1980-е годы. Экспедиция Куйбышевского педагогического университета под руководством И.Б. Васильева начинает систематическое исследование памятников энеолита на территории Северного Прикаспия. Необходимо отметить, что ранее, изыскания в рассматриваемом районе проводились силами сотрудников Астраханской противочумной станции П.С. Дубягиним, В.А. Чуриновым и Ф.Д. Чикризным [Дубягин и др., 1982, с. 95]. В урочище Курпеже-Молла краеведами был обнаружен развал крупного сосуда с отогнутым воротничковым венчиком, орнаментированный горизонтальными рядами шагающей гребенки. Фрагменты от двух схожих сосудов найдены в урочище Кошалак. Аналогичная керамика, относимая к прикаспийской культуре, была найдена еще на пяти пунктах. Так же на урочище Кошалак обнаружено четыре сосуда, сопоставимых с керамикой Хвалынского могильника. Найдены остатки четырех могильников в районе Караузека и Тау-тюбе. Среди находок - шлифованные тесла, бусины из раковины *Unio*, скопление керамики хвалынской культуры и близкой к репинской, наконечники стрел в форме «рыбки» и треугольной формы, «утюжки». Кости скелета, обнаруженные в районе Караузека оказались в переотложенном состоянии и определение ориентировки оказалось невозможным. Относительно хорошую сохранность имел скелет из урочища Ак-жунас. У его черепа найдены ножевидные пластины и наконечник стрелы треугольной формы. Весь костяк усыпан медными бусами. В коллекции из Кошалака фиксируются 10 сосудов своеобразного облика с ямочно-жемчужными поясками. Эта керамика соотносится с материалами Репин Хутор и условно названа «прикаспийской репинской керамикой» [Дубягин и др., 1982, с. 98–107].

В ходе дальнейших работ экспедиции КГПИ пункты местонахождений Тау-Тюбе, Караузек, Кошалак были повторно обследованы. Выявлены местонахождения Буровые 40, 41, 42 и др. Так же, была исследована стоянка Курпеже-Молла, материалы которой локализовались тремя крупными скоплениями. Эта стоянка стала первым памятником прикаспийской культуры с сохранившимся культурным слоем. Обнаруженные крупные кварцитовые орудия, в противовес микролитической кремневой традиции неолита, и керамика с гребенчато – прочерченной орнаментацией позволили говорить о принадлежности прикаспийской культуры к эпохе энеолита. Кроме того, был обнаружен обломок медного артефакта, но исследователи не использовали его в качестве аргумента в пользу энеолитической принадлежности данных древностей [Барынкин, Васильев, 1985, с. 71–72]. По определениям И.Е. Кузьминой, костные останки, найденные на памятнике, принадлежат особям только диких животных [Кузьмина, 1988, с. 182]. Таким образом, предположение А.Н. Мелентьева о производящей направленности хозяйства прикаспийцев, на данном этапе исследований, не подтвердилось.

В 80-е годы Н.М. Малов вводит в научный оборот материалы Хлопковского могильника [Малов, 1982]. Погребальный обряд и сопутствующий инвентарь соотносятся автором с хвалынской энеолитической культурой. На территории Саратовской области становятся известны еще несколько одиночных погребений с характерными для хвалынцев признаками [Васильев, 1981, с. 26].

В степном Поволжье открыты и исследованы первые памятники прикаспийской культуры для степного Заволжья стоянки Озинки I и Озинки II. На Озинках I помимо материалов срубной культуры, обнаружена коллекция кремневых и крупных кварцитовых орудий труда с преобладанием пластинчатой техникой расщепления. Стоянка Озинки II содержит материалы только энеолитической эпохи. Весьма важно, что исследователь констатировал наличие в каменном инвентаре прямоугольных вкладышей.

Основная масса находок концентрировалась на дне сооружения типа землянки. Помимо выразительной каменной коллекции, найдены фрагменты трех сосудов с гребенчатым штампом, два из которых воротничковые. В. А. Лопатин отмечал простоту орнаментальных композиций озинской керамики в сравнении со съезжинской. И находил более близкие аналогии в материалах стоянок Ивановская и Старо-Елшанская в Оренбургской области [Лопатин, 1989, с.135-146]. Исследователь, с одной стороны, отмечает наличие местных неолитических традиций, а с другой относит комплекс к преддревнеявному времени и датирует концом IV – началом III тыс. до н.э. Осталась без трактовки орнаментация одного из сосудов перекрученной веревочкой. Необходимо отметить, что Н.Л. Моргунова, на основании материалов поселений Ивановское, Турганикское и др. выделила второй этап в развитии самарской культуры, синхронный хвалынскому времени [Моргунова, 1984].

В своей обобщающей работе по энеолиту Южного Урала Г.Н. Матюшин ставит под сомнение гипотезу И.Б. Васильева о формировании культур с воротничковой керамикой на базе южного неолита с прочерчено-накольчатой керамикой и камских неолитических племен с гребенчатой керамикой. Ранний этап энеолитической агидельской культуры автор сопоставляет с самарской культурой, а поздний с хвалынскими материалами. Привлекая стратиграфические данные камских стоянок Мулино III и Давлеканово III, Г.Н. Матюшин указывает на то, что гребенчатый неолит предшествует материалам агидельской культуры. Из этого следует, что агидельская культура сформировалась на основе местного неолита, а, следовательно, процесс сложения степных культур с воротничковой керамикой представляется более сложным [Матюшин, 1982, с. 264–270].

В 1984 году в Саратовской области на р. Большой Узень были произведены охранно-разведочные археологические работы, в ходе которых было обнаружено несколько памятников, отнесенных к эпохе энеолита. На селище Монахов I фиксировалась два культурных слоя. Нижний содержал

энеолитические артефакты, представленные керамикой с гребенчатым и зубчатым штампом и кварцитовым каменным инвентарем, изготовленным, преимущественно, на отщепах [Юдин, 1986, с. 38–40]. В отличие от селища Монахов I поселение Орошаемое содержало находки только прикаспийской культуры. Были обнаружены фрагменты от воротничковых сосудов с гребенчато-прочерченной орнаментацией и выразительная каменная коллекция, представленная, в основном, кварцитовыми изделиями. Две кремневые и одна кварцитовая пластины с ретушью на брюшке интерпретировались автором раскопок как вкладыши. Примечательно, что большинство изделий было изготовлено с помощью пластинчатой техники расщепления камня [Юдин, 1986, с. 39–41]. В материалах смешанного комплекса селища Резвое фиксируется керамика прикаспийского облика и кварцитовый инвентарь, полученный, так же, с помощью пластинчатой техники расщепления [Юдин, 1986, с. 45]. Благодаря работам этого периода ареал прикаспийской культуры удалось значительно расширить. От Северного Прикаспия на юге до Волгоградского водохранилища на севере.

В 1985–1986 годах экспедицией Саратовского госуниверситета под руководством А.И. Юдина было исследовано многослойное поселение Кумыска. На нем обнаружены материалы неолита, а также прикаспийской и хвалынской культур. Поселение стало первым стратифицированным памятником, содержащим энеолитические материалы разных культур [Юдин, 1999]. На этой же территории было открыто и исследовано многослойное поселение Пшеничное. Материалы памятника были соотнесены А.И. Юдиным с комплексом со стоянки Алтата. Аналогичные материалы фиксировались на памятниках Монахов I и Первомайское. На основе своеобразия керамического комплекса (сочетание степных и лесостепных компонентов) и кварцитовой основы в каменной индустрии, автор объединяет эти памятники в алтатинский культурный тип, синхронный первому этапу дереивского периода среднестоговской культуры [Юдин, 1989, с. 164–165].

В это же время на территории Северного Прикаспия открыты и изучены стоянки Кара-Худук, Каир-Шак VI, Комбак-Тэ [Барынкин, Васильев, 1988, с. 123–139; Барынкин, 1989, с. 106–118; Барынкин, 1992, с. 19–22]. Эти памятники стали первыми известными поселенческими комплексами хвалынской культуры. Важно отметить, что на этих памятниках были обнаружены не только сохранившиеся культурные слои, но и остатки сооружений. Культурная принадлежность стоянок определялась близостью материалов с артефактами хвалынского могильника. Однако сходство керамики определялось лишь общими чертами. На уровне конкретных типов соответствия были выборочны. Это различие объяснялось тем, что в отличие от Хвалынского могильника, североприкаспийские стоянки были бытовыми. Кроме того, нельзя не учитывать и региональные различия. А в пользу принадлежности новых памятников к кругу хвалынской культуры говорило и наличие бусин из раковин, характерных для Хвалынского могильника и всех энеолитических памятников степных районов [Барынкин, 1989, с. 106–118]. Так же, исследователи обратили внимание на группу керамики, сочетающей воротничковое утолщение венчика и накольчатую систему орнаментации. Они допускали, что данная посуда появилась в результате взаимодействия населения хвалынской культуры с позднейшими группами азово-днепровской культуры [Барынкин, Васильев, 1988, с. 141]. Что касается своеобразия каменного инвентаря, то исследователи зафиксировали наличие единичных прямоугольных микролитов. Помимо каменных и керамических артефактов, на стоянках был обнаружен остеологический материал. По определениям И.Е. Кузьминой кости домашних животных фиксируются на памятнике Кара-Худук I. Было выдвинуто предположение о том, что домашние животные появляются в регионе во второй половине IV тыс. до н.э. [Кузьмина, 1988, с. 173–189].

Накопленная источниковая база позволила развернуть дискуссию по вопросам генезиса энеолитических культур региона. Гребенчатая орнаментация керамики в Северном Прикаспии появляется вместе с

кварцитовой индустрией. Выходы кварцита известны на территории Саратовского и Самарского Поволжья. Исследователи отмечали преемственность между материалами позднего неолита и раннего энеолита Северного Прикаспия. Однако усилившиеся в энеолите культурные связи между отдаленными регионами позволили распространиться гребенчатой орнаментации и кварцитовой индустрии далеко на юг. Таким образом, концепция И.Б. Васильева о том, что прикаспийская культура сложилась на основе местного неолитического населения под влиянием северного лесного-лесостепного компонента становится более аргументированной [Васильев, Выборнов, 1986, с. 13-14].

Что касается хвалынской культуры, то ее происхождение связывалось с культурами мариупольского типа – прикаспийской, самарской и нижнедонской. Необходимо отметить, что формирование хвалынской культуры происходило не на основе какой-то одной культуры, а на слиянии и переработке культурных черт всех указанных раннеэнеолитических культур, что хорошо прослеживается в погребальном обряде, керамике и другом инвентаре. Значительный размер территории, занятой ею, сравнительно большое количество памятников и стабильность культурных черт, прослеживаемых во всех категориях археологических источников, свидетельствуют о резком усилении консолидации населения хвалынской культуры, подъеме хозяйства, развитии культурных связей и передвижений, увеличении плотности населения и т. д. Считалось, что именно в это время закладываются основы будущего нового крупнейшего культурного объединения ямной культурной общности [Васильев, Выборнов, 1986, с. 15]. Исследователи затронули вопрос взаимодействия хвалынцев с другими культурами степей Восточной Европы на широком территориальном фоне. Был выделен ряд общих признаков:

- бескурганный обряд погребения на раннем этапе и появление первых курганов на втором этапе развития культур;
- в основном, скорченное на спине положение погребенных, коленями

вверх;

- окраска охрой, иногда обильная;
- наличие крупных ножевидных пластин;
- наличие браслетов, подвесок из клыка кабана и раковины, булав

позднего мариупольского типа, выпукло-вогнутых подвесок с отверстием, каменных скипетров.

Это послужило основанием для выделения хвалынско-среднестоговской общности (ХСО) [Васильев, 1981, с. 31–34, 67–69]. Отметим, что в ХСО И.Б. Васильев и А.Т. Синюк включали и ранний этап репинской культуры [Васильев, Синюк, 1985, с. 59].

Концепция существования хвалынско-среднестоговской общности была подвергнута сомнению В. И. Пестриковой. На основании анализа погребального обряда могильников среднестоговской культуры, новоданиловского типа и Хвалынского могильника, исследователь делает вывод о хронологическом приоритете хвалынцев над среднестоговцами [Пестрикова, 1987]. Кроме того, автор считает, что хвалынская и самарская культуры синхронны. И рассматривать самарскую культуру в качестве генетической основы для хвалынской нельзя. Также В.И. Пестрикова указывает на то, что предположение о производящей направленности хозяйства племен самарской культуры недостаточно аргументировано, и называет наиболее ранними скотоводами в регионе хвалынцев [Пестрикова, 1987]. В определенной мере эту точку зрения поддержал П.П. Барынкин, говоря о синхронности хвалынской культуры памятникам с «воротничковой» керамикой [Барынкин, 1990, с. 34–35].

В 1987 г. было начато исследование эталонной стоянки неолитической орловской культуры Варфоломеевская в степном Поволжье. Помимо неолитического материала, в верхних слоях были обнаружены артефакты, относящиеся к эпохе энеолита. В частности, к прикаспийской культуре [Юдин, 1988, с. 145]. На основании этих материалов А.И. Юдин сделал вывод о том, что раннеэнеолитические памятники Степного Заволжья

формируются на базе местного неолита [Юдин, 1990, с. 26-27].

Принимая во внимание радиоуглеродные даты и данные споропыльцевого анализа, П.П. Барынкин говорит о минимальном разрыве между временем бытования населения позднего неолита и энеолита. Автор проводит параллель между культурно-хронологическими процессами нижней части Волго-Уральского междуречья в пределах Прикаспийской низменности и прилегающих к ней районов. Приводя в пример сосуществование орловской неолитической культуры и прикаспийской на стоянке Варфоломеевская, исследователь пишет о возможности такой же модели на территории Северного Прикаспия. На основе анализа материалов поселенческих памятников хвалынской культуры, П.П. Барынкин делает вывод о прерывистости культурного развития в степном Поволжье в период энеолит - бронза. Преемственности между хвалынскими и ямными материалами не прослеживается. Кроме того, палинологические исследования фиксируют наличие существенной по продолжительности фазы между периодами отложения этих культурно-хронологических комплексов [Барынкин, 1992, с. 19–22]. Кроме того, автор пришел к выводу о сосуществовании макро- и микротехник каменной индустрии хвалынской культуры. Что касается характеристики каменного инвентаря прикаспийской культуры, то он остался без скупуплезного анализа.

В то же время Н.М. Малов говорит о том, что грунтовые могильники не древнее ранних подкурганых, а имеющиеся между ними отличия обусловлены локальными особенностями. Таким образом, по мнению исследователя, памятники типа Хвалынского и Хлопковского могильников в культурном отношении можно объединить с первым этапом ямной культуры [Малов, 1990, с. 29–30].

В 90-е годы прошлого столетия накопившаяся источниковая база позволила исследователям выстроить хронологию энеолита для более узких территорий. Для Северного Прикаспия И.Б. Васильев выделял три этапа – мариупольский, хвалынский и репинский (ямно-репинский).

Стратиграфические данные Раздорской стоянки подтвердили тезис И.Б. Васильева о хронологическом приоритете культур мариупольского круга над хвалынскими. Над слоем ракушечноярской неолитической культуры залежали два мариупольских слоя, а над ними материалы аналогичные хвалынской культуре. В то же время исследователь допускал сосуществование поздних самарских памятников с хвалынскими. Как и поздних хвалынских подкурганых погребений с инокультурными группами. Таким образом, по мнению И.Б. Васильева, хвалынская культура являлась одним из основных компонентов в сложении ямной культуры Волго-Уралья [Васильев, 1990, с. 9-11].

Был поставлен вопрос о соотношении хвалынских и поздненеолитических тентексорских комплексов. Опираясь на данные споропыльцевого анализа, исследователи указывают на формирование отложений Тентексора и хвалынских памятников в рамках одного плювиала. Несмотря на отсутствие в этих комплексах материалов прямо свидетельствующих об их сосуществовании, авторы приводят в качестве аргумента находку медного предмета в слое 2А Варфоломеевской стоянки. Культурному типу воротничковой керамики присущ, по мнению исследователей, самостоятельный хозяйственно-бытовой уклад. На всей территории его распространения фиксируются признаки контактов носителей воротничковой керамики с тентексорцами и хвалынцами. Таким образом, предлагается трехкомпонентный культурный состав энеолитического периода [Барынкин, Козин, 1998, с. 73–79].

В этот же период становятся известны материалы шебирского типа полуострова Мангышлак. Сопоставимые с артефактами хвалынской культуры [Астафьев, 1990, с. 38–39]. Исключая возможность генезиса шебирских древностей на основе местной неолитической оюклинской культуры, А.Е. Астафьев и Г.В. Баландина говорят о миграции хвалынского населения с территории Северного Прикаспия. Авторы считают, что орнаментальные композиции керамики прикаспийской и самарской культур

нельзя связывать с местным неолитом, их истоки прослеживаются в анатолийско-балканском круге культур [Астафьев, Баландина, 1998, с. 149–151]. Частично эта концепция сформировалась на мнении В.А. Алекшина о том, что скотоводство проникало в Среднюю Азию с более северных территорий юго-западного Казахстана, Южного Урала и Нижнего Поволжья. Автор указывает на съезжинские и днепро-донецкие компоненты в материалах кельтеминарского могильника Тумек-Кичиджик в северной Туркмении [Алекшин, 1989, с. 153–154].

Что касается степного Заволжья, то А.И. Юдин, так же как и И.Б. Васильев, предлагал трехступенчатую модель развития энеолита в регионе. Начало энеолитической эпохи в Заволжье было связано с памятниками прикаспийской культуры и датировалось рубежом V–IV тыс. – началом IV тыс. до н.э. Что совпадало с верхней границей орловской неолитической культуры. Второй этап представлен подкурганскими погребениями с хвалынской керамикой и датируются серединой-третьей четвертью IV тыс. до н.э. А прикаспийская культура в этот период вступает в заключительную фазу своего бытования и какое-то время сосуществует с хвалынской. На основании находки хвалынского сосуда на стоянке Алтата автор делает вывод о развитии в этот период и алтатинского типа. Третий период энеолита в регионе представлен памятниками алтатинской линии развития. От предшествующих они отличаются преобладанием шнурового орнамента на керамике [Юдин, 1995, с. 12–15].

Более детальной разработке подверглась концепция о генезисе прикаспийской культуры на основе местного неолита. Поздние материалы Варфоломеевской стоянки были сопоставлены А.И. Юдиным с мариупольскими по 8 признакам, выделенными ранее для мариупольской КИО. Автор фиксирует ряд общих признаков для орловской и прикаспийской керамики: технология изготовления, орнаментальные элементы, трансформация внутреннего наплыва в воротничок. Так же указывается на наличие в материалах слоя 2А украшений, типичных для мариупольских

могильников, крупных ножевидных пластин из кварцита, шлифованных орудий, элементов погребального обряда и медной пластины. На основании этого А.И. Юдин делает вывод об автохтонности прикаспийской культуры, сформировавшейся на местной неолитической основе под влиянием лесостепного населения [Юдин, 1998, с. 97-104].

Г.Н. Матюшин отмечает, что выделенные на территории Нижнего Поволжья эпохи неолита, энеолита и бронзы, судя по радиоуглеродному датированию, синхронны. В качестве аргументации приводятся даты по Хвалынскому могильнику, как более ранние по сравнению с датировками стоянок Варфоломеевская, Тентексор и Джангар. К этому же времени относится стоянка ранней бронзы Кызыл-Хак II. Исходя из этого, автор делает вывод о том, что отнесение данных стоянок к разным эпохам условно и их следует относить к разным культурам [Матюшин, 1996, с.63]. Эта точка зрения не была поддержана А.А. Выборновым. На основании анализа имеющихся радиоуглеродных дат исследователь делает вывод только об определенном сосуществовании на левобережье Нижнего Поволжья поздненеолитических и раннеэнеолитических комплексов в первой четверти IV тыс. [Выборнов, 1997, с. 6].

Следующий этап изучения энеолита Нижнего Поволжья относится к 2000-м годам. Этот период характеризуется большим количеством работ обобщающего характера. Подводятся определенные итоги изучения хвалынской культуры. За предыдущие несколько десятилетий было определено, что хвалынская культура занимает большую часть Волго-Уральского междуречья. Памятники охватывают южную часть лесостепи и степь Поволжья и Приуралья, а на северо-западе заходит и в лесную зону. И.Б. Васильев отмечает исключительную важность открытия стоянки Кумыска. Ее промежуточное положение дает основание говорить о том, что вся территория степного и лесостепного Поволжья была заселена племенами хвалынцев. Именно в период бытования хвалынцев наблюдается культурная однородность населения от Каспийского моря до лесостепных территорий

[Васильев, 2003, с. 62–72]. Датировать хвалынские древности предлагается V тыс. до н.э. в калиброванных значениях [Васильев, 2003, с. 76].

И.Н. Васильевой проведен технологический анализ керамики из I Хвалынского могильника. Представлена комплексная информация о гончарстве хвалынцев, выделены ее характерные черты. Технологический анализ подтвердил вывод о культурной однородности населения оставившего могильник. Однако зафиксированы различного рода контакты хвалынского населения с инокультурными группами, в том числе, с носителями I группы Съзжинского могильника [Васильева, 2002, с. 15–49]. И если комплексы самарской культуры были проанализированы на технологию изготовления сосудов, то керамический инвентарь прикаспийского типа оставался вне зоны внимания специалистов.

В это же время появляется работа посвященная историографии хвалынской культуры. В.Г. Фадеев дает анализ имеющихся на тот момент концепций появления, распространения, взаимодействия и дальнейших судеб культуры, указывая на большую роль открытия хвалынской культуры в изучении первобытной истории Евразии [Фадеев, 2003, 100-117].

Разворачивается дискуссия по проблеме генезиса и дальнейших судеб энеолитических культур на конкретных территориях. И.Б. Васильев по-прежнему высказывается в пользу прямой генетической преемственности культурных компонентов хвалынцев и ямников. ХЭК наряду с другими культурами рассматривается как одна из основ сложения ямной культурно-исторической области [Васильев, 2001].

П.П. Барынкин выделяет для энеолита Северного Прикаспия два культурных типа – хвалынская культура и связанный с ней культурный тип воротничковой керамики. Именно они, по мнению исследователя, и определяют содержание энеолита в условиях регионального атлантического оптимума. Автор указывает на отсутствие связи между местным неолитом тентексорского типа и хвалынской культурой. Ее появление в регионе П.П. Барынкин связывает с юго-восточными территориями [Барынкин, 2001, с.].

Отмечаются контакты воротничкового комплекса с хвалынским, по всему ареалу их распространения. Исследователь отрицает генетическую связь между хвалынцами и ямной культурой. Указывая на различия в хронологической позиции и типологии, автор предлагает рассматривать проблему сложения ЯКИО на более широких исходных условиях. Период между бытованием в Северном Прикаспии хвалынцев и появлении ямников характеризуется как аридный [Барынкин, 2003, с. 58].

И.В. Горащук представил подробный технологический анализ каменных орудий хвалынской культуры со стоянок Каир-Шак VI, Кара-Худук и Гундоровского поселения лесостепного Поволжья. Автором были отмечены общие черты в производстве орудий труда этих памятников. Сделан вывод о том, что получение крупных пластин было основой хвалынской технологии. Причем производство пластин происходило непосредственно на стоянках [Горащук, 2003, с. 119–122]. Сопоставляя каменные комплексы хвалынской культуры с материалами шебирского типа с полуострова Мангышлак, И.В. Горащук отмечал полную их идентичность. Кроме того, автор развернуто аргументировал гипотезу о миграции хвалынских племен с территории Мангышлака на северо-запад, в Нижнее Поволжье [Горащук, 2003, с. 122–127]. Этот тезис впоследствии поддержал А.И. Юдин [Юдин, 2006, с. 405].

В.В. Ставицкий так же считал Восточный Прикаспий местом самого раннего проявления хвалынской культуры. Кроме того, автор критикует гипотезу миграции из балкано-дунайского региона носителей традиций погребения умерших скорчено на боку, с посудой, украшенной меандро-ленточной орнаментацией, которые и вступают в контакт с местными неолитическими племенами Поволжья. Аргументируется этот тезис отсутствием в наиболее раннем энеолитическом памятнике Поволжья – Съезженском могильнике – скорченных захоронений при наличии сосудов с ленточно-меандровой орнаментацией, так же, как и полное отсутствие подобной посуды в погребениях со скорченными скелетами в могильниках

[Ставицкий, 2003, с.58-60].

Против версии о происхождении хвалынской культуры с территории Восточного Прикаспия выступает Н.Л. Моргунова. Автор отмечает игнорирование И.В. Горашуком факта полного отсутствия связи между шебирскими (хвалынскими) материалами с местным неолитом — кельтеминарскими и оюклинскими памятниками. Так же, Н.Л. Моргунова указывает на весьма скромные сопоставления хвалынской каменной индустрии в месопотамских памятниках, ссылаясь на одну из работ Дж. Мелларта, носящую научно-популярный характер. Кроме того, исследователь высказывает сомнения относительно сравнения хвалынской керамики с расписной керамикой Сиалка и Джейтуна, не имеющих между собой ничего общего. Здесь же указывается на то, что более веским аргументом о связях степного энеолита с переднеазиатскими и ближневосточными культурными центрами является мнение С. В. Богданова, отметившим аналогии скорченному обряду погребения и каменным браслетам в Месопотамии [Моргунова, 2011, с. 116].

Так же эта версия была подвергнута критике и автором многочисленных раскопок на территории Мангышлак А.Е. Астафьевым. Исследователь полностью поддержал точку зрения Н.Л. Моргуновой и добавил еще несколько аспектов. По мнению автора, отсутствие на стоянках шебирского типа двусторонне обработанных наконечников не является признаком этапности заимствования технологий у лесостепного населения. Стоянка Шебир 4 является единственным «чистым» памятником хвалынской культуры. Остальные находки свидетельствуют лишь о культурных контактах между местным и пришлым населением. Исследователь так же обосновывает версию о продвижении хвалынцев на полуостров Мангышлак со стороны Волго-Уральского междуречья [Астафьев, 2014, с. 236–237].

Еще одна версия о происхождении хвалынской культуры связана с расселением среднестоговского населения. Н.С. Котова отмечает близость хвалынской керамики с сосудами нижнедонской, среднестоговской и

орловской культур. Аридизация, начавшаяся в период 6300–6200 лет ВР вынудила часть раннего среднестоговского населения степного Подонья переселиться в более северные регионы, в том числе на правый берег Волги. Здесь среднестоговское население ассимилировало отдельные группы орловской культуры, так же, как и отдельные южные группы населения саратовской культуры. В результате этих процессов и сформировалась хвалынская культура. В период 6100–5900 лет ВР происходит увлажнение климата. В это время хвалынское население начинает расселяться на юг по долине Волги, достигая около 6000 лет ВР пустынь Северо-Западного Прикаспия и полуострова Мангышлак. По мнению исследователя здесь хвалынское население частично ассимилирует местное позднеэнеолитическое и прикаспийское. Однако часть прикаспийцев была вытеснена на север, в том числе в Саратовское Заволжье, где оно ассимилировалось с поздними представителями орловской культуры [Котова, 2006, с. 136–137]. Следует отметить, что Н.С. Котова впервые попыталась увязать развитие энеолитических культур в зависимости от колебания климата, связанные с аридизациями или периодами увлажненности.

А.И. Юдин развивает автохтонную теорию генезиса прикаспийской культуры. К аргументации исследователь относит следующее: ряд общих признаков при сопоставлении орловской и прикаспийской керамики; наличие в слое 2А украшений из зубов животных, раковин моллюсков, шлифованных орудий и медного предмета. Наличие воротничкового венчика у прикаспийцев объясняется трансформацией внутреннего наплыва орловской керамики, накольчатая техника сменяется гребенчатой, при сохранении технологии изготовления керамики. Таким образом, автор подтверждает свой ранее сделанный вывод о том, что прикаспийская культура формируется на основе местного орловского компонента под влиянием лесостепного населения. И происходит этот процесс одновременно с появлением на территории степного Поволжья носителей хвалынской культуры и алтатинского типа [Юдин, 2004, с. 169–174].

Автохтонность развития прикаспийской культуры позднее оспорил В.В. Ставицкий. Исследователь отметил, что не все перечисленные выше артефакты можно отнести к специфически мариупольским. Кроме того, автор считает, что только три сосуда с Варфоломеевской стоянки являются мариупольскими. В связи со стратиграфическими особенностями памятника эти сосуды могли попасть в слой 2А намного позднее. По мнению В.В. Ставицкого, в степном Заволжье формируется только часть мариупольских элементов, которые органично вписались в культуру пришедшего сюда позднее мариупольского населения [Ставицкий, 2013, с. 210].

В докторской диссертации по культурно-историческим процессам в неолите-энеолите Нижнего Поволжья А.И. Юдин обобщает все известные на тот момент памятники и местонахождения энеолитических материалов на рассматриваемой территории [Юдин, 2006, с. 24-31]. Впервые дана всесторонняя характеристика памятникам алтатинского культурного типа. Этой теме посвящена отдельная статья, в которой автор делает вывод о том, что алтатинские памятники существуют достаточно продолжительный период времени, на протяжении всей эпохи энеолита и отражают этапы «вливаний» разнотипного населения в степь. Алтатинская керамика разделена на три группы. Общим признаком для всех групп является сочетание неолитических лесостепных традиций (ребенчатый штамп) и степных (накольчатый орнамент). Каменная коллекция более однородна и состоит из кварцитовых орудий. Так как преобладание ребенчатой орнаментации в степи фиксируется еще в раннем энеолите, то очевидно, что формирование алтатинской керамики началось еще в период неолита. Так как позднее накольчатая традиция в регионе перестает существовать [Юдин, 2006, с. 153-161].

На первый взгляд, этот тезис противоречит мнению В.В. Ставицкого о формировании алтатинской керамики в период бытования второго этапа самарской культуры [Ставицкий, 2002, с.97]. Однако А.И. Юдин указывает на то, что финал неолита приходится как раз на съезжинский этап самарской

культуры. Исследователь считает, что предложенная ранее трехступенчатая модель культурного развития в энеолите не отражает реального культуругенеза в регионе.

Предлагается два этапа развития, где первый представлен памятниками прикаспийской культуры, а второй хвалынскими, бережновскими и алтатинскими и алексеевскими. Важно отметить, что, по мнению исследователя, культуры не сменяют друг друга, а развиваются параллельно. Ранний период, синхронный с поздним неолитом, относится к V тыс. до н.э., а поздний к IV тыс. до н.э. Хронологический разрыв между хвалынскими и ямными памятниками заполняется временем бытования позднего алтатинского и прикаспийского населения. Именно в период энеолита, по мнению автора, происходит прочное установление производящего хозяйства в регионе и окончательная domestикация лошади [Ставицкий, 2002, с. 30–31].

С 2007 года началось активное радиоуглеродное датирование древностей Поволжья. Этот период стал определяющим в построении относительной и абсолютной хронологии культур неолита-энеолита Нижнего Поволжья. По прикаспийским стоянкам Буровая 41 и Курпеже-Молла были получены 4 даты: 6880 ± 80 BP, 6790 ± 80 BP, 6050 ± 80 BP, 6020 ± 80 BP. Эти значения совпали с датировками второго периода нижнедонской культуры и периодов 1Б и 2 азово-днепровской культуры. Именно на этих этапах появляются присущие прикаспийской керамике воротничок и меандровые композиции, заполненные шагающей гребенкой [Выборнов и др., 2008, с. 192]. На основе анализа, представленных выше, радиоуглеродных значений и датировок материалов стоянки позднего неолита Тентексор I (6600 лет BP), А.А. Выборнов предположил частичное сосуществование прикаспийских памятников и неолитических с накольчатой посудой во второй-третьей четверти V тыс. до н.э. [Выборнов, 2008, с. 64]. Таким образом, подтвердилась ранее высказанная версия, о сосуществовании поздненеолитического и энеолитического населения Северного Прикаспия.

По материалам поселенческих памятников хвалынской культуры Каир-

Шак VI и Кара-Худук было получено 6 дат: 5070 ± 80 BC, 4920 ± 80 BC, 4780 ± 80 BC, 4950 ± 80 BC, 4980 ± 90 BC, 4820 ± 80 BC. Стало очевидно, что хвалынские древности датируются позднее, чем тентексорские. Подтвердился тезис об отсутствии связей между ними. Однако самые ранние хвалынские датировки стыкуются с поздними прикаспийскими [Выборнов и др., 2008, с. 193].

В 2010 году вышла коллективная работа, посвященная хронологическому соотношению энеолитических культур Волго-Уралья на основе радиоуглеродного датирования. К уже имеющимся датам по прикаспийской культуре добавились датировки материалов слоя 2А Варфоломеевской стоянки. Хроноинтервал прикаспийской культуры был определен промежутком от 5400 до 4800 лет BC. Хвалынская культура определялась интервалом от 5000 до 4500 лет BC. При очевидном хронологическом приоритете прикаспийцев, допускалось сосуществование этих групп населения на этапе формирования хвалынской культуры. Таким образом, сделан вывод о синхронизации раннего энеолита и поздненеолитических памятников в рамках нео-энеолитического этапа, хронологические рамки которого определяются в пределах от 5400 до 4800 лет BC. Следующий этап – 5000-4300 лет BC связан с формированием или проникновением хвалынской культуры, появлением памятников алтатинского и других типов [Моргунова и др., 2010, с. 25].

Несмотря на формирование относительно четких рамок бытования прикаспийской и хвалынской культур, вопрос об их генезисе оставался дискуссионным.

Н.Л. Моргунова поддержала точку зрения А.И. Юдина об автохтонном развитии прикаспийской культуры. По её мнению прикаспийская культура сложилась на основе местной орловской. А гребенчатый штамп и двусторонняя обработка появляется в регионе благодаря влиянию лесостепных и степных культур, в первую очередь самарской [Моргунова, 2011, с. 45–46]. Однако исследователь обратила внимание на невозможность

формирования всех мариупольских признаков на базе Волжско-Уральского региона. Автор приходит к выводу, что энеолитизация Волго-Уралья проходила на фоне плотных контактов с древнеземледельческими центрами. Аргументируется это синхронностью раннеземледельческих культур раннего энеолита Юго-Восточной Европы и культур мариупольского круга. Кроме того, исследователь указывает на связи степного населения с древнейшими металлургическими центрами Средиземноморья и Южной Азии [Моргунова, 2011, с. 72–75].

Что касается хвалынской культуры, то Н.Л. Моргунова, придерживаясь версии о хронологическом приоритете прикаспийских и самарских древностей над хвалынскими, достаточно четко аргументировала эту позицию такими фактами как:

- типологические различия в погребальном обряде, каменном и керамическом инвентаре;
- аналогии самарской и прикаспийской культур в мариупольской КИО, а хвалынской в среднестоговском ареале;
- наличие хвалынской керамики в материалах ивановского типа самарской культуры и отсутствие ее в съезжинской группе;
- аналогии хвалынским материалам в Нальчикском могильнике;
- стратиграфические данные со стоянок Кумыска, Ракушечный Яр, Раздорское I и памятников Среднего Дона.

Эти наблюдения позволили говорить о более раннем появлении мариупольских культур относительно хвалынско-среднестоговской КИО на всей территории их распространения. Таким образом, для Волго-Уралья, Н.Л. Моргунова, вслед за И.Б. Васильевым, предлагает трехступенчатую модель энеолита. Но уже уточненную конкретными радиоуглеродными значениями. К раннему этапу (5400–4800 BC) относится прикаспийская культура и первый съезжинский этап самарской. На среднем или развитом этапе (5000–4500 BC) доминируют хвалынская и второй ивановский этап самарской культуры, при сохранении культурных традиций мариупольской КИО. Автор

указывает на смену доминанта в этот период в пользу степных традиций. К позднему этапу (вторая половина V тыс.) относятся подкурганные погребения с хвалынской и постхвалынской керамикой и памятники алтатинского типа. Памятники алексеевского типа и репинской культуры отнесены к раннему бронзовому веку [Моргунова, 2011, с. 200–203].

Эта схема развития энеолита была подвергнута сомнению А.И. Юдиным. Исследователь указывает на довольно длительное сосуществование в начале V тыс. культур раннего и развитого энеолита, что не исключает двухступенчатой периодизации энеолита, где концом первого этапа станет завершение функционирования неолитических культур [Юдин, 2012, с. 101–102].

Накопленная источниковая база и всесторонний анализ полученных материалов позволили выделить и обосновать для территории Нижнего Поволжья период энеолита. Однако вопросы, связанные с формированием энеолитических культур, их периодизацией и взаимосвязями остаются дискуссионными. Во многом это связано со сложностью процессов происходивших в этот период на территории всей Восточной Европы.

На сегодняшний день сформулировано и аргументировано две модели эпохи энеолита. Первая представляет собой «классическую» трехступенчатую модель. А вторая подразумевает два этапа, на протяжении которых многие культуры формировались параллельно друг другу.

У исследователей нет единого мнения относительно статуса прикаспийской культуры, с появлением которой И.Б. Васильев связывал начало энеолита в регионе. Одни ученые относят ее к неолиту, другие к энеолиту, а третьи к переходному этапу нео-энеолита. Специалисты едины во мнении, что основной составляющей эпохи стала хвалынская культура. По вопросу ее происхождения на сегодняшний день сформировано и аргументировано три гипотезы. Первая обосновывает ее автохтонность и развитие на базе прикаспийской и самарской культур мариупольской КИО. Вторая связывает происхождение хвалынской культуры с балкано-

карпатским регионом. И третья группа исследователей выводит хвалынцев с территорий Восточного Прикаспия. По поводу содержания периода заключительного этапа энеолита, в Нижнем Поволжье так же нет единого мнения. Отчасти это связано с недостаточной источниковой базой.

Таким образом, историографический анализ выявил ряд дискуссионных вопросов, касающихся энеолита Нижнего Поволжья.

Глава 2. Источники по энеолиту Нижнего Поволжья и методика их обработки

2.1. Источники по энеолиту Нижнего Поволжья

Историографический обзор показал, что начало энеолита в Нижнем Поволжье большинство исследователей связывает с прикаспийской культурой. Дальнейшее развитие энеолитический период получил благодаря носителям хвалынской культуры. В данной работе использованы материалы прикаспийских и хвалынских памятников, расположенных на территории Северного Прикаспия и степного Поволжья.

Прикаспийская культура была открыта и обоснована в 70-е годы XX в. А.Н. Мелентьевым. К сожалению, не установлено точное количество стоянок, изученных исследователем. Однако автор отмечает, что открыто более двухсот местонахождений, стоянок и отдельных находок комплексов с кварцевой индустрией. Так же, указывается на то, что большая их часть имеет смешанный кварцево-кремневый характер. Из «чистых» комплексов выделяется стоянка **Кок-Мурун**. Остатки культурного слоя были расположены на участке 6х10 м. В его северной половине обнаружено кострище и большинство кварцевых предметов, а в южной развал сосуда и остальная часть орудий. В коллекции каменного инвентаря выделяются скол с нуклеуса, концевые скребки на крупных пластинах (18 экз.), скобель и пластины. Сохранившая нижняя часть плоскодонного сосуда украшена овально-удлиненными контурами, заполненными рядами шагающей гребенки. Среди памятников со смешанной каменной индустрией А.Н. Мелентьевым выделяется стоянка **Шошак III**. Он расположен в урочище Кошелак, в двухстах км к востоку от Волго-Ахтубинской поймы. Площадь стоянки 12х8 м. В ее западной части преобладает каменный инвентарь, а в восточной расположен очаг и сплошной слой фрагментов керамики. Выделяются кремневые и кварцевые скребки (16 экз.), проколка, наконечник стрелы, пластинки с ретушью (6 экз.) и без нее (29 экз.) и небольшое количество сколов и отщепов. Так же был реставрирован

яйцевидный сосуд из плотного теста красновато-коричневого цвета с отогнутым коротким краем и круговым рядом жемчужин по шейке. Тулово орнаментировано сплошной елочной орнаментацией

Именно на основе материалов этих стоянок и некоторых других местонахождений, которые не известны нам по публикациям, А.Н. Мелентьев дает характеристику керамическим и каменным изделиям прикаспийской культуры. Это плоскодонные сосуды с воротничковым оформлением венчика, орнаментированные прочерченными зигзагами и рядами шагающей гребенки, а также каменный инвентарь, представленный скребками, пластинами и наконечниками стрел на крупных пластинах из кварцита [Мелентьев, 1976, с. 13–14].

Обращает на себя внимание большое количество орудий на стоянке Шошак III. Учитывая наличие на памятнике сосуда, который по характеристике относится к катакомбной культуре, эти орудия могут быть связаны с ним, а не с прикаспийским типом. Так же, важно отметить присутствие в каменном инвентаре микролитовидных вкладышевых пластинок из кремня. Автор раскопок обращает внимание на то, что они показатель влияния сероглазовской традиции в обработке камня [Мелентьев, 1976, с. 14].

В последующие годы И.Б. Васильев, П.П. Барынкин, А.И. Юдин, В.А. Лопатин и другие специалисты продолжили исследования в этом направлении. Ареал культуры расширился до степного Заволжья и Волго-Уральского междуречья. Из всех известных на сегодняшний день памятников прикаспийской культуры только несколько имеют сохранившийся культурный слой. Еще реже встречались однослойные памятники. В 1985 году была исследована стоянка **Курпеже-Молла**, расположенная в Астраханской области. Памятник находится в 2 км к юго-востоку от старого казахского кладбища, на восточном краю бархана. Бархан вытянут по линии восток-запад от сора, который находится с его северной стороны. Находки расположены тремя скоплениями. Первое располагалось в центре склона

бархана. Здесь находилась керамика воротничкового типа, единичные изделия из кварцита и кремня, обожженные кости животных. Так же обнаружен обломок медного острия. Второе скопление, судя по большому количеству первичных и вторичных отщепов, представляет собой место по обработке кремня. Третье скопление состояло из кварцитовых изделий и керамики воротничкового типа. Всего исследователи выделили 7 сосудов с утолщением на венчике в виде воротничка. Снаружи сосуды либо зачищены гребенчатым штампом, либо залощены. Тесто имеет обильную примесь толченой раковины ракушек, черепки плотные и тяжелые. Сосуды с раздутым туловом, стянутый верх и чуть отогнутый венчик. Основной элемент орнамента - отпечатки гребенчатого штампа, где известную роль играет техника шагающей гребенки. Большое место в композиции занимают прочерченные линии. Комбинации двух этих элементов образуют характерные для данного типа керамики орнаментальные композиции в виде очерченных полос отпечатков гребенчатого штампа. Композиционные зоны по тулову сосуда образуют сложные меандровые мотивы [Барынкин, Васильев, 1985, с. 58–65].

Необходимо отметить, что после публикации материалов в 1985 году исследования на стоянке продолжились, и обнаруженные позднее материалы не были опубликованы. В связи с этим появилась необходимость в повторном анализе коллекции, который показал наличие не только материалов прикаспийской культуры, но и хвалынской, а также синкретичной керамики прикаспийско-хвалынского облика [Дога, 2016, 43]. Так же, выявлены различия в каменном инвентаре, который достаточно четко разделяется на прикаспийский и хвалынский комплексы. Всего на памятнике нами было выделено 2 культурно-хронологических комплекса.

1. Прикаспийский комплекс. Керамика представлена плоскодонными сосудами с колоколовидным туловом, с отогнутой наружу горловиной и массивным утолщением – воротничком (при этом имеется часть сосудов без воротничка), орнаментированными преимущественно гребенчатым штампом

и прочерченными прямыми и изогнутыми линиями, образующими меандровидные фигуры. В современной коллекции содержится 16 сосудов прикаспийской культуры, которые можно разделить на несколько подгрупп: Семь сосудов с орнаментацией в виде сочетания отпечатков гребенчатого штампа и прочерков (рис. 2, 1–7). По срезу одного из венчиков нанесены насечки (рис. 2, 6). Пять экземпляров украшены оттисками гребенчатого штампа. Два воротничковых венчика, один из которых орнаментирован косыми, а другой косыми и вертикальными линиями гребенчатого инструмента (рис. 2, 8–9). Стенки от других сосудов несут отпечатки зубчатого штампа разной плотности и размера (рис. 2, 10–11). Два сосуда орнаментированы в технике шагающей гребенки в сочетании с прочерченными линиями. Воротничковый венчик первого украшен волнистыми прочерченными линиями и отпечатками гребенчатого штампа в технике шагания. На одном из фрагментов венчика имеется сквозное отверстие. С внутренней стороны венчика нанесены волнистые прочерки. Зона под венчиком украшена плотно поставленными рядами шагающей гребенки. По тулову сосуда волнистые прочерченные линии образуют зоны, заполненные шагающей гребенкой. С внутренней стороны сосуд заглажен зубчатым инструментом (рис. 3, 1–2). Другой сосуд украшен плотными рядами шагающей гребенки и прямыми прочерками. Фрагмент плоского дна от этого сосуда так же орнаментирован шагающей гребенкой (рис. 3, 3–5). Фрагмент воротничкового венчика на бордюрной зоне имеет ряды вертикальных прочерков (рис. 3, 6). Еще один обломок венчика сосуда не орнаментирован. Толщина фрагментов сосудов всех подгрупп колеблется от 0,7 до 1,0 см, а диаметр венчиков от 8 до 30 см. В качестве способов техники нанесения декора использованы: прочерчивание, штампование, шагание и в отдельных случаях накалывание. Отпечатки гребенчатого штампа являются преобладающим элементом орнаментальных композиций и составляют 75% от всей группы керамики прикаспийской культуры.

2. Хвалынский комплекс. Ко второй группе керамики отнесены 7

сосудов. Один венчик с утолщением овальной формы, орнаментированный отпечатками плетеных фактур, под срезом имеет горизонтальный ряд наколов (рис. 4, 1). Еще два венчика слегка отогнуты, один украшен наколами по краю бордюрной зоны и горизонтальными рядами прочерков (рис. 4, 2), а другой отпечатками плетеных фактур, наколами и короткими прочерками (рис. 4, 3). Два экземпляра имеют ряды отпечатков плетеных фактур и наколов (рис. 4, 4–5). Несколько фрагментов стенок от двух сосудов орнаментированы отпечатками плетеных фактур разной интенсивности и размеров. В коллекции есть фрагменты от округлых неорнаментированных днищ (рис. 4, 6). Толщина стенок варьируется от 0,7 до 0,9 см, а диаметр венчиков от 10 до 40 см.

3. Синкретический комплекс. Он включает 8 сосудов с чертами, характерными как для прикаспийской, так и для хвалынской посуды. Их можно разделить на две подгруппы. Четыре сосуда с прикаспийским воротничковым оформлением венчика имеют орнаментацию в виде отпечатков плетеных фактур в сочетании с наколами (рис. 5, 1–4). Еще четыре экземпляра украшены оттисками гребенчатого штампа, но венчики имеют разную форму, характерную для хвалынской культуры (рис. 5, 5–8). Примечательно, что один из сосудов орнаментирован сочетанием штампа и узкими наколами, нанесенными в отступающей технике (рис. 5, 5). Диаметр венчиков колеблется от 10 до 36 см. [Выборнов и др, 2022, с. 564–567].

Общее количество фрагментов из камня составило 640 экземпляров. В качестве сырья использовался кремнь темно-серого, молочного и коричневого цвета, кварцит – серого цвета. После пластин и продольных сколов без ретуши (93 экз.), а также аморфных сколов и отщепов (314 экз.), самой массовой категорией находок являются пластины и продольные сколы с ретушью со спинки по одной и двум граням (75 экз.). Две пластины имеют скобелевидные выемки, оформленные со спинки. Скребки выполнены на отщепах (11 экз.), а также на продольных сколах. По форме рабочего края выделяются прямые, округлые и скошенные. Часть из них имеет ретушь по

одной, двум боковым граням. Так же присутствует скребок с ретушировкой на $\frac{3}{4}$ и экземпляр с «рыльцем». Острия (6 экз.) выполнены на пластинах и продольных сколах. Кварцитовые вкладыши - пластины мелких размеров имеют ретушь со спинки, с брюшка и по торцу изделия (2 экз.) (рис. 6–7).

В коллекции выделяется комплекс микролитических изделий – скребки (3 экз.), острие, пластина с притупленным концом, трапеция со струганной спинкой. Этот набор характерен для мезолито-неолитических памятников Северного Прикаспия, и с энеолитическим комплексом региона никак не связан [Барынкин, Васильев, 1985, с. 58–65]. Неолитическая керамика на стоянке отсутствует.

Хвалынской группе присуще сочетание черного прозрачного и светло-серого матового сырья. В материалах стоянки обнаружены артефакты из данных видов сырья: концевые скребки на отщепах и продольных сколах (4 экз.), острия (2 экз.), наконечники треугольной формы с прямым основанием, обработанные двусторонней ретушью, прямоугольные вкладыши (рис. 8). Причем, из этого же сырья присутствуют и предметы, свидетельствующие о первичном раскалывании: отщепы, осколки, аморфные куски и пластины без ретуши, но с коркой [Выборнов и др., 2022, с. 567].

Таким образом, в коллекции памятника представлены артефакты, относящиеся к прикаспийской и хвалынской культурам. Кроме того, выделены сосуды смешанного облика. Установлен многокомпонентный характер стоянки [Выборнов и др., 2022, с. 576]. Обнаруженный в первом скоплении обломок медного острия вряд ли можно связывать с прикаспийским или хвалынским комплексами. Медные орудия труда не известны не только для прикаспийской, но и для хвалынской культуры. Очевидно, этот предмет попал в комплекс извне. Кроме того, на памятнике обнаружено несколько фрагментов керамики, относящихся к более позднему бронзовому времени.

Так же на памятнике было найдено 230 костей животных. По определениям И.Е. Кузьминой они происходят от 11 особей и принадлежат

кулану, крупному быку и сайге [Кузьмина, 1988, с. 182]. Неясным оставалась принадлежность костей животных: прикаспийские или хвалынские?

В 10–12 км от стоянки Курпеже-Молла был обследован пункт **Кок-Мурун**, расположенный на территории большого дюнного поля. Площадь памятника была зафиксирована по распространению находок и занимала участок 300х300 м. Культурный слой был сильно разрушен, сохранились лишь небольшие его участки. Обнаружено 23 фрагмента керамики от 3–4 сосудов, восемь из них имеют орнамент. Восстанавливаются верхние части од двух сосудов, один из них имеет воротничковое оформление венчика, а второй раструбовидное. Воротничковый сосуд орнаментирован по воротничку вертикальными линиями из оттисков отступающего гребенчатого штампа, а сохранившаяся часть тулова украшена горизонтальными зонами оттисков гребенчатого штампа.

Всего обнаружено 121 каменное изделие. Около 50 % изделий выполнено из кремня серого, коричневого, молочно-желтоватого цвета. Вторая половина изготовлена из кварцита серого и черного цвета. Основную часть коллекции составляют отщепы из кремня и кварцита, а так же пластины и продольные сколы без ретуши. К основным типам орудий относятся пластины и продольные сколы с ретушью, а также концевые скребки на продольных сколах и пластинах. Так же были обнаружены два ножа из кварцита и один из кремня, два наконечника стрелы из кварцита и один из кремня, одно долотовидное орудие из кремня и одно из кварцита. А также, сколы без ретуши, выполненные, преимущественно, из кварцита [Барынкин, Васильев, 1985, с. 65]. Микролиты или вкладыши обнаружены не были.

Еще одним пунктом с прикаспийскими материалами является стоянка **Шонай Восточная III** на территории современной Атырауской области Республики Казахстан (бывшая Гурьевская область) в 9 км к северо-востоку от поселка Кошалак. Она располагается в восточной части крупного бархана, вблизи сора. В котловине выдува (5х10 м) собраны изделия из кварцита и

фрагменты керамики. Обнаружены фрагмент венчика с воротничком, орнаментированный прочерчено-накольчатыми линиями, а сохранившаяся часть тулова – шагающей гребенкой. Отсутствие на стоянке другой керамики позволяет связать найденный кварцитовый инвентарь именно с этим сосудом. Всего было найдено 26 изделий среди которых продольные сколы и пластины с ретушью и без нее, скребки на сколах и пластинах и одно острие [Барынкин, Васильев, 1985, с. 66].

Прикаспийские материалы обнаружены на пункте **Кошалак II**. Помимо посуды других эпох здесь обнаружено 46 фрагментов керамики: 2 фрагмента воротничкового венчика, 2 фрагмента плоских днищ, 22 фрагмента орнаментированных стенок сосудов и 20 фрагментов стенок без орнамента. Венчики орнаментированы оттисками вертикально поставленного гребенчатого штампа и вертикальными линиями линзовидных насечек. На внутренней стороне венчика – оттиски гребенчатого штампа, нанесенного под углом к срезу венчика. Фрагменты тулова орнаментированы горизонтальными зонами из вертикальных и горизонтальных оттисков отступающего штампа. Так же обнаружено 134 каменных изделия, 7 из которых кварцевые: продольные сколы и пластины без ретуши, два долотовидных орудия, наконечник стрелы и аморфные куски.

В фондах ИИМК была обнаружена коллекция из сборов А.Н. Мелентьева конца 1960-х годов. Выделены фрагменты керамики от одного сосуда с воротничковым оформлением венчика, орнаментацией в виде отпечатков зубчатого штампа и прочерченных линий. Примечательно наличие под воротничком ряда наколов (рис. 8, 1). Три фрагмента стенок с отпечатками зубчатого штампа и прочерченными линиями, вероятно, принадлежат этому же сосуду (рис. 9, 2–4). Еще один фрагмент стенки украшен в технике шагающей гребенки (рис. 9, 5). Так же в коллекции представлены кварцевые орудия труда: скребки на широких пластинах и крупных сколах; широкие ножевидные пластины, симметричные острия, обломки наконечников стрел в форме «рыбки», пластинки с ретушью со

спинки и брюшка, интерпретируемые как вкладыши (рис. 9, 6–17). Судя по шифрам на артефактах, можно предположить, что они происходят с местонахождений **Караузек** и **Кошалак III**.

Материалы, относимые к прикаспийской культуре, были обнаружены на стоянке **Истай II**. Всего было найдено 311 кварцитовых экземпляров. Отходы производства включают 70 отщепов, 78 чешуек, 13 аморфных кусков, 8 продольных и 3 поперечных скола с нуклеуса, 80 мелких сколов. Пластины (37 ед.) представлены средними частями. Диапазон толщины от 4 до 6 мм, а ширины от 12 до 14 мм. Единично фиксируются крупные пластины, шириной от 21 до 31 мм, а толщиной от 6 до 10 мм (рис. 10, 8). Скребки концевые с прямым рабочим лезвием, заготовками для которых служили массивные и широкие (31–38 мм) сколы (2 ед.), отщепы (1 ед.) и пластины (1 ед.) (рис. 10, 2-7). Так же в комплексе представлены широкие (20–35 мм) прямолезвийные ножи, лезвие которых было сформировано нанесением пологой ретуши на продольные грани отщепа, обломков массивных сколов и пластины (рис. 10, 1). Двустороннеобработанные орудия представлены наконечниками стрел (6 ед.) в форме «рыбки» и их обломками (рис. 10, 9–10). Примечательно, что один выполнен из кремня. Кроме того, был обнаружен геометрический микролит - кварцитовый вкладыш (прямоугольник) (рис. 10, 11). Так же обнаружен сосуд с воротничковым оформлением венчика и загладкой зубчатым штампом с внутренней стороны. Венчик украшен наклонными рядами прочерков, а фрагменты стенок орнаментированы гребенчатым штампом в сочетании с прочерками (рис. 10, 12–13) [Бородулин и др., 2023].

Примечательны фрагменты двух воротничковых сосудов с **Истая II** и **Же-калгана I**. Один сосуд орнаментирован отступающей палочкой с овальным концом в виде зигзага по воротничку, а также вдавлениями по срезу венчика и по основанию воротничка. Воротничок второго сосуда украшен зигзагом из двойных или тройных параллельных линий, выполненных отступающей палочкой с острым концом. По тулову нанесен

зональный орнамент из чередующихся горизонтальных линий, выполненных наклонными отпечатками короткого трехзубого штампа и заштрихованных висячих треугольников, нанесенных палочкой с острым концом в отступающей технике [Барынкин, Васильев, 1985, с. 70–71].

Еще один сосуд с воротничковым оформлением венчика, украшенный рядами наколов (рис. 11, 2) обнаружен на пункте **Кадыр-Гали-Стау**. Здесь же представлены 3 фрагмента стенки, украшенные рядами нечеткого гребенчатого штампа и 2 фрагмента плоских днищ, орнаментированных гребенкой (рис. 11, 3).

Выразительный воротничковый сосуд, орнаментированный горизонтальными и наклонными рядами зубчатого штампа (рис. 11, 1), происходит с пункта **35 км**. Каменный комплекс представлен 98 кварцитовыми предметами, 59 из которых отщепы. Так же представлены 4 поперечных скола с нуклеусов, 2 нижних обломка нуклеусов и 16 осколков. Представлено 16 широких и средних пластин без ретуши (5 верхних и 11 средних частей) (рис. 11, 5–6) и скребло на массивном сколе (рис. 11, 4). Еще 2 артефакта выполнены из кремня: концевой скребок с округлым рабочим лезвием на кремневом массивном отщепе (вторичный) с ретушью по одной грани (рис. 11, 7); обломок ножевидной пластины из черного прозрачного кремня.

Единичные фрагменты воротничковой керамики с орнаментацией в виде гребенчатого штампа были найдены в урочище **Тау-тюбе**, на пунктах **Кошалак Южная** и **Кошалак Юго-Восточная**.

В силу ландшафтных особенностей региона все перечисленные памятники не стратифицированные. Только на стоянках Курпеже-Молла, Шошак III и Кок-Мурун есть остатки культурного слоя, который залегает линзами, на всех остальных местонахождениях он отсутствует. В материалах стоянок и пунктов присутствуют артефакты различных эпох.

В степном Поволжье складывается несколько иная ситуация. Большинство памятников имеют хорошо сохранившийся культурный слой:

Озинки I, Озинки II, Кумыска, Варфоломеевская, Резвое, Передовое и некоторые другие.

Открытая В. А. Лопатиным стоянка **Озинки I** стала первым памятником прикаспийской культуры в степном Поволжье. Стоянка находится на левом берегу древнего русла реки Б. Чалыкла. Там были обнаружены материалы эпохи энеолита и бронзового века. Культурный слой, содержащий энеолитические, находки достигал 60 см и включал в себя отщепы, фрагменты костей животных, каменные орудия и керамику срубной культуры. Около 85 % каменных предметов изготовлено из кварцита, они гораздо крупнее кремневых (рис.12, 1). Самым массовым типом орудий являются концевые скребки на отщепах, пластинах и продольных сколах различной формы (рис. 12, 17–19). Обнаружены ножевидные пластины (рис. 12, 10–11), наконечники стрел и дротиков листовидной и подтреугольной формы (рис. 12, 5–9), а также перфораторы (рис. 12, 20).

Стоянка **Озинки II** расположена на ровном мысе правого берега древнего русла реки Салыклы, в трех километрах к юго-западу от рабочего поселка Озинки Саратовской области. Раскоп площадью 306 кв. м был заложен над овальным углублением. Автором раскопок был отмечен неоднородный характер напластований. По линии горизонталей 120, 140 см фиксируется край древней материковой террасы. Северная часть мыса между горизонталями 120 и 100 см представляла собой мощный лессовый массив, намывтый на правую сторону вогнутого материкового ложа древнего русла. Вне намыва, под плотным стерильным пластом с вкраплениями глея, залегала материковая подошва мыса. Именно в мягком лессе, вплотную к склону древней террасы и было обнаружено сооружение типа землянки. Овальное в плане сооружение размерами 24x8 м было ориентировано длинными сторонами по линии восток-запад и имело глубину от 1 м в восточной части до 1,5 м в западной. Нижний уровень пола фиксировался только по нивелировочным отметкам находок, так как культурное заполнение по цвету не отличалось от серого лесса. По этой же причине не

были обнаружены хозяйственные ямы. В северо-западном углу раскопа были прослежены остатки небольшого кострища диаметром до 1 м. Большое количество отщепов и предметов из кварцита позволило исследователям сделать предположение, о том, что это сооружение использовалось скорее как мастерская, нежели для жилья [Лопатин, 1989, с. 135–136]. Эта осторожность в выводах о жилище оправдана. Конструкция имеет очень большие размеры и крайне малое количество, скорее всего разновременной, керамики.

Всего на памятнике было обнаружено 195 изделий из камня и свыше трех тысяч кварцитовых отщепов различной величины. Обнаружено 5 нуклеусов для скалывания пластин (рис. 13, 15–17). Ножевидные пластины длиной от 2 до 11 см и шириной от 0,5 до см использовались для изготовления орудий. Преобладают мелкие пластинки вкладышевого типа с крутой притупляющей ретушью со спинки (рис. 13, 13,14). На пластинах изготавливались орудия сочетавшие функции ножей и скребков (рис. 14, 7). В качестве самих ножей использовались крупные острые пластины не подвергавшиеся вторичной обработке и пластины с мелкой притупляющей ретушью по краю (рис. 13, 8–10). Обнаружены три наконечника стрел, дротики и копья (рис.13, 4–6). Наконечники стрел изготавливались как на пластинах, так и на отщепах, имеют двустороннюю обработку. Они различаются по типу оснований: усеченные, выемчатые с намеченными жальцами и округлые. Большинство скребков выполнено на массивных отщепах, остальные на коротких пластинах (рис. 13, 18). Так же, в комплексе представлены две проколки: плечиковая на грубой кварцитовой пластине с противоположащими резцовыми сколами и проколка конической формы, отретушированная точечной техникой по спинке небольшого подтреугольного отщепа из кремня (рис.13, 12).

Керамический инвентарь стоянки представлен развалом привенчиковой части сосуда с прямыми стенками и отогнутым наружу венчиком, орнаментированный наклонными и горизонтальными оттисками

перекрученной веревочки (рис. 13, 2). Второй сосуд имеет яйцевидное тулово, выделенную шейку и воротничковое утолщение венчика. Украшен наклонными, горизонтальными и вертикальными оттисками зубчатого штампа (рис. 13, 1). Третий воротничковый сосуд с практически идентичным орнаментом реконструирован по фрагментам из подъемного материала (рис. 13, 3) [Лопатин, 1989, с. 138–142].

К сожалению, на сегодняшний день у нас нет доступа к полной коллекции памятника, но судя по представленным авторами рисункам, не исключено, что первый воротничковый сосуд украшен не оттисками перекрученной веревочки, а отступающим наколом.

Аналогичная керамика была найдена на стоянке **Кузнецово I**. Памятник расположен восточнее озинских стоянок, на правом берегу реки Деркул, в 2 км к западу от с. Кузнецово Каменского района Республики Казахстан. На памятнике с мощностью культурного слоя до 1 м был обнаружен котлован полуземляночного материкового жилища. Он имел округлую или грушевидную форму, ориентирован длинной осью по линии СВ-ЮЗ, плавно сужаясь к тамбурному входу, расположенному в СВ части, по направлению к реке. Ширина около внутреннего начала входа 6–7 м, в его внешнем конце 3–3,5 м. Общая длина входа с двумя ступенчатыми возвышениями около 7 м. Его стенки покатые. Ямок от столбов выявлено немного. Они не глубокие, располагались полукругом вдоль ЮЗ и ЮВ стенок, а также в тамбуре. По форме котлован похож на основание большой сезонной юртообразной постройки, вероятно, с коническим шатровым перекрытием без крупных несущих столбов. В заполнении котлована были найдены фрагменты керамики с воротничковыми венчиками и гребенчатой орнаментацией (рис. 14, 1–3), а так же кварцитовые и кремневые пластины, отщепы, скребки, нуклеусы, обломок полированного орудия и створки речных раковин [Малов, 2008, с. 72].

Поселение **Кумыска** находится на левом берегу реки Торгун, на южной окраине села Кумыска Палласовского района Волгоградской области.

Оно вытянуто вдоль берега реки, в связи с чем, культурный слой периодически подмывается. Отличительной чертой памятника является его стратифицированность. Культурные слои, мощность которых достигает двух метров, разделены прослойками светлого суглинка [Юдин, 1999, с. 122–57]. Энеолитический слой, в среднем, не превышает 0,4 м, но на отдельных участках достигает 0,7 м. Остатков жилых построек обнаружено не было. Керамика прикаспийской культуры была обнаружена в нижнем третьем слое, она залегала ниже всей остальной энеолитической керамики слоя. Это сосуды со слабо выраженным воротничковым оформлением венчика, орнаментированные прочерченными линиями, зубчатым штампом или полой камышинкой (рис. 15, 3–9). Три фрагмента венчика были украшены с внутренней стороны (рис. 15, 1,5,7), а части стенок еще одного сосуда украшены отпечатками веревочки (рис. 15, 2). Возможно, это является подтверждением того, что сосуд со стоянки Озинки II так же украшен в аналогичной технике.

Наиболее ярким является воротничковый сосуд, залегавший на одном уровне с неолитическими находками: с внешней и внутренней стороны венчик украшен наклонными и горизонтальными прочерченными линиями, под венчиком композиция из прочерченного зигзага, линий и оттисков зубчатого штампа. Тулово сосуда орнаментировано поясом из прочерченных линий, пространство между которыми заполнено горизонтальными рядами зубчатого штампа (рис. 15, 1). Так же, в коллекции этой группы керамики присутствуют фрагменты без воротничка. Однако по другим признакам – форма, способ орнаментации, состав теста и качество обжига они полностью соответствуют остальной керамики группы [Юдин, 2012, с. 10–11].

Наличие в комплексе разнокультурной керамики не позволяет отождествлять каменный инвентарь с конкретной керамической группой. Однако среди каменных изделий третьего слоя обнаружены крупные кварцитовые пластины и орудия на них (концевые скребки различной формы, ножи, наконечники стрел в форме «рыбки») (рис. 15, 10–17), характерные для

прикаспийских комплексов [Юдин, 2012, с. 16].

Материалы прикаспийской культуры были выделены в верхнем слое **Варфоломеевской** стоянки. К керамическому комплексу отнесено 4 сосуда. Фрагмент венчика одного сосуда слегка отогнут и утолщен к верхней части, орнаментирован горизонтальными строчками треугольного накола по венчику и отпечатками гребенчатого штампа по тулову. На внутреннюю сторону венчика нанесены наклонные оттиски трехзубого штампа (рис. 16, 1). Фрагменты двух других венчиков имеют характерное воротничковое утолщение (рис. 16, 2–3). Воротничок одного из них выражен слабо, по нему вертикально поставлены отпечатки штампа с округлым зубцом, а горизонтальные полосы под венчиком выполнены в технике отступающего накола (рис. 16, 2). От четвертого сосуда сохранился только фрагмент стенки. Он украшен лентами зубчатого штампа, оконтуренных волнистым прочерком (рис. 16, 4) [Юдин, 2004, с. 64–65].

Именно на основе этих фрагментов исследователь приходит к выводу о преемственности керамики неолитической орловской культуры к прикаспийской.

По мнению А.И. Юдина, неширокий, но выраженный венчик второго сосуда, с четкой гранью в нижней части воротничка, в профиле является зеркальным отражением внутреннего наплыва керамики слоя 2 А. По тулову и венчику нанесены оттиски гребенчатого штампа с подквадратным зубцом. У последнего сосуда венчик не сохранился. По профилированной стенке сосуда красно-коричневого цвета нанесены ленты зубчатого штампа, в некоторых местах проташенного, и оконтурены волнистым прочерком. Так же в этом слое появляются крупные кварцитовые пластины и орудия на них [Юдин, 2004, с. 65, 85] и обломок кремневого наконечника стрелы в форме «рыбки» [Юдин, 2012, с. 28] (рис. 16, 6-8). Единичной находкой является медная пластина, обнаруженная в слое 2А. Автор раскопок указывает на то, что предмет был обложен зубами лошади, и его случайное попадание в слой исключено [Юдин, 2004, с. 168].

На поселении **Скатовское** А.И. Юдин выделяет пластины, скребки, орудия со скоблевидными выемками (рис. 16, 20-23). Особое внимание следует обратить на кремневый наконечник кельтеминарского типа (рис. 16, 19). Кроме того, на Скатовском поселении обнаружен фрагмент косо срезанного вовнутрь воротничкового венчика, украшенного рядом наклонных отпечатков зубчатого штампа по воротничку и четырьмя горизонтальными оттисками веревочки и полосами зубчатого штампа (рис. 17, 18) [Юдин, 2012, с. 31–32].

На поселение **Резвое** материалы прикаспийской культуры залегают совместно с керамикой срубной культуры. Выделено несколько фрагментов керамики с оттисками зубчатого штампа, очерченных волнистыми линиями (рис. 17, 1–3) и 86 каменных изделий, большинство которых выполнено из кварцита серого цвета. Обнаружено 7 призматических и конических нуклеусов, из которых 3 кремневых имеет поздненеолитический облик (рис. 16, 8–10), а остальные кварцитовые имеют более крупные размеры (рис. 17, 4-5). Всего выделено 59 ножевидных пластин и орудий на них. К орудиям относятся скребки (рис. 17, 6, 12–14), пластины с ретушью и скоблевидными выемками (рис. 18, 11), наконечник стрелы подтреугольной формы с пологой ретушью по одной стороне, а так же два обломка наконечников (рис. 17, 15-17). Ширина ножевидных пластин и их сечений варьируется от 6 до 25 мм. Выделяется комплекс микропластин шириной 6–9 мм. Большая часть таких пластин ретушированы по одной или двум граням спинки. Одна пластина имеет ретушь с брюшка. Автор раскопок указывает на то, что эти изделия могли применяться в качестве вкладышей.

Керамика поселения **Передовое** еще менее выразительна и малочисленна. Прикаспийский комплекс выделяется по наличию кварцитовых пластинчатых орудий труда. Всего обнаружено более 250 экземпляров, из которых 170 отщепы и сколы без вторичной обработки. Обнаружены нуклеус для снятия пластин и продольный скол с нуклеуса, сечения пластин с ретушью и без нее, различные типы скребков на

пластинах, продольных сколах и отщепах, скобель, отбойник, наконечники стрел и дротиков с двусторонней обработкой (рис. 18) [Юдин, 2012, с. 28].

Многочисленные изделия из кварцита найдены на смешанной стоянке **Кушумская**. Энеолитический облик имеют двустороннеобработанные наконечники стрел листовидной и подтреугольной формы с прямыми и выемчатыми основаниями, крупные ножевидные пластины шириной до 46 мм, концевые скребки и округлые отбойники (рис. 14, 4–7).

Еще одним смешанным памятником является стоянка **Лебяжий Дол**. Каменная коллекция включает в себя два уплощенных нуклеуса подпризматической и конической формы; ножевидные пластины (30 экз.), шириной от 4 до 45 мм; скребки на пластинах и отщепах (26 экз.), наконечники стрел с двусторонней пологой ретушью (3 целых экз. и 7 обломков); обломки кварцитовых листовидных ножей (3 экз.) (рис. 13, 8-18). Автор раскопок указывает на определенную зависимость ширины пластины от сырья. Так узкие всегда изготовлены из кремня, а широкие из кварцита. Отмечается наличие мелких пластинок с ретушью по спинке или брюшку.

Несмотря на сохранность культурного слоя практических всех стоянок с прикаспийскими древностями, лишь на одной из них (Озинки II) культурный слой является гомогенным.

В этой связи крайне важными становятся материалы стоянки **Орошаемое** со слоем прикаспийской культуры залегающим *in situ*. Памятник расположен в 1,5 км к северу от окраины районного центра Александров Гай Саратовской области и в 2,1 км к северо-западу от его центра, на мысу правого берега р. Большой Узень (бессточный Камыш-Самарский водный бассейн на водоразделе рек Волга и Урал). В 1984 году на памятнике были произведены охранно-разведочные археологические работы, в результате которых были вскрыты 20 кв.м. культурного слоя вдоль осыпающегося берегового обрыва. Он состоял из светло-коричневого суглинка, в нижней части имел более светлый цвет и сильнее насыщен находками, в том числе и костями животных.

Все предметы из слоя относятся к энеолитическому времени. Керамика представлена фрагментами светло-коричневого и черного цвета с обильной примесью толченной раковины в тесте глины. Сосуды орнаментированы наклонными и горизонтальными отпечатками зубчатого штампа. Венчики сосудов имеют воротнички, выраженные в различной степени, в зависимости от размеров, или просто отогнуты наружу (рис. 19, 1–5). Большинство каменных находок изготовлено из кварцита. Исключение составляют 6 орудий и 14 отщепов из кремня и кремневой корки. Преобладает пластинчатая техника расщепления камня, на отщепах изготовлено всего 6 скребков. Из 144 каменных предметов, найденных в культурном слое, 59 – ножевидные пластины, сечения пластин и орудия на них. Ширина пластин колеблется от 7 до 35 мм, преобладают пластины шириной 14–15 мм и 20–25 мм. 11 экземпляров имеют ретушь по одному или двум краям, нанесенную со спинки, в двух случаях – со стороны брюшка (рис. 19, 9); на двух пластинах оформлены скоблевидные выемки. Наконечники стрел с двусторонней обработкой представлены тремя обломками (рис. 19, 6–8). Концевые кварцитовые скребки на пластинах и укороченных пластинах, как правило, имеют округлое лезвие (рис. 19, 10–14, 16–21) [Юдин, 1986, с. 40–41].

А.И. Юдин указывает на то, что наличие небольших пластин – «вкладышей» с брюшковой ретушью и крупных орудий скобляще-режущего типа является характерной чертой прикаспийского комплекса [Юдин, 2005, с. 163].

В период с 2014 по 2019 годы работы на памятнике были продолжены. Всего за 6 полевых сезонов было вскрыто 118 кв м культурного слоя. На стоянке стратиграфически в светло-желтом суглинке выделяются три слабо гумусированных литологических пласта, относящихся к трем культурно-хронологическим горизонтам (слоям) (рис. 20). Они разделены относительно стерильными прослойками. Верхний культурный слой толщиной до 30 см по находкам определяется временем бытования хвалынской энеолитической культуры. Толщина среднего культурного слоя колеблется в пределах 30–60

см. Он включал находки прикаспийской культуры. Артефакты нижнего культурного слоя, залегающего на материке, относятся к орловской неолитической культуре. Мощность его изменяется в пределах 0,4–0,8 м [Выборнов и др., 2020].

Коллекция прикаспийских древностей немногочисленна. Всего обнаружено 284 каменных артефакта из кварцита и кремня. Среди них несколько нуклеусов из кварцита и кремня конической и призматической формы (рис. 22, 1–4). Так же присутствуют сколы, осколки, аморфные куски и отщепы. Это свидетельствует о том, что первичное раскалывание происходило непосредственно на месте.

К самой массовой категории находок относятся кварцитовые пластины и их сечения длиной до 13 см и шириной от 0,8 до 5 см (рис. 22, 5–20). Большинство из них не имеют вторичной обработки. Ко второму, по массовости, типу орудий принадлежат концевые скребки на пластинах и продольных сколах с округлым (рис. 23, 2-3, 6-8, 13-14, 18, 22-23), прямым (рис. 23, 1, 9, 17, 21) и скошенным рабочим краем (рис. 23, 11, 15). Кроме того, встречаются дублированные (рис. 23, 4, 19, 20) и боковые скребки (рис. 23, 16). Их ширина варьируется от 1,5 до 3 см. Еще одним типом массовых находок являются массивные сколы, которые могли служить заготовками для ножей (рис. 24, 2,5). Ножи имеют прямолезвийную и саблевидную формы (рис. 24, 6–9, 11–12). Двусторонне обработанные орудия представлены обломками и целыми изделиями наконечников стрел с выемкой в форме «рыбки» (рис. 24, 1–2) и обломком листовидного наконечника (рис. 24, 3). Кроме того, обнаружен нож со сплошной двусторонней ретушью (рис. 25,12). Примечательны находки изделий с ретушью по продольным граням, нанесенной со спинки или брюшка. Эти орудия интерпретируется как вкладыши (рис. 25, 10–12). Небольшой процент от всей коллекции составляют симметричные острия на пластинах с ретушью по обеим граням, нанесенной со спинки и брюшка (рис. 25, 7–9) [Дога, 2023, с. 272-273].

Керамика сильно фрагментирована и представлена мелкими обломками

венчиков, стенок и днищ. Всего обнаружено около 80 фрагментов керамики, из которых 2 обломка плоских днищ, 6 венчиков от разных сосудов и 30 орнаментированных стенок. По венчикам и орнаментальным композициям выделяется 9 сосудов, орнаментированных гребенчатым или зубчатым штампом (рис. 256. Часть венчиков имеет характерное утолщение с внешней стороны – воротничок (рис. 26, 1–4, 19). Подавляющее большинство керамической коллекции составляют мелкие фрагменты неорнаментированных стенок.

Параллельно с 2014 года ведутся раскопки стоянки **Алгай**, расположенной в двухстах метрах от Орошаемого. Культурные слои эпохи энеолита залегают не по всей площади памятника, а только на участке раскопа Алгай 2. На 2023 год вскрыто 150 кв. м площади. Так же, как и на стоянке Орошаемое культурные слои орловской, прикаспийской и хвалынской культур отделены друг от друга мощными стерильными прослойками (рис. 21).

Всего обнаружено 472 каменных предмета, 335 из которых являются отходами первичного расщепления. Основным типом сырья является кварцит, из него выполнено 97 % находок. Подавляющую часть коллекции составляют крупные сколы (154 экз.) (рис. 24, 1, 3–4), пластины и их обломки (30 экз.). Орудия труда представлены скребками с прямыми, округлыми и скошенными рабочими краями (20 экз.) (рис. 23, 5, 10–11, 20, 22), ножевидными пластинами, ножом с дугообразным лезвием (рис. 24, 10) и 2 остриями (рис. 23, 5–6).

Керамическая коллекция прикаспийского слоя представлена, преимущественно, мелкими фрагментами стенок без орнамента (около 30 экз.) от предположительно, трех сосудов. Выделяются чуть отогнутый венчик, орнаментированный горизонтальными и вертикальными отпечатками плотно поставленного гребенчатого штампа, фрагмент стенки сосуда, украшенный зубчатым штампом и два фрагмента стенок, украшенных отпечатками гребенчатого штампа.

Хвалынская культура в Северном Прикаспии представлена поселенческими памятниками Кара-Худук, Каир-Шак VI и Комбак-Тэ. Стоянка **Кара-Худук**, расположена в 28 км к северу от станции Сероглазово Приволжской железной дороги Харабалинского района Астраханской области. Всего было исследовано 372 кв.м., что составляло всю сохранившуюся площадь памятника. Культурный слой сохранился сравнительно хорошо, особенно в центральной части. Выявлены элементы остатков жилищных конструкций. Значительного перемещения керамики и каменных изделий по горизонтам не было, на поверхности они находились недолго. Об этом свидетельствует хорошая сохранность керамики и остеологического материала памятника. Культурный слой представлял собой гумусированный песок серого цвета, различной интенсивности окраски. Мощность его от 20 см на большей части памятника до 50–60 в местах очажных углублений и зольников. Судя по структуре культурного слоя, отсутствию прослоек, однородности материала в ямах, в культурном слое и на его поверхности, он формировался в один, определенный хронологический период.

По данным исследователей, коллекция керамики памятника содержит фрагменты приблизительно от 30–50 сосудов. Общее количество фрагментов в коллекции – 670 экземпляров, из которых 214 орнаментированы. Фрагментов днищ – 8. Толщина стенок различна от 4–5 мм до 12–14 мм. Все фрагменты содержат в глине значительную примесь толченой раковины. Целые формы не восстанавливаются. По форме венчика вся керамика делится на две группы. К первой относятся сосуды с утолщенными венчиками различной формы – прямоугольной, четырехугольной, овальной, аморфной (рис. 27, 1–5). Ко второй группе относятся сосуды с прямыми, не утолщенными, отогнутыми под углом наружу венчиками различной высоты (рис. 27, 6). Сосуды первой группы орнаментированы зубчатым штампом, как правило, с косыми зубцами, оттисками створок раковины кардиум, сильно перевитого шнура или отпечатками аммонитов в виде

горизонтального и вертикального зигзага. Сосуды второй группы орнаментированы, в основном, в накольчато-прочерченной технике [Барынкин, Васильев, 1988, с. 133–135].

Повторное обращение к анализу керамического инвентаря данной стоянки позволило выявить ряд существенных моментов. Из текста и иллюстративного материала публикации не совсем ясно, что авторы подразумевают под отпечатками сильно перевитого шнура. Что касается оттисков аммонита, то современные данные по технике нанесения орнаментов, полученные И.Н. Васильевой, свидетельствуют о том, что это отпечатки плетеных фактур. В данной технике украшена подавляющая часть сосудов первой группы (рис. 27, 1–4). Часть сосудов, отнесенных авторам ко второй группе, по форме венчиков (рис. 28, 1–3), идентичны посуде прикаспийской культуры. Один сосуд орнаментирован наклонными прочерченными линиями по венчику и взаимопроникающими прочерченными треугольниками по тулову. По срезу венчика, а также под ним, имеются ряды насечек (рис. 28, 1). Прочерченный орнамент имеет еще один фрагмент привенчиковой части сосуда. Он украшен горизонтальными рядами прочерков и прочерками, образующими треугольник. Сохранившаяся часть венчика так же имеет прочерченный орнамент (рис. 28, 16). Выделяются два воротничковых венчика украшенные отпечатками зубчатого штампа и рядом наколов (рис. 28, 4–5). Один венчик воротничкового типа несет отпечатки зубчатого штампа (рис. 28, 8). Три фрагмента венчика сочетают ряды отступающего накола с отпечатками плетеных фактур (рис. 28, 9–10, 15). Еще один воротничковый венчик украшен только отпечатками плетеных фактур (рис. 28, 11). Так же, представлен фрагмент сильно отогнутого венчика, орнаментированный плотными горизонтальными рядами отступающего накола (рис. 28, 6).

Таким образом, помимо типичной хвалынской керамики в коллекции представлены сосуды прикаспийской культуры, а также посуда, сочетающая прикаспийские и хвалынские черты. Ряд прикаспийских сосудов имеют

наколы.

Так же была повторно проанализирована и коллекция каменных изделий, состоящая из 289 предметов. Обнаружено 4 поперечных и 1 ребристый сколы, 16 отщепов, 7 чешуек, 7 осколков, два скола и четыре аморфных куска из кремня светло-серого и желтовато-серого цвета. По сырью в отдельную группу выделяются 14 отщепов пестрого серого с белыми прожилками кремня.

К самым массовым находкам относятся ножевидные пластины без ретуши (54 экз.): 24 верхних частей (рис. 32, 16, 19), 19 средних (рис. 32, 20, 21) и 12 нижних (рис. 32, 18). Из них 8 экз. из серого пятнистого кремня, 12 экз. из светло-серого кремня, 8 экз. из серого кремня и 18 экз. из кремня темно-серого цвета. Еще 8 пластин выполнены из кремня «болотного» цвета. Выделено 22 ножевидные пластины с ретушью, из которых 7 сделаны из кремня серого пятнистого цвета, 6 из кремня светло-серого (молочного) цвета и 6 из кремня темно-серого цвета. Кроме четырех целых пластин (рис. 32, 11-12; рис. 33, 6), представлено 10 верхних (рис. 32, 5-6, 8; рис. 33, 21) и 9 срединных частей (рис. 32, 3-4, 14, рис. 33, 3-4, 8; рис. 34, 20). Большинство изделий (13 экз.) имеют ретушь по обеим граням (рис. 32, 1-7, 8, 12, 15, 17), 3 экз. по одной (рис. 32, 6, 10, 13) и 2 экз. с ретушью утилизации (рис. 33, 3-4). Еще один обломок широкой пластины из кремня болотного цвета так же имеет ретушь по обеим продольным граням. Обнаружено 4 обломка по одной или обеим граням, которых расположена мелкая краевая ретушь (рис. 33, 3-5). Еще одно изделие представлено нижней частью длинной пластины. Они могут интерпретироваться как ножи. Так же выделены 2 ретушированные пластины с выделенной головкой (рис. 33, 7, 12). Один артефакт выполнен из серого пятнистого кремня, а второй из болотного.

Вторым по массовости типом орудий являются концевые скребки (44 экз.), 22 из них имеют округлый рабочий край (рис. 29, 1-2, 13, 22; рис. 30, 1-4, 6-9). Большинство скребков изготовлено на массивных сколах и крупных пластинах из светло-серого и желтоватого кремня (рис. 29, 1-4; рис. 30, 1-4).

Один экземпляр на продольном сколе сделан из черного прозрачного кремня (рис. 30, 4), а другой на крупной пластине из узкополосчатого кремня (рис. 30, 2). На одном из скребков серое матовое сырье сочетается с черным прозрачным. Еще один скребок выполнен на пластине из прозрачного серого кремня. На 21 экземпляре ретушь нанесена по обоим продольным граням (рис. 29, 1-2, 4, 9, 15, 21, 22; рис. 30, 1-7, 9-12). У 10 изделий ретушь мелкая краевая (рис. 29, 2, 9, 20; рис. 30, 9, 11), а еще у 8 крупная, далеко заходящая на спинку (рис. 29, 1, 4, 6, 8, 18, 21; рис. 30, 3-4, 6). Скребок на пластине с округлым рабочим лезвием с одной стороны несет мелкую краевую ретушь, а с другой утилизационную (рис. 29, 7). Семь концевых скребков имеют прямое рабочее лезвие: два скребка по продольным граням имеют мелкую краевую ретушь (рис. 29, 3, 5); на одном экземпляре по одной грани нанесена пологая ретушь, далеко заходящая на спинку (рис. 29, 6); один скребок на узкой пластине несет мелкую притупливающую ретушь по обоим граням (рис. 29, 9). Все они сделаны из серого матового кремня. Остальные 3 изделия ретуши по продольным граням не имеют и выполнены на пластинах из серо-коричневого пятнистого кремня, черного прозрачного и темно-серого кремня (рис. 29, 11). На отщепах изготовлено 8 концевых скребков с округлым рабочим краем из серого матового, черного прозрачного, вишневого прозрачного, серого прозрачного и серо-коричневого сырья (рис. 29, 23, 24, 25, 30). Два скребка имеют скошенный рабочий край (рис. 29, 26, 28). Первый из серого матового сырья без ретуши на продольных гранях, а второй из серо-коричневого пятнистого кремня на средней пластине с мелкой краевой ретушью по обоим граням. Еще два скребка на массивных пластинчатых сколах имеют особую форму и технику обработки. Первый из них (побывавший в огне) подчетыреугольной формы с обработкой крутой ретушью по всему периметру (рис. 29, 12). А второй из желто-серого кремня имеет такую же обработку, но более вытянутый (рис. 29, 18). Кроме вышеописанных орудий представлено 3 обломка скребковидных изделий.

Всего в коллекции выделено 20 кремневых острий, 15 из них

симметричные (рис. 31, 1–2, 4–5, 7–11). Они изготовлены из кремня матового серого, темного прозрачного, серо-коричневого пятнистого, темно-серого, красноватого и светло-коричневого цвета. Кроме того, судя по внешнему виду и цвету, два экземпляра побывали в огне. Часть острий (5 экз.) имеют на обеих или одной продольной грани крутую ретушь, далеко заходящую на спинку (рис. 31, 2, 4–5, 9). Еще 7 экз. несут мелкую краевую ретушь по спинке по обеим или одной продольной грани (рис. 31, 7–8, 10–11, 15). Только с брюшка обработано 2 экз (рис. 31, 14, 20). Еще 3 скошенных острия с крутой, далеко заходящей на спинку, ретушью по одной или обеим граням (рис. 31, 3, 18, 19). К клювовидному типу можно отнести одно изделие на массивном сколе из желтовато-серого кремня. Оно обработано крупно-фасеточной ретушью по всей поверхности (рис. 31, 6). Еще один экземпляр определяется как перфоратор (рис. 31, 2). Представлено 2 резца из светло-серого пятнистого и желтоватого матового кремня (рис. 33, 18; рис. 34, 23).

Так же выделяется ряд обломков орудий: изделие на длинной пластине из серого пятнистого кремня, продольные грани которого покрыты краевой ретушью, а на конце оформлено скребковое лезвие; пластина средней ширины из серого кремня у которой одна продольная грань обработана краевой ретушью, а на второй сделаны скобелевидные выемки; пластина из серого пятнистого кремня на одной продольно грани несет краевую ретушь, а на второй далеко заходящую на спинку, верхняя часть обломана и не исключено, что это было острие. Аналогичный предмет выполнен из кремня темно-серого цвета. К вышеописанным артефактам можно отнести еще 4 обломанных орудия. Первый выполнен на массивной пластине из сочетания матового и черного прозрачного кремня по обеим продольным граням имеет далеко заходящую на спинку ретушь. К нему примыкает еще один обломок пластины из серого пятнистого кремня. Третий экземпляр из кремня желтовато-серого цвета имеет аналогичную обработку. У изделия на пластине из серого пятнистого кремня обработаны обе грани лишь у обломанной рабочей части. По характеру отделки этот артефакт можно

интерпретировать как острие.

Выделяется группа предметов, сделанная из узкополосчатого и яшмовидного кремня: два поперечных скола, один ребристый скол, девять отщепов, два обломка крупных сколов и одна крупная пластина с ретушью по одной грани. А также три обломка крупных сколов с пологой ретушью по одной грани (ножи). На целой узкой ножевидной пластине сделано острие с ретушью по обоим продольным граням (с одной стороны крутая, далеко заходящая на спинку, а с другой мелкая притупливающая). Четыре концевых скребка: три с округлым и один с прямым рабочим лезвием. Два сделаны на массивных сколах и два на отщепах. У всех по одной продольной грани нанесена ретушь. Еще один обломок орудия, сделанный на массивном сколе, имеет по обоим продольным граням далеко заходящую на спинку ретушь. Две ножевидные пластины средней ширины имеют на обеих продольных гранях мелкую краевую ретушь. Обнаружено 9 ножевидных пластин: одна целая, одна верхняя часть, пять средних и две нижних. Среди них один экземпляр с ретушью по одной продольной грани.

Еще одна группа представлена изделиями из черного прозрачного кремня: 9 мелких отщепов, 5 верхних, шесть средних и одна нижняя части пластин. На двух из них ретушь нанесена по обоим продольным граням. На более крупной пластине ретушь далеко заходит на спинку. Пять мелких ножевидных пластин сделаны из матового кремня черного цвета (три верхних, одна средняя и одна нижняя части).

Кварцитовый комплекс включает 21 отщеп, 3 нуклеидных и один поперечный сколы, 27 осколков, 2 аморфных куска, 2 нерегулярные пластины, 6 сечений ножевидных пластин (средние и широкая). Шесть регулярных пластин (две верхние, четыре средние части) относительно узкие, без ретуши (рис. 34, 2, 4). Один наконечник треугольной формы с чуть вогнутым основанием (рис. 34, 5). Четыре симметричных острия, по продольным граням двух из них нанесена крупная ретушь, далеко заходящая на спинку (рис. 34, 7,-8, 10). Еще одно острие, сделанное на длинной

пластине, так же имеет ретушь по всей длине продольных граней (рис. 34, 12). На узкой пластине представлен скобель, имеющий выемку, как со стороны спинки, так и на брюшке (рис. 34, 9). Четыре скребка на массивных пластинчатых сколах: три с прямым (рис. 34, 1,) и один с овальными (рис. 34, 3) рабочими краями. По продольным граням прослеживается ретушь. Еще два скребка высокой формы (рис. 34, 11, 13). Один обломок массивной пластины без ретуши (рис. 34, 6).

Единично представлены изделия из отличного от вышеописанных комплексов сырья. Скребок высокой формы из кремня коричневого цвета. Концевой скребок на пластинчатом отщепе из глянцевого кремня светло-серого цвета. Рабочий край прямой, ретушь по одной продольной грани. Обломок острия с ретушью, далеко заходящей на спинку из кремня светло-коричневого цвета. Сечение пластины с резцовым сколом? Две срединные части пластины из серого прозрачного кремня без ретуши. Одна срединная часть из серого кремня с ретушью по одной грани, а вторая без.

Выделяется группа артефактов из кремня разных оттенков серого: 2 срединные часть пластины, шириной 1 см по одной продольной грани которой, нанесена мелкая краевая ретушь, а на второй фиксируется ретушь утилизации (рис. 31, 22-23); срединная часть пластины шириной 0,8 см на одной стороне брюшка нанесена краевая ретушь (рис. 31, 27); нижняя часть пластины, шириной 1 см с мелкой краевой ретушью по одной продольной грани спинки, а на противоположенной грани длинный резцовый скол (рис 31, 24); срединная часть пластины, шириной 0,5 см с мелкой краевой ретушью по одной продольной грани (рис. 31, 34); срединная часть пластины, шириной 0,6 см по одной продольной грани которой нанесена мелкая краевая ретушь со спинки и с брюшка на поперечной (рис. 31, 26); срединная часть пластины, шириной 0,6 см с краевой ретушью по обеим сторонам брюшка (рис. 31, 32); срединная часть пластины шириной 0,6 см с ретушью по одной грани с брюшка (рис. 31, 37); 2 верхние часть пластины, шириной 1 см с пологой ретушью по одной стороне брюшка (рис. 31, 25, 29); срединная часть

пластины, шириной 0,8 см по обеим продольным граням которой нанесена мелкая краевая ретушь по спинке (рис. 31, 31); срединная часть пластины темно-серого цвета по одной продольной грани нанесена краевая ретушь (рис. 30, 37); еще одна срединная часть пластины с мелкой краевой ретушью по одной грани спинки (рис. 31, 37); нижняя часть пластины, шириной 0,4 см по одной продольной грани нанесена отвесная притупляющая ретушь (рис. 31, 30). Так же представлена срединная часть пластины шириной 0,7 см из кремня красного цвета с мелкой краевой ретушью по одной продольной грани брюшка (рис. 31, 38).

Коллекцию фаунистических останков памятника составляли кости кулана, сайги, тура, мелкого и крупного рогатого скота [Кузьмина, 1988, с. 182].

Другим опорным памятником хвалынской культуры в регионе является стоянка **Каир-Шак VI**. Она находится в 30 км к северу от железнодорожной станции Кигаш Западно-Казахстанской железной дороги, в Красноярском районе Астраханской области, в одноименном крупном песчаном массиве. В процессе раскопок культурный слой памятника вскрыт на площади около 100 кв.м. Исследования показали, что культурный слой практически не потревожен. Мощность вскрытой толщи доходила до 1,8 м. и делилась по вертикали на два горизонта: 1- коричневатого-желтый песок мощностью 1,2 м.; 2 – пылевидный песок шоколадно-пепельной окраски. Находки залегали на уровне второго слоя. Здесь так же обнаружены остатки жилищного сооружения. Материальный комплекс памятника содержит керамику, изделия из камня, раковины и кости.

По данным авторов раскопок керамический комплекс составляет 700 фрагментов от 19 сосудов. Днища представлены 4 экземплярами. Толщина стенок колеблется в пределах 0,5–0,7–1,2–1,4 см. В черепках визуально прослеживается примесь измельченной раковины. По цвету поверхности различаются на темно-серую и желтовато-коричневую. По оформлению венчика сосуды делятся на две группы. Первая группа представлена 15

экземплярами, на внешней стороне которых имеются утолщения. В сечении эти венчики имеют различную форму. Внешние поверхности стенок заглажены, внутренние выровнены (рис. 35, 1-2, 5). Во вторую группу выделены сосуды с высокими уплощенными венчиками (рис. 35, 3-4). Стенки от них имеют обработку, аналогичную фрагментам первой группы. Техника нанесения орнамента имеет ряд общих признаков: венчик украшался как на внешней, так и внутренних сторонах, иногда заходя и на срез; орнаментальное поле располагается в верхней части сосуда. В качестве основных элементов орнамента на сосудах первой группы использованы оттиски раковин, тонкого перевитого шнура, гребенчатого штампа. Орнаментальные композиции состоят из горизонтальных зон оттисков по тулову и косо-вертикальных оттисков по внешней и внутренней стороне венчика, вертикальных оттисков по краю среза венчика; горизонтальных зон по внутренней и внешней стороне венчика. Шейки сосудов орнаментированы ямками-наколами овальной и подтреугольной формы. В качестве делителя зон выступает прочерченный зигзаг в один или три ряда. Орнаментация сосудов второй группы выполнена в прочерчено-накольчатой и гребенчатой технике [Барынкин, 1989, с. 108-114].

При новой обработке коллекции не были обнаружены фрагменты с орнаментацией перевитым шнуром. Возможно, с этим связано то, что они не отражены в иллюстративном материале статьи. Что касается оттисков аммонита, то за них так же были приняты отпечатки плетеных фактур. В то же время есть фрагмент, сочетающий в себе ряды наколов (плетеных фактур), обрамленных прочерченной линией. Такая техника присуща не хвалынским, а сосудам прикаспийской культуры. Так же, выделяются 4 воротничковых венчика. Один из них урашен отпечатками плетеных фактур (рис. 28, 18), еще два орнаментированы зубчатым штампом (рис. 28, 17, 19), внешняя поверхность четвертого повреждена, но на внутренней фиксируются горизонтальные и наклонные ряды наколов (рис. 28, 20).

Костяные изделия представлены обломками ординарных проколов,

изделия из раковин - двумя бусинами.

Повторному анализу была подвергнута и каменная коллекция памятника, состоящая из 272 предметов. Большая часть артефактов выполнена из кремня (171 экз.). Представлено 2 поперечных скола из серого кремня. Самым массовым типом орудий являются скребки концевой типа (19 экз.): 9 экз. с округлым (рис. 36, 1, 3-4, 6, 9, 11-12, 14) 5 экз. с прямым (рис. 36, 5, 10) и 4 экз. со скошенными (рис. 36, 13, 15-17) рабочими лезвиями. Из матового кремня светло-серого (молочного) цвета изготовлено 5 скребков, еще 5 экз. из пятнистого светло-серого, 1 экз. из узкополосчатого, 1 экз. из болотного, 1 экз. из глянцевого серого, 4 из темно-серого кремня и 3 экз. имеют следы термического воздействия. На средних и узких пластинах выполнены 7 скребков (рис. 36, 1, 4, 6, 14) 5 экз. на крупных сколах (рис. 36, 5, 10, 15), 2 на пластинчатых отщепках (рис. 36, 2, 8) и 1 экз. на продольном сколе (рис. 36, 10). У большинства скребков (14 экз.) ретушь нанесена по обоим граням (у 5 скребков ретушь заходит далеко на спинку); 3 скребка имеют ретушь по одной грани, и 2 скребка ретуши по продольным граням не имеют. Еще одно орудие имеет скребковую ретушь по всему периметру, но одна торцовая часть обломана, поэтому его можно интерпретировать как концевой скребок, но нельзя исключать, что это обломанное острие (рис. 36, 28).

Выделяется один обломок артефакта из матового светло-серого (молочного) кремня на массивном сколе, продольные грани которого обработаны скребковой ретушь, далеко заходящей на спинку (рис. 36, 18).

Представлено 9 острий на пластинах из кремня различного цвета: матового светло-серого (молочного) (1 экз.), болотного (1 экз.), черного прозрачного (1 экз.) и матового кремня разных цветов: от темно до светло-серого (6 экз.). Симметричную форму имеют 5 экз. (рис. 37, 2-3, 5, 11-13), 2 экз. с плечиками (рис. 37, 4, 17) и 2 экз. скошенные (рис. 37, 16). На боковых гранях представлена как мелкая краевая, так и крупная, далеко заходящая на спинку ретушь. У одного острия в нижней части есть подтеска со спинки и с

брюшка (рис. 37, 2).

Имеется 14 пластин с ретушью: 7 верхних (рис. 36, 19, 29,30), 6 средних (рис. 36, 25) и 1 нижняя части (рис. 36, 29) из кремня болотного (1 экз.), матового светло-серого (молочного) (2 экз.), серого пятнистого (1 экз.) серого (4 экз.), желтовато-серого прозрачного (1 экз.) и 2 экз. были подвергнуты термической обработке. Без ретуши представлено 27 пластин: 14 средних (рис. 36, 24, 26-27), 6 верхних (рис. 36, 20-21) и 5 нижних частей (рис. 36, 22). Они так же изготовлены из разного кремня: матовый светло-серый (молочный) (2 экз.), болотный (4 экз.), темно-серый (4 экз.), серый (6 экз.), узкополосчатый (1 экз.), серый прозрачный (3 экз.) и еще 7 обломков пластин различных оттенков серого.

На обломках крупных сколов и ножевидных пластин изготовлено 7 ножей (рис. 36, 23, 32; рис. 37, 8-9) и еще 1 экз. на ребристом сколе. Они выполнены из кремня глянцевого серого (1 экз.), серого пятнистого (1 экз.) и болотного (1 экз.) цвета. И 2 экз. были подвержены термической обработке. Они имеют ретушью по обеим (3 экз.) или одной (4 экз.) продольной грани. Ретушь либо мелкая краевая (1 экз.), либо крупная, далеко заходящая на спинку (6 экз.).

Так же представлено 4 наконечника: из кремня матового серого цвета (1 экз.) из темно-серого (2 экз.) и 1 экз. из прозрачного серого кремня. Один из них со следами термообработки. Все наконечники имеют двустороннюю ретушь. Два из них треугольной формы с усеченным или чуть вогнутым основанием (рис. 37, 1, 10, 13-14).

В отдельную группу выделяются еще 6 предметов: вкладыш из кремня темно-красного цвета с мелкой крутой ретушью по длинной и коротким граням с брюшка, а с противоположащей со спинки (рис. 37, 23); срединное сечение пластины из кремня серого цвета, у которого на одной стороне брюшка расположена мелкая краевая ретушь; срединная часть пластины из кремня серого цвета, более широкая и толстая, имеет на одной продольной грани среднефасеточную, а на другой мелкофасеточную ретушь (рис. 37, 21);

срединная часть пластины со сколом, сходным с резцовым (рис. 37, 20); артефакт из кремня светло-серого цвета с ретушью на одной стороне брющка, напоминающий оформление наконечника кельтеминарского типа (рис. 37, 24).

Кварцитовый комплекс представлен 101 предметом. Среди них 35 отщепов, 2 ребристых скола, 6 поперечных сколов, 1 сильно сработанный нуклеус (рис. 38, 14) и 1 обломок части нуклеуса 4 аморфных куса и 6 осколков. Большинство пластин (31 экз.) не имеют ретуши (10 верхних, 15 средних и 6 нижних частей) (рис. 38, 5-6). Среди них нет широких пластин. Они либо средние (22 экз.), либо узкие (8 экз.). Ретушью по одной или обеим граням спинки имеют 10 пластин (рис. 38, 2, 4). Выделено 7 скребков концевой типа, из них 3 экз. с округлым (рис. 38, 10, 13, 16), 3 экз. со скошенным (рис. 38, 7, 12-13) и 1 экз. с прямыми рабочими краями. На массивных сколах сделано 3 экз. (рис. 38, 7, 10, 13), на широкой пластине 1 экз. (рис. 38, 12), на пластинчатых сколах 2 экз (рис. 38, 16). У 5 скребков есть ретушь по боковым граням (рис. 38, 7, 10, 12-13, 16). Еще 4 артефакта могут быть интерпретированы как обломки прямолезвийных ножей (рис. 38, 8, 17-18, 20). По их обеим продольным граням нанесена ретушь. Симметричных острия представлены 2 обломками рабочих частей (рис. 38, 3, 19). Кроме самого острия, боковые грани обработаны крутой, далеко заходящей на спинку ретушью.

Имеется 2 наконечника стрел: один крупный треугольной формы с усеченным основанием (рис. 38, 21) и один представлен обломком средней части наконечника полностью обработанным бифациальной ретушью (рис. 38, 23).

Выделяется группа изделий из сырья белого цвета типа песчанник: 3 верхние 4 средние части пластин, 1 поперечный скол с нуклеуса и 2 отщепа.

Остеологическую коллекцию памятника составляют кости кулана (12 особей), сайги (2 особи), овцы (24 особи), крупного рогатого скота (2 особи) и собаки (2 особи) [Выборнов и др., 2019, с. 361, табл. 2].

Еще одним важным памятником Северного Прикаспия является стоянка **Комбакте-Те**. Культурный горизонт стоянки представляет собой линзу серо-коричневого цвета, максимальная мощность толщи культурных отложений составляет 0,80 м. Культурно-почвенный горизонт размещался в толще эоловых отложений, различной мощности, которые подстилаются озерными [Барынкин, 1992, с. 6]. В полном объеме материалы памятника опубликованы не были и выводы относительно принадлежности стоянки к хвалынской культуре были сделаны, преимущественно, на основе анализа керамики [Барынкин, 2003; 2010; Барынкин, Козин, 1998; Васильев, 2003]. Однако последующий анализ показал, что даже керамический инвентарь данного памятника представлен не только сосудами развитого энеолита, но и другими типами посуды, которые относятся как к неолиту, так и к эпохе развитой бронзы. Исходя из этого, можно было предположить, что и каменный инвентарь стоянки будет неоднородным как в культурном, так и в хронологическом отношении. Ниже приводится анализ материалов, сделанный автором.

В керамической коллекции памятника насчитывается около 400 фрагментов. По оформлению венчика сосуды можно разделить на 3 группы. Первую преобладающую группу составляет посуда из глины с примесью толченых раковин пресноводных моллюсков. Ее верхняя часть оформлена в виде утолщений различной конфигурации, характерных для керамики стоянок Кара-худук и Каиршак VI. Орнамент расположен почти по всей поверхности сосуда. Он нанесен прямым или косозубым штампом, раковинами кардиум, ногтевидными насечками. Несколько утолщенных венчиков имеют орнамент в виде насечек, как с внешней, так и с внутренней стороны (рис. 39, 5, 9).. Вышеперечисленные признаки присущи именно посуде хвалынской культуры.

Вторую, значительно меньшую, группу керамики представляют фрагменты из глины с примесью толченой раковины. Сосуды имеют воротничковое утолщение венчика. Орнамент нанесен плотными рядами

шагающей гребенки, разделенными волнистыми линиями (рис. 39, 1–2). Комбинация этих показателей характерна для керамики прикаспийской культуры. Иначе говоря, помимо керамического инвентаря хвалынского типа, обнаружена посуда, определяемая нами как прикаспийская. К ней допустимо отнести несколько сосудов со специфическим оформлением венчиков и орнаментированных горизонтальными рядами короткого зубчатого штампа (рис. 39, 6–7). Эта керамика напоминает посуду нижнедонской культуры, которая одновременна прикаспийской. Такая керамика составляет единый комплекс с посудой воротничкового типа. Это дает основание предполагать аналогичную ситуацию и на стоянке Комбак-тэ.

Третья группа включает в себя несколько сосудов с примесью раковин моллюсков в тесте. Верхняя часть одного из них прямая. Он орнаментирован прочерченными линиями. Такие признаки присущи материалам каиршаковского типа неолита. Несколько фрагментов также относятся к неолиту. Украшены они прочерками или наколами в отступающей манере.

Есть два венчика синкретического типа. Венчик воротничковый, а сосуд орнаментирован прочерками и овальными наколами в отступающей манере (рис. 39, 3–4). Кроме того, присутствуют толстостенные фрагменты от округлой придонной части сосудов с примесью раковин в тесте. Они характерны для репинской культуры, относящейся к эпохе позднего энеолита или ямной культуры раннего бронзового века.

Еще 6 фрагментов от разных сосудов прямостенной формы орнаментированы шнуром, иногда в сочетании с рядами шагающей гребенки. Эти показатели в большей степени приемлемы для керамики полтавкинского типа эпохи бронзы.

Таким образом, на стоянке Комбак-тэ представлена керамика, относящаяся к неолиту, хвалынской и прикаспийской культурам. Так же выделены и более поздние комплексы [Выборнов и др., 2016, с. 20].

Каменная коллекция стоянки насчитывает 317 экземпляров. По сырью материалы делятся на две группы: изделия из кварцита (200 экз.) и кремня

(117 экз.). Примечательно, что 60 % артефактов выполнены из кварцита, когда как на остальных стоянках хвалынской культуры их число не превышает 20 %.

Кремневые изделия сделаны из сырья темно-серого и светло-серого (молочного) кремня, характерного для хвалынской индустрии. Выделены отщепы, сколы и аморфные куски (75 экз.). Так же представлены два поперечных и два ребристых скола с нуклеуса, а также один нуклеус для снятия пластин (рис. 37, 14).

Все скребки концевого типа (12 экз.), большинство имеет округлый рабочий край. Пять из них изготовлены на пластинах (рис. 34, 3,10), 3 на отщепах (рис. 40, 4) и 2 на массивных сколах и (рис. 40, 2,11). Толщина скребков варьируется от 0,3 до 0,8 см, а ширина от 1,1 см до 2,2 см. Выделяется экземпляр на длинной пластине с крутой ретушью по обеим продольным граням (рис. 40, 1). Еще у четырех скребков на крупных пластинах ретушь так же далеко заходит на спинку (рис. 40, 6-9). У одного экземпляра рабочее лезвие сделано не крутой скребковой, а пологой ретушью (рис. 40, 8). Примечателен скребок из нетипичного узкополосчатого яшмовидного сырья (рис. 40, 2).

Наконечники стрел (3 экз.) треугольной формы с выемкой в основании (рис. 41, 1-3).

Представлены 2 острия на пластинах из кремня прозрачного темно-серого и матового светло-серого цвета (рис. 41, 14,15), и одно, из узкополосчатого сырья, на массивном сколе (рис. 41, 16). Последний имеет далеко заходящую на спинку ретушь по продольным граням, а так же пологую ретушь по одной продольной грани брюшка.

Десять ножевидных пластин не имеют ретуши: верхние части (7 экз.) и срединные (3 экз.). Еще две верхние части пластин сделаны из кремня темно-серого цвета. Из этого же сырья изготовлены два перфоратора с плечиками на ножевидных пластинах (рис. 41, 17-18). Из сходного сырья выполнен еще один перфоратор с одним плечом (рис. 1: 19).

Выделено 6 прямолезвийных ножей: на сколах (4 экз.) (рис. 41, 13,20), и на пластинах (2 экз.) (рис. 34, 12). Пять из них имеют ретушь по обеим граням.

В отдельную подгруппу можно выделить 5 артефактов, относящихся к вкладышам: срединная часть пластины с мелкой притупляющей ретушью по одной грани (рис. 42, 9); срединная часть узкой ножевидной пластины с ретушью утилизации по боковым граням (рис. 42, 12); микропластинка с притупляющей ретушью по одной продольной грани (рис. 42, 14). Так же выделяются две пластины с мелкой притупляющей ретушью на продольных гранях. Один экземпляр является нижней частью пластины с ныряющим концом (рис. 42, 11), а второй (на срединной части) вполне может быть определен как вкладыш (рис. 42, 10).

Вторую группу составляют артефакты, выполненные из кварцита. Выделяются нуклеус для снятия отщепов (рис. 42, 13); нуклеидный скол с негативами отщепов; нижняя часть небольшого нуклеуса с негативами снятия пластин и кусок со следами скалывания, часть поверхности которого покрыто коркой. Так же обнаружены ребристые сколы (2 экз.). У одного имеется ретушь по одной грани.

К отходам производства отнесено 108 экземпляров, это отщепы (51 экз.), осколки (33 экз.) и чешуйки (24 экз.). Почти все отщепы представляют собой отходы производства. Пять обломков орудий на отщепах несут скребковую или пологую ретушь.

Всего выделено 36 скребков, заготовками для которых служили массивные сколы (толщиной 1,1–1,4 см, шириной 1,8–3,2 см), отщепы (толщиной 0,5 - 0,9 см и шириной 1,7 см - 3,0 см). Так же обнаружены скребки на крупных пластинах толщиной от 0,7 до 0,8 см и шириной от 2,0 до 2,5 см. и изделия на средних пластинах, толщина которых варьируется от 0,3 до 0,6 см, ширина от 1, 2 до 1,7 см. По форме лезвия скребки делятся на округлые (16 экз.) (рис. 43, 2, 4-8, 10, 12, 14, 19), прямые (8 экз.) (рис. 36, 9, 13, 15), веерные (4 экз.) (рис. 43, 17-18, 20) стрельчатые (1 экз.) (рис. 36, 16).

Представлено 20 ножевидных пластин без ретуши (7 экз. – верхние части, 9 экз. – средние и 4 нижних) шириной 1,1 см - 2,9 см и толщиной 0,3 см - 0,7 см. Преобладают экземпляры шириной от 1,4 до 1,6 см и толщиной от 0,5 до 0,4 см. Остальные представлены единично.

Заготовками для 19 ножей являлись массивные сколы (толщина от 1,0 см до 1,9 см, а ширина от 3,0 см до 4,5 см) (рис. 43, 1-2, 5, 7, 10) крупные (толщина 0,7 см и ширина от 2,0 до 2,6 см) (рис. 43, 6-7, 12) и средние (толщина от 0,4 см до 0,8 см, ширина 1,5-1,6 см) (рис. 43, 3-4) пластины. Семнадцать из них прямолезвийные (рис. 43, 1–2, 5, 6, 8), а один с двумя рабочими расходящимися сторонами. На массивных сколах изготовлено 9 экз., еще 6 экз. на пластинах (3 крупные), 2 экз. на пластинчатых отщепах и 1 на массивном треугольном отщепе. Ретушь (притупливающая, краевая, далеко заходящая на спинку) нанесена либо с одной, либо по обеим продольным граням (рис. 43, 1–8).

Выделено 2 целых острия симметричной формы на пластинах и один обломок. Одно острие имеет мелкую пологую ретушь по обеим продольным граням брюшка, а второе мелкую крутую ретушь, частично подработано перо и основание (рис. 43, 11).

Обнаружено 2 наконечника стрел в форме «рыбки» с двусторонней ретушью. Один выполнен из кварцита (рис. 41, 4), а второй (с обломанным пером) из кремня (рис. 41, 5). Так же имеются три обломка: у одного отсутствует верхняя часть, основание имеет повреждения (рис. 41, 7); второй так же обломан в верхней части, а нижнее основание скошено (рис. 41, 6). Все наконечники имеют двустороннюю ретушировку. Еще один обломанный экземпляр (рис. 43, 9) сделан на массивном сколе, что не характерно для наконечников как прикаспийской, так и хвалынской культур. Наиболее вероятно, его принадлежность к комплексу репинского типа.

Присутствует срединная часть пластины с резцовым сколом на одной продольной грани (рис. 41, 8).

В кварцитовой коллекции так же выделяется подгруппа из 5

артефактов. Один в форме прямоугольника имеет мелкую краевую ретушь на продольных гранях брюшка, а также пологую ретушь с торцовых сторон (рис. 41, 13). Еще один экземпляр на пластине имеет ретушь с обоих торцов на спинке (рис. 41, 15). Эта характеристика позволяет отнести их к микролитам типа прямоугольник. Обломок узкой пластины с мелкой притупляющей ретушью по продольной грани брюшка и мелкой краевой ретушью на противоположенной грани спинки (рис. 41, 16) интерпретируется как вкладыш. Еще один обломок узкой пластины имеет на одной продольной грани спинки притупляющую ретушь, а на брюшке обработка сделана по обоим граням (рис. 41, 18). Этот артефакт может быть интерпретирован как пластина с притупленным краем или вкладыш. Другой обломок имеет на продольных гранях крутую, далеко заходящую на спинку ретушь (рис. 41, 17) и вряд ли может быть отнесен к вкладышам.

На основе представленного анализа можно сделать вывод о том, что на стоянке Комбак-Тэ большими сериями представлены орудия труда характерные как для прикаспийской (кварцитовые скребки и ножи на широких массивных сколах, наконечники стрел в форме «рыбки»), так и для хвалынской (скребки на длинных пластинах, наконечники стрел треугольной формы с выемкой в основании, симметричные острия) культур.

Небольшая коллекция хвалынских материалов была выделена на местонахождении **Истай II**. Там было обнаружено 19 каменных артефактов. Они изготовлены из светло-серого и черно-прозрачного кремня. К отходам производства относятся 4 осколка и отщеп из полосчатого кремня. К орудиям можно отнести 3 обломка (рис. 10, 15) и одно целое острие (рис. 10, 16). Они изготовлены на пластинах и массивных сколах. Кроме того, был обнаружен нож на пластине с краевой ретушью по продольной грани и следами утилизации на другой грани (рис. 10, 14). Скребки концевые представлены округлой и стрельчатой формы. Ножевидная пластина в единственном экземпляре имеет крутую ретушь по продольным граням [Бородулин и др., 2023].

В степной зоне поселенческие памятники хвалынской культуры практически отсутствуют. За исключением небольшой коллекции керамики со стоянки **Кумыска** (рис. 44) и отдельных находок на стоянках **Алтата**, урочище **Мартышкино** и **Царица I** [Юдин, 2012, с 39].

Несмотря на смешанность комплексов стоянки Кумыска, в каменной коллекции памятника все же выделяются артефакты, относящиеся к хвалынской культуре. Это наконечники стрел треугольной формы из кремня с прямым или чуть вогнутым основанием. Они обработаны бифациальной ретушью (рис. 45, 13–14). Кроме того, аналогичные типы выполнены и из кварцита (рис. 45, 12). Такое сочетание подтверждается и материалами Северного Прикаспия (стоянка Комбак-тэ). К типичным орудиям хвалынской культуры следует относить и скребки на массивных скролах и крупных пластинах. Для них характерна обработка по одной, чаще обоим продольным граням, далеко заходящая на спинку (рис. 45, 2–5). К этому типу относится и скребок на крупной пластине, изготовленный из кварцита, но сделанный по аналогичной технологии (рис. 45, 1). Острия так же имеют типичные характеристики хвалынской культуры. Они изготовлены на длинных пластинах или массивных сколах с обработкой обеих продольных граней ретушью, чаще всего далеко заходящей на спинку (рис. 45, 7–8). Ножи представлены длинными и широкими пластинами с пологой ретушью по одной или обоим продольным граням (рис. 45, 10). Вполне допустимо отнести к хвалынскому комплексу и обломок кремневого вкладыша (рис. 45, 11), поскольку аналогичные представлены на памятниках хвалынской культуры Северного Прикаспия Каир-Шак VI [Барынкин, 1989, с. 113, рис. 7, 16] и Кара-Худук [Барынкин, Васильев, 1988, с. 128, рис. 3, 35]

Небольшие коллекции хвалынских древностей получены с памятников **Орошаемое** и **Алгай**. Коллекция керамики хвалынской культуры с обеих стоянок представлена не более чем двадцатью фрагментами керамики, большая часть которых не орнаментирована. Выделены венчики с «ушком» и со сливом (рис 46, 1–2), а также слегка профилированный венчик с

отпечатками плетенных фактур (рис. 46, 3). Еще один фрагмент венчика имеет массивный наплыв с внутренней стороны (рис. 46, 4). Два фрагмента стенок сосудов украшены отпечатками полой камышинки, еще две стенки имеют орнаментацию в виде отпечатков плетенных фактур и четыре фрагмента стенок имеют гребенчатую орнаментацию (рис. 46, 5–8). Из-за сильной фрагментированности керамики сложно выделить отдельные сосуды. Предположительно, насчитывается 5 экземпляров [Дога и др., 2017, с. 252].

Коллекция каменных орудий со стоянки Орошаемое включает порядка 70 предметов. К орудиям труда отнесены скребки с прямым, округлым, дублированным и стрелчатым рабочими краями (18 экз.), их ширина варьируется от 19 до 39 мм; два скребка на кварцитовых отщепках с ретушью на 3/4 и проколка на кварцитовой пластине с двусторонней краевой ретушью. Так же обнаружены 3 нуклеуса (рис. 47, 1-3) два нуклевидных скола (рис. 47, 5), крупные пластины, среди которых выделяются две с «ныряющим» окончанием (рис. 47, 4), шириной 13 мм и 12 мм, и еще две пластины с ретушью, шириной 19 и 38 мм, а так же пластина с резцовым краем (рис. 47, 21).

Так же выделяется комплекс орудий из кварцита, который вполне может соотноситься и с хвалынской культурой. Он представлен скребками, сделанными на массивных сколах и отщепках. Преобладает концевой тип с округлым рабочим лезвием (рис. 48, 1, 4, 6, 8–9). У некоторых из них на одной или обеих продольных гранях расположена ретушь (рис. 48, 6). Есть скребки с прямым рабочим лезвием (рис. 48, 5). Кроме того, встречаются скребки стрелчатого типа (рис. 48, 2–3, 12). Представлены округлые скребки высокой формы с ретушью почти по всему периметру (рис. 48, 11, 13). Кроме этого, встречаются ножевидные пластины средних параметров.

На раскопе **Алгай 2** обнаружено около 30 предметов, среди которых кремневый нуклеус (рис. 48, 6), скребки из кремня и кварцита (11 экз.), пластины с ретушью (5 экз.), два симметричных обломка острия на

кварцитовой и кремневой пластинах.

Хвалынская культура в степном Поволжье широко представлена грунтовыми могильниками и подкурганными захоронениями. Эталонными памятниками являются **Хвалынские могильники I и II**. Оба могильника отличаются богатым и разнообразным инвентарем. На памятниках представлена керамическая посуда, каменные орудия труда и скипетры, украшения из кости, раковины и меди. Керамика могильников имеет характерное утолщение различной формы на внешней стороне венчика и орнаментацию в виде оттисков плетеных фактур, отпечатков аммонитов, насечек, прочерков [Барынкин, 2011, с. 133-134].

Таким образом, источниковая база по энеолиту Нижнего Поволжья является достаточно представительной. На территории Северного Прикаспия обнаружено 3 памятника прикаспийской культуры с сохранившимся культурным слоем (Курпеже-Молла, Кок-Мурун, Шошак III), который залегает линзами. Однако только на стоянке Кок-Мурун нет инокультурной примеси. Кроме того, обнаружены пункты без культурного слоя, но содержащие только прикаспийские материалы (Шонай Восточная III, 35 км, Кадыр-Гали-Стау). Самой представительной является коллекция со стоянки Курпеже-Молла, которая на долгое время стала опорным памятником прикаспийской культуры в регионе. Две крупные стоянки, относимые авторами раскопок к эпонимным памятникам хвалынской культуры, Кара-Худук и Каир-Шак VI так же имеют хорошо сохранившийся культурный слой. Кроме того, на Кара-Худуке выделяются остатки жилищной конструкции. С этих памятников получены представительные коллекции хвалынских артефактов. Еще одной стоянкой с культурным слоем и большим количеством керамического и каменного инвентаря является памятник Комбак-Тэ.

В силу ландшафтных особенностей на территории степного Поволжья памятников с сохранившимся культурным слоем на порядок больше. Выделяется 9 памятников культурные слои которых содержат материалы

прикаспийской культуры (Озинки I, Озинки II, Кумыска, Варфоломеевская, Резвое, Передовое, Скатовская, Лебяжий Дол, Кушумская). Однако только на Озинках II нет инокультурных материалов.

Кроме того, небольшой раскоп, заложенный на стоянке Орошаемое в 1986 году, так же показал наличие только прикаспийских древностей. Именно благодаря этому факту исследователи вернулись к раскопкам данного памятника в 2014 году. Несмотря на обнаруженную многослойность культурные слои орловской, прикаспийской и хвалынской культур залежали гомогенно и были отделены друг от друга стерильными прослойками. Кроме «чистых» коллекций была получена первая четкая стратиграфическая колонка для культур неолита-энеолита региона. Определенная стратиграфия имела и на стоянке Кумыска. Однако границы между неолитическими и энеолитическими слоями не всегда прослеживались, а материалы оказывались смешанными. Удалось зафиксировать факт залегания прикаспийских материалов выше хвалынских. Впоследствии это подтвердилось благодаря стратиграфии на стоянках Алгай и Орошаемое.

Наличие гомогенной коллекции прикаспийской культуры позволило охарактеризовать специфику каменной индустрии, а также выделить определенные отличия между пустынной и степной посудой.

При повторном обращении к коллекциям стоянок Кара-Худук, Каир-Шак VI и Комбак-Тэ были выделены комплексы, относящиеся к каменной индустрии прикаспийской культуры. Особенно представительным является набор артефактов на стоянке Комбак-Тэ. Так же была выделена керамика прикаспийского, тентексорско-прикаспийского и прикаспийско-хвалынского облика.

Иначе говоря, на сегодняшний день мы имеем возможность дать характеристику каменному и керамическому инвентарю как Северного Прикаспия, так и степного Поволжья.

2.2. Методика обработки источников

Для анализа источников по энеолиту Нижнего Поволжья был применен широкий спектр различных методов, в том числе естественнонаучных. Это позволило не только качественно проанализировать материалы новых памятников, но и рассмотреть с позиции современных методов уже имеющиеся материалы.

Традиционным для исследования археологических памятников является стратиграфический метод. Существует два типа стратиграфических наблюдений. Метод вертикальной стратиграфии направлен на установление относительной хронологии памятника по расположению его культурных слоев, а с помощью метода горизонтальной стратиграфии можно проследить, какая часть однослойного памятника возникла раньше, а какая – позже [Мартынов, Шер, 1989, с. 16]. При исследовании стоянок Алгай и Орошаемое использовался метод вертикальной стратиграфии.

Опыт стратиграфического и планиграфического анализов был накоплен А.И. Юдиным при изучении стоянок Варфоломеевская и Кумыска. На Варфоломеевской стоянке впервые в Нижнем Поволжье были исследованы культурные слои с четкими границами. Однако все три слоя распространялись не по всему памятнику. Не способствовало сохранению четкой стратиграфии на Варфоломеевской стоянке и наличие многочисленных жилищ, которые прорезали культурные слои от слоя 2А до 3 [Юдин, 2004, с. 14–15]. Что касается стоянки Кумыска, то здесь границы между слоями не прослеживались. Автор раскопок отмечал возможное механическое перемещение артефактов и их смешивание [Юдин, 2012, с. 10]. Кроме того, и в том и другом случаях стратиграфия касалась не всех периодов неолита и энеолита.

Важным дополнением явились изыскания на новых изученных памятниках.

На стоянке Орошаемое в светло-желтом суглинке эолового происхождения выделяются три слабо гумусированных литологических

пласта. Они разделены относительно стерильными прослойками различной мощности. Верхний культурный слой толщиной до 30 см состоит из светло-коричневого суглинка. Судя по типологии находок, этот слой определяется временем бытования хвалынской энеолитической культуры. Толщина среднего культурного слоя колеблется в пределах 30–60 см, по цвету и плотности он аналогичен первому пласту. Слой включал артефакты прикаспийской культуры. Нижний культурный слой, залегающий на материке, представлен комковатым темно-коричневым суглинком с большой примесью гумуса. Мощность его изменяется в пределах 40–80 см. Находки из слоя относятся к орловской неолитической культуре [Выборнов и др., 2017, с. 185].

Примечательно, что два верхних культурных слоя залегают относительно ровно. Можно констатировать, что на разных участках мощности слоев варьируют. Это может быть связано с особенностями жизнедеятельности, так как слои гомогенны. Подтверждением этому служит и распространение артефактов. В одних участках находок керамики и орудий труда достаточно много, а на других крайне ограничено. Даже находки костей животных распределяются неравномерно. Второй (прикаспийский) слой сопряжен с почвой. Важно отметить, что находки концентрировались в верхней части почвы. Иначе говоря, начался процесс почвообразования, а затем этот участок был заселен носителями прикаспийской культуры. Нижний (орловский) пласт на всей площади раскопа имеет разную мощность (впервые он был обнаружен в раскопе 2016 года). Более того, прослеживается наклон и явное его падение по древнему береговому склону.

Раскопки 2019 года подтвердили предыдущие наблюдения. Толщина нижнего (орловского) слоя на отдельных участках достигает 120 см. Удалось зафиксировать слоистость данного культурного слоя. Она имеет не аллювиальное, а эоловое происхождение. Некоторые прослойки культурного слоя имеют остатки очагов. Можно сделать предположение о неоднократном заселении этого участка в неолитическое время в силу особенностей

характера жизнедеятельности носителей орловской культуры.

Стратиграфия стоянки Алгай представляется более сложной. Так в раскопе 2016 года на участке раскопа Алгай 2 были выделены гомогенные слои хвалынской, прикаспийской и орловской культур. Дальнейшие исследования на этом участке показали наличие и прикаспийского слоя. Так же, как и на Орошаемом пласты были отделены от друг от друга стерильных прослоек, но распространяются не однородно

Так, например, в раскопе 2019 года хвалынский слой перекрыт гумусным выкидом из котлована. Верхняя граница выражено хорошо, нижняя – зигзагообразная из-за мерзлотных клиньев, разбивающих подстилающий суглинок. Находки здесь немногочисленны, но достаточно выразительны. Лучше всего он сохранился в северо-восточном углу раскопа. Здесь он достигает толщины 0,3 м, в юго-западном направлении он постепенно утончается и выклинивается. Граница между хвалынским и прикаспийским слоями четкая. Прикаспийский пласт имеет более коричневый оттенок, их разделяет стерильная прослойка мощностью 30 см. В отличие от первого слоя, выражен практически на всей площади раскопа, за исключением небольшого участка в северо-западном углу раскопа, но находки также не многочисленны. Максимальной мощности (35 см) достигает в северо-восточной части раскопа, в юго-западном направлении он постепенно утончается. В раскопах 2020–2023 годов залегают все три слоя хвалынской, прикаспийской и орловской культур различной мощности. Кроме того, фиксируется их падение к юго-востоку.

Благодаря стратиграфии на памятниках Алгай и Орошаемое удалось установить хронологическую последовательность залегания слоев орловской, прикаспийской и хвалынской культур. Наличие на памятниках стерильных прослоек, залегающих между культурными слоями, позволили сделать предположения о хронологическом разрыве между временем бытования на памятниках представителей разных культур. Таким образом, для степного Поволжья достоверно установлена стратиграфическая колонка культур

неолита-энеолита, где самую древнюю позицию занимает орловская культура. Причем для данной работы важным является тот момент, что хорошо представлен именно заключительный этап развития неолитических древностей. Затем залегает пласт прикаспийской культуры, а за ним хвалынской.

При исследовании стоянок Алгай и Орошаемое большое значение имело применение планиграфического метода. Памятник Алгай с 2014 года исследовался как однослойная стоянка орловской культуры. Однако в верхних слоях были обнаружены фрагменты керамики с загладкой зубчатым штампом на внутренней стороне и крупные кварцитовые орудия. Спорадическое появление материалов, относящихся к прикаспийской культуре, привело к поиску участка с возможно более «чистым» культурным слоем. В 2016 году был заложен раскоп Алгай 2. Он располагался между раскопом Алгай и стоянкой Орошаемое. В первый же год исследования этой части памятника удалось стратиграфически выделить 3 культурных слоя, относящихся к орловской, прикаспийской и хвалынской культурам [Юдин, Выборнов, 2017]. Дальнейшие исследования подтвердили данные наблюдения [Выборнов и др., 2021; Выборнов и др., 2022].

На отдельных участках стоянки Алгай четкости распространения артефактов прикаспийской культуры не прослежено. Это связано с более поздними воздействиями на культурный слой. С другой стороны, фиксируется непрерывное размещение культурного слоя по всей территории памятника. Так в раскопе 2019 года был исследован участок, который содержал место первичного раскалывания кварцитового сырья. В то же время не на всех участках обнаружена керамика прикаспийской культуры. Это вполне естественно, учитывая ее небольшое количество почти на всех памятниках Нижнего Поволжья. Подтверждением этому может служить и распределение по культурному слою археозоологических остатков. Так, кости домашней овцы были найдены лишь в раскопах 2020 и 2021 годов.

Таким образом, можно констатировать, что планиграфический анализ

стоянки Алгай позволяет выявить зоны расселения носителей прикаспийской культуры на данном памятнике и установить их особенности.

На памятнике Орошаемое раскоп 2014 года был прирезан к востоку от частично сохранившегося раскопа 1984 года. Далее прирезки осуществлялись в южном и западном направлении. Стало очевидно, что наиболее насыщенный культурный слой был расположен вдоль обрывистого берега реки Большой Узень. Возможно, часть культурного слоя была разрушена до 2014 года. Концентрация находок в раскопе 2019 года была значительно ниже, чем в раскопе 2014 года.

Стратиграфические и планиграфические наблюдения на стоянке Орошаемое дали возможность четко зафиксировать не только горизонтальное расположение культурного слоя прикаспийской культуры, но и хвалынского типа. Кроме того, на участке раскопа 2019 года хорошо видно падение культурного слоя прикаспийской культуры. Это может быть интерпретировано как берег р. Большой Узень, соответствующий времени обитания на данном памятнике. В определенной мере это подтвердится результатами споро-пыльцевого анализа, о чем будет сказано в дальнейшем.

Прослеживается локальность залегания как каменных артефактов и керамики прикаспийской культуры, так и костей домашней овцы. Эта зональность подтверждается и фитолидным анализом [Овчинников и др., 2021, с.]

Таким образом, планиграфическая фиксация находок на стоянке Орошаемое позволила установить наиболее перспективные участки распространения культурного слоя. Жилых и хозяйственных конструкций в слоях прикаспийской и хвалынской культур не выявлено.

В 2016 году в 2 м к западу и в 24 м к югу от юго-западного угла раскопа Орошаемое был заложен шурф. Он располагался максимально близко к грейдеру, насыпанному на территории поселения, на участке, не поврежденном строительными работами. Исследование напластований в шурфе показало, что, несмотря на уменьшение их мощности по вертикали по

сравнению с раскопом Орошаемое, они полностью соответствуют стратиграфии раскопа Орошаемое. Кроме того, подтвердилось распространение культурного слоя в южном направлении, в сторону раскопа Алгай. Как уже говорилось, за шурфом проходит грейдер, за которым начинается котлован осушенного пруда, в береговом срезе которого также прослеживается культурный слой.

Культурные слои стоянок Алгай и Орошаемое имеют определенные характерные и своеобразные черты. Судя по полученным данным, начальный этап заселения связан с нижним уровнем культурного слоя поселения Орошаемое. Затем произошло передвижение на участок стоянки Алгай. Именно здесь происходил процесс дальнейшего развития носителей орловской культуры. В то же время, судя по различной мощности культурного слоя, прослеживается разная интенсивность заселения участка. Наиболее выраженный культурный слой прикаспийской культуры представлен на стоянке Орошаемое. Культурные слои хвалынской культуры и на Алгае и на Орошаемом менее выраженные, чем орловский и прикаспийский [Vybornov A. A., 2020].

Самым показательным археологическим материалом изучаемого периода является керамика. Технология изготовления посуды, ее форма и орнаментация являются культуροопределяющими признаками. На сегодняшний день при изучении керамического материала используется широкий спектр как традиционных, так и естественнонаучных методов.

В изучении керамики неолитических и энеолитических памятников Нижнего Поволжья применялся технико-технологический анализ. Исследование осуществлялось И.Н. Васильевой. Оно базировалось на бинокулярной микроскопии, трасологии и физическом моделировании. Основные положения данной методики были разработаны и введены в научный оборот А.А. Бобринским [Бобринский, 1978, 1999]. Данная методика направлена на выявление, учет и изучение конкретных навыков труда, с помощью которых делалась керамика. Целью исследования является

реконструкция культурных традиций в гончарстве изучаемого населения. В качестве объектов исследования выступают технологические следы на сосудах, указывающие на применение гончарами определенных навыков труда. При сравнительном анализе данных следов и эталонов по технологии керамики производится идентификация технологических приемов и способов, посредством которых изготовлен каждый конкретный сосуд. Применение статистики позволило получить суммарную информацию о гончарной технологии неолитических и энеолитических культур региона, проследить ее эволюцию, выделить общие и различные признаки [Васильева, 2018; Выборнов и др., 2022; Васильева и др., 2023].

Еще одним методом изучения технологии изготовления керамики является петрографический анализ. Это исследование позволяет определить структурные детали, которые при применении обычного микроскопа могли быть упущены из виду или неправильно интерпретированы. Главная цель петрографического исследования керамики охарактеризовать структуру и материал изделий из глины в тонком керамическом срезе – шлифе под поляризационным микроскопом. Этот тип микроскопа пропускает поляризационный свет через тонкий срез керамики, что позволяет оценить два главных компонента керамики – пластичную (глинистую) составляющую и непластичную составляющую.

Кроме того, важной характеристикой керамики является оценка степени пористости, размер, форма пор и информация об обработке поверхности [Кулькова, 2015, с. 101]. С помощью петрографического метода была исследована керамика прикаспийской культуры, а также посуда позднего неолита Нижнего Поволжья. Это позволило сделать выводы о технологических особенностях изготовления керамики и источниках минерального сырья.

Помимо этого, М.А. Кульковой, был определен минеральный и химический состав кварцитовых орудий труда прикаспийской и орловской культур. Дело в том, что начиная с работ А.Н. Мелентьева была прослежена

доминанта кварцита в каменном сырье прикаспийской культуры в Северном Прикаспии. Что касается памятников позднего неолита и хвалынской культуры, то вопрос, до недавнего времени, оставался открытым. В то же время было прослежено, что в слоях, в которых залежали артефакты позднеорловского типа уже представлены кварцитовые изделия [Юдин, 2004, с.]. Повторилась эта ситуация и при раскопках новой стоянки Алгай. Однако кварцитовое сырье в неолитическом и прикаспийском слоях имеют разную цветность. Не менее важным была констатация присутствия кварцитового сырья в хвалынских комплексах не только Северного Прикаспия, но и степного Поволжья. Оставалось не ясно, какими выходами кварцита пользовались неолитическое, прикаспийское и хвалынское население. Это весьма значимо для разработки вопроса об их происхождении. Исследователи упоминали о выходах кварцита на территории Саратовской области в районе с. Непряхино [Юдин, 2004]. Однако до сегодняшнего времени не проводилось петрографического сравнительного анализа между кварцитовыми артефактами и источниками.

Для обработки керамического и каменного инвентаря применялся типологический и сравнительный методы. При изучении первых использовался подход И.В. Калининой [Калинина, Гаджиева, 1993, с. 83–94], Н.С. Котовой [Котова, 2015, с. 14-26], Ю.Б. Цетлина [Цетлин, 2012]. По вторым основой стала методика, предложенная Д.Я. Телегиным [Телегин, 1978, с. 35-57]. Так же использовалось пособие по методике обработки коллекций каменного инвентаря неолитического времени [Кирюшин и др., 1993.] Кроме того, применялись методы обработки как каменных, так и керамических коллекций предложенные в пособии коллектива авторов под общей редакцией В.И. Молодина [Нохрина и др., 2016].

Благодаря ним удалось установить культурную принадлежность артефактов, выявить общие и различные черты в материалах разных культур. Повторный анализ коллекций хвалынских и прикаспийских памятников Северного Прикаспия позволил выделить инокультурные материалы, что

позволило по-новому охарактеризовать такие известные памятники как Курпеже-Молла [Выборнов и др., 2022], Комбак-Тэ, Кара-Худук, Каир-Шак VI.

После изучения гомогенного слоя прикаспийской культуры на стоянке Орошаемое удалось установить, что для каменной индустрии этого типа присущи наконечники стрел типа «рыбки» [Выборнов, Юдин, 2014; Выборнов и др., 2015, с. 143]. Это дало возможность выделить в смешанных комплексах данные типы и увязать их с соответствующей керамикой. Весьма непростым вопросом оказалась принадлежность к комплексам прикаспийской и хвалынской культур микролитов. Только после изучения однослойных памятников появилась возможность разработки данного аспекта. Аналогичная ситуация сложилась и с артефактами типа острий и ножей. Не менее значим момент, связанный с культурной принадлежностью предметов со шлифовкой и сверлением.

Для установления абсолютной и относительной хронологии применялся метод радиоуглеродного датирования, предложенный У. Либби в 1946 году. Метод используется для определения возраста биологических останков, предметов и материалов биологического происхождения путём измерения содержания в материале радиоактивного изотопа ^{14}C по отношению к стабильным изотопам углерода. К сожалению, не на всех памятниках неолита и энеолита Волго-Уралья представлены органические вещества, пригодные для датирования. Кроме того, в тех случаях, когда были найдены кости животных или уголь, на стоянках, содержащих разновременные и разнокультурные комплексы, весьма затруднительно отнести их к конкретной культуре и периоду. Непроста ситуация и с датировкой костей человека. Как показали современные изыскания, в подавляющем большинстве случаев, здесь прослеживается резервуарный эффект и даты не соответствуют возрасту памятника. В такой ситуации в археологии одним из самых массовых материалов для датирования становится керамика.

Большой массив дат по неолиту-энеолиту Нижнего Поволжья был получен благодаря изысканиям Н.Н. Ковалюха и В.Н. Скрипкина. Они датировали керамику при помощи жидкостного сцинтилляционного метода. На основании многочисленных радиоуглеродных дат исследователи пришли к выводу о том, что неолитическая керамика является пригодным материалом для датирования и построения хронологии [Ковалюх, Скрипкин, 2007, с. 125]

Наиболее корректными источниками углерода для радиоуглеродного датирования керамики являются: углерод, содержащийся в органике, которая образуется на поверхности черепка в результате приготовления пищи или сажа при обжиге и органические отошители, которые добавляются в тесто при изготовлении горшков. Однако в керамике также может содержаться углерод, попавший в нее из других источников, которые по времени могут существенно отличаться от этих источников. В связи с этим перед непосредственным датированием проводится предварительная химическая пробоподготовка для удаления из образцов углерода, который попал туда извне [Кулькова, 2014, с. 116].

Для территории Нижнего Поволжья основной массив дат был сделан по органике в керамике. Значения, полученные по прикаспийской керамике из Северного Прикаспия, определялись интервалом 6880–6020 лет ВР. По хвалынской керамике этой же территории значения укладывались от 5820 до 6070 лет ВР. По прикаспийской культуре степного Поволжья имелась лишь одна дата со стоянки Кумыска – 5870 лет ВР. Она подтвердилась значением по прикаспийской керамике со стоянки Орошаемое – 5890 лет ВР.

Как уже отмечалось выше, в керамике есть несколько источников углерода, но каждый из этих источников имеет свои определенные нюансы, связанные с резервуарным эффектом или примесью более молодого или древнего углерода [Кулькова, 2014, с. 117]. Резервуарные эффекты обусловлены обеднением исследуемых образцов ^{14}C по сравнению с атмосферой. Они проявляются у организмов связанных с морской или

речной/озерной средой, так как они все имеют отличные от атмосферы резервуары углерода. Наиболее надежными археологическими источниками для датирования являются древесный уголь, обугленные семена или плоды, фрагменты органических материалов и кости животных, которые не потребляли пищу только наземного происхождения [Плихт и др., 2016, с. 25]. В связи с этим ряд исследователей ставит под сомнение надежность метода датирования керамики. Предполагается, что идентификация резервуарного эффекта возможна при наличии перекрестных датировок наземного и водного материала [Плихт и др., 2016, с. 77–78].

Для верификации радиоуглеродных значений по керамике прикаспийской и хвалынской культур были продатированы кости животных. Из прикаспийского слоя стоянок Алгай и Орошаемое было сделано 7 дат по костям животных, в том числе на АМС. Полученные значения определяют интервал 5934–5720 лет ВР, что соотносится с датами по керамике. По почве из нижнего и верхнего уровня слоя были получены значения 5716 ± 110 и 5520 ± 90 лет ВР соответственно. Первая дата практически совпала со значением по кости овцы, а вторая представляется несколько омоложенной. Аналогичная ситуация сложилась и при датировании костей животных с хвалынских памятников Северного Прикаспия. Радиоуглеродные значения по костям овцы и кулана совпали с полученными ранее датами по керамике.

Таким образом, сравнение радиоуглеродных дат по различным материалам показало практически полное их соответствие. Иначе говоря, установленные по радиоуглеродному датированию хронологические рамки прикаспийской и хвалынской культур можно считать достоверными.

Одним из элементов реконструкции жизнедеятельности древнего человека является его диета. В мировой практике исследования керамики, найденной при археологических раскопках, широко применяется метод газовой хроматографии с масс-селективным детектированием. Этот метод применяют для получения данных об органическом содержимом сосудов, что может указывать на то, какой тип продуктов в них хранился. Подобные

выводы можно получить, узнав соотношение остатков жирных кислот, оставшихся на поверхности и порах образцов керамики. С высокой степенью вероятности по соотношению концентраций пальмитиновой и стеариновой, а также лауриновой и миристиновой кислот можно рассчитать критерии для классификации образцов керамики по содержанию сосудов. Для исследования были отобраны образцы нагара с керамики неолитических и энеолитических памятников Нижнего Поволжья. Во всех образцах нагара на стенках керамики присутствуют остатки жирных кислот животного и растительного происхождения (табл. 9–12). В образцах со стоянки Каиршак VI обнаружены кислоты характерные для семян и орехов (табл. 9). Примечательно, что только в нагаре прикаспийской керамики со стоянки Орошаемое и хвалынской керамики стоянки Каиршак VI обнаружены небольшие количества остатков короткоцепочечных жирных кислот, которые могут указывать на молочные продукты животного происхождения [Выборнов и др., 2019, с. 365].

Одной из важных особенностей археологических памятников Нижнего Поволжья является сохранность костей животных. Так, например, благодаря последним изысканиям за период с 2014 по 2023 годы было получено и проанализировано более 7 тысяч костей животных со стоянки Орошаемое и более 15 тысяч со стоянки Алгай (раскоп 2).

До этих изысканий видовой состав животных региона определялся по костям животных с памятников Тентексор I (1516 экз.), Же-калган I (7 экз.), Курпеже-Молла (231 экз.) и Кара-Худук (264 экз.). Самой представительной являлась выборка с Варфоломеевской стоянки. Там для всех трех слоев определены кости от 165 особей. В работе В.В. Гасилина с соавторами указывается, что с Варфоломеевской стоянки было проанализировано 2600 костей [Гасилин и др., 2008, с. 25].

Однако главным является не большее количество костей на стоянках Алгай и Орошаемое, а залегание их в гомогенных слоях орловской, прикаспийской и хвалынской культур. Впервые, для Нижнего Поволжья,

удалось выявить особенности состава стада разных культур, а также сравнить видовой состав в полупустынном Северном Прикаспии и степном Поволжье, как в позднем неолите, так и в энеолите. Особенно важным является установление признаков производящего хозяйства не только у носителей хвалынской культуры, но и у населения прикаспийской. Вместе с тем, именно археозоологический анализ позволил решить вопрос о наличии или отсутствии domesticiрованных животных у орловцев.

Реконструкция климатических условий формирования отложений на памятниках Алгай и Орошаемое была выполнена с помощью метода геохимической индикации процессов осадконакопления и сопоставлена с данными радиоуглеродного анализа и почвенных исследований. Минеральный состав отложений - глинистые минералы, полевои шпат, слюда/хлорит, кварц, циркон, титаномагнетит, карбонаты, окислы и гидроокислы железа. Анализ минералого-геохимического состава отложений и обработка корреляционным анализом и методом главных компонент факторного анализа позволили выявить группы химических компонентов, характеризующих основные факторы осадконакопления [Кулькова, 2022а, с. 13, 22]. Именно результаты геохимического анализа стали дополнительным аргументом для выявления периодов активности жизнедеятельности в разные периоды неолита и энеолита [Кулькова, 2022б, с. 77–106].

Для анализа почв культурных слоев орловской, прикаспийской и хвалынской культур стоянки Орошаемое был применен комплекс почвенных, палеопочвенных и палеоботанических методов. Благодаря которым была получена и уточнена информация о смене периодов увлажненности и аридизации территории, об этапах почвообразования и осадконакопления, о растительном покрове в голоцене. Результаты пылецевого анализа образцов из разных культурных слоев позволили выявить как общие, так и отличительные черты соответствующих палинокомплексов [Овчинников и др., 2020, Борисова и др., 2022].

Таким образом, применение комплекса археологических и

естественнонаучных методов при изучении памятников неолита-энеолита Нижнего Поволжья позволило по-новому взглянуть на вопросы генезиса, развития, дальнейших судеб и хозяйства поздненеолитических и энеолитических культур Нижнего Поволжья. Реконструирована природно-климатическая обстановка изучаемого периода.

Глава 3. Культурная принадлежность энеолитических комплексов Нижнего Поволжья

3.1. Керамический инвентарь энеолита Нижнего Поволжья

На сегодняшний день достоверно установлено, что территория Северного Прикаспия является одним из наиболее ранних очагов происхождения гончарства в европейской части России. Исследователи относят это процесс к середине VII тыс. ВС и связывают с носителями каиршакского типа. Это плоскодонные сосуды, изготовленные из преимущественно тощих илов и украшенные прочерченными линиями и наколами. Позднееолитическая керамика региона представлена материалами тентексорского типа. Эта посуда изготовлена из жирных илов (табл. 5) [Выборнов и др., 2019, с. 142–147]. Сосуды украшены в накольчатой технике с отступанием. Орнаментальные композиции разнообразны и представляют собой различное сочетание горизонтальных, вертикальных, зигзагообразных и волнистых линий, отступающих наколов (рис. 43, 1–3). В ряде случаев эти линии образуют прямоугольники или меандры [Васильев и др., 1986, с. 20; Выборнов, Гречкина, 2023, с. 9; Выборнов и др., с. 130]. Значительная часть сосудов со стоянки Таскудук, а также ряд экземпляров с памятников Же-калган и Тентексор, имеет наплыв на внутренней стороне (рис. 43, 4). На первом из них утолщения, зачастую, орнаментированы. [Дога и др., 2023, с. 30].

Отличительной чертой керамики прикаспийской культуры является орнаментация в технике гребенчатого штампа и появление утолщения на венчике – воротничка. Благодаря технико-технологическому анализу, проведенному И.Н. Васильевой, удалось выделить различия и на уровне технологии изготовления посуды. Всего был исследован 31 сосуд прикаспийской культуры со стоянки Курпеже-Молла. Большая часть сосудов (25 экз.) были изготовлены из илистых глин, остальные 6 экз. из жирных илов. Их качественный состав очень близок: глинистый субстрат; песок, в основном пылевидный; не растворившиеся окатанные комочки чистой глины

размером 0,5–3 мм железистые включения разного цвета и формы; мелкие немногочисленные обломки раковин пресноводных моллюсков; единичные остатки костей и чешуи рыбы. Основным различием этих видов исходного пластичного сырья (ИПС) является концентрация и размерность растительности (наземной и водной) – большая и средняя в илах и незначительная в илистых глинах. Глинистый компонент – ожелезненные незапесоченные (высокопластичные) глины с пылевидным песком аллевритовой фракции; единично встречаются более крупные песчинки.

На ступени составления формовочных масс (ФМ) (смеси ИПС и искусственных примесей) были определены три традиции: 1) ИПС+ОР (органический раствор); 2) ИПС+ОР+ДР (дробленая раковина); 3) ИПС+ДР (в случае, когда не было четких признаков ОР). Добавка органических растворов – реликтовая неолитическая традиция, которая была связана, в основном, с илами. Однако при изучении керамики стоянки были определены случаи, когда в илы вводилась дополнительно и примесь дробленой раковины. Хотя известно, что приемы подготовки ФМ с добавлением ДР получили массовое распространение при переходе к илистым глинам. Материалы стоянки показали, что были известны приемы составления ФМ из илистых глин с введением только ОР, без раковины (табл. 6).

Изучение немногочисленных развалов сосудов указывает на применение зонального лоскутного налепа, т.е. изготовление крупных сосудов поэтапно, по отдельным зонам с выравниванием предварительного спая сделанной части. Зафиксирован прием создания воротничка в виде специального наращивания отдельными лоскутками, с целью утолщения верхней части горловины сосуда. На ступени обработки поверхностей сосудов выявлены безгрунтовочные способы: ручное заглаживание, уплотнение, реже лощение с матовым блеском. Единично зафиксированы случаи заглаживания гребенчатыми штампами.

Так же было проанализировано 10 образцов прикаспийской керамики

стоянки Буровая 40. Все сосуды сделаны из илистых высокопластичных глин с примесью дробленой раковины. Фиксируются следы окрашивания охрой. Внутренняя поверхность почти всех сосудов заглажена гребенчатым штампом.

Таким образом, для прикаспийской культуры Северного Прикаспия характерна определенная смешанность представлений об ИПС (отбор илов и илистых глин); неоднородность традиций отбора ИПС и источников сырья; распространение разных приемов составления ФМ (ИПС+ОР; ИПС+ДР; ИПС+ОР+ДР); использование гребенчатых штампов при обработке поверхностей сосуда [Выборнов и др., 2022, с. 571-575].

Также технико-технологический метод был применен к анализу керамической коллекции хвалынской культуры, выделенной на стоянке Курпеже-Молла. Технология ее изготовления представляется более однородной. Все сосуды изготовлены из высокопластичных илистых глин. Основной традицией составления формовочной массы является введение дробленой раковины, часто вместе с органическим раствором [Выборнов и др., 2022, с. 573].

Иначе говоря, на материалах неолита-энеолита Северного Прикаспия прослеживается определенная эволюция представлений о гончарном производстве. При сохранении илов, характерных для посуды неолита, наибольшее значение в качестве ИПС приобретают илистые глины.

Несколько иная ситуация складывается на территории степного Поволжья. Там эволюция представлений о сырье для изготовления посуды наблюдается уже по материалам неолитической орловской культуры стоянок Орловка, Варфоломеевская и Алгай. И.Н. Васильевой установлено, что наиболее древняя керамика орловской культуры изготавливалась из жирных илов, затем широкое распространение получает использование илистых глин и глин с добавлением дробленой раковины [Васильева 1999а; 2009; 2018]. Сосуды позднего этапа неолитической орловской культуры плоскодонные, по форме прямостенные или слабопрофилированные. Узор наносился

треугольными или овальными наколами в отступающей манере. Орнаментальные мотивы представлены горизонтальными, наклонными и зигзагообразными рядами отступающих наколов в различном сочетании. Характерной чертой посуды позднего этапа является наличие орнаментированных наплывов на венчике с внутренней стороны (рис. 49, 4–6) [Юдин, 2004, с. 40-41; Васильева и др., 2023, с. 143].

Информация о гончарном производстве прикаспийской культуры степного Поволжья была получена благодаря многолетним исследованиям прикаспийской посуды со стоянки Орошаемое. Из-за сильной фрагментации керамики зачастую не удавалось выделить сосуды и анализу подвергались отдельные образцы. За период с 2014 по 2019 годы было исследовано порядка 40 фрагментов керамики. Установлено, что вся посуда изготовлена из жирных илистых глин с добавлением органического раствора или органического раствора и дробленой раковины (табл. 7). Обработка поверхности осуществлялась посредством заглаживания и сплошного уплотнения по подсушенной основе гладким предметом [Васильева, 2018, с. 16; Выборнов и др., 2019, с. 67].

Если в изготовлении прикаспийской посуды Северного Прикаспия прослеживаются архаичные черты (использование илов), то сделанная из илистых глин керамика степного Поволжья представляется более поздней. Определенные различия в керамическом инвентаре североприкаспийской и степной территорий прослеживаются и в орнаментации. Для посуды стоянки Курпеже-Молла характерны гребенчатый штамп, прочерченные прямые и изогнутые линии, образующие сложные меандровые композиции. Почти все сосуды имеют воротничковое оформление венчика [Барынкин, Васильев 1985; Выборнов и др., 2022, с. 564]. Орнаментация прикаспийской керамики степного Поволжья выглядит более простой. Снижается процент воротничковых сосудов, чаще встречаются слегка отогнутые наружу венчики. В качестве орнамента, наряду с гребенчатым штампом, используется более мелкий зубчатый [Юдин, 2012; Юдин, Выборнов, 2015;

Выборнов и др., 2018].

Исходя из орнаментальных и технологических различий, можно сделать вывод о том, что прикаспийская культура представлена двумя этапами. К более раннему периоду относится посуда Северного Прикаспия, а к позднему – керамика степного Поволжья. Это наблюдение подтверждается радиоуглеродными определениями. По керамике со стоянки Курпеже-Молла получена дата 6100 лет ВР, а со стоянки Орошаемое – 5800 лет ВР. Однако выводы о двух этапах внутри прикаспийской культуры носят предположительный характер. Они должны быть подкреплены статистическими данными, основанными на анализе представительной источниковой базы. К сожалению, на сегодняшний день, мы располагаем лишь коллекцией сильно фрагментированной керамики, зачастую, не имеющей орнамента.

До недавнего времени на территории степного Поволжья не было известно поселенческих памятников хвалынской культуры. Хвалынская керамика выделена лишь на стоянке Кумыска. Однако автор раскопок отмечает, что небольшая серия хвалынской керамики на этом памятнике является скорее хронологическим репером, чем показателем культурной принадлежности [Юдин, 1999]. Отдельные фрагменты обнаружены на стоянках Алтата, Царица I и на поселении Урочище Мартышкино [Юдин, 2012, с. 45].

Коллекция хвалынских древностей стоянок Алгай и Орошаемое так же малочисленна. Однако значимость ее определяется гомогенным залеганием и отсутствием инокультурной примеси. Кроме того, И.Н. Васильевой впервые была получена информация о технологии изготовления поселенческой хвалынской керамики памятников степного Поволжья. Установлено, что вся посуда изготовлена из илистых глин очень близких по составу сырью, из которого изготовлены прикаспийские сосуды. Характерной чертой, которого является присутствие окатанных плотных комочков не растворившейся глины и детрита в условно единичной или небольшой концентрации. В них

единично встречены мелкие фрагменты костей и чешуи рыб. Возможно, в некоторых подвидах илистых глин часть обломков «старой» раковины также относится к естественным компонентам сырья, хотя потом в ФМ была сознательно добавлена и дробленая раковина [Васильева, 2018, с. 16].

В керамической коллекции хвалынской культуры с поселенческих стоянок Северного Прикаспия выделяются три группы. К первой относятся сосуды с утолщениями на венчиках. Они, в свою очередь, делятся на две разновидности: с утолщениями различной формы и пропорции и утолщениями типа воротничок, имеющие вертикальные пропорции. Вторую группу представляют сосуды с плавной профилировкой, а третью посуда с раструбовидными устьями и утолщенными венчиками.

Орнаментальные композиции из горизонтальных зон располагаются на верхней половине тулова и венчике сосудов. В орнаментации выделяются 7 основных и повторяющихся мотивов, имеющих от 1 до 4 технических вариантов исполнения. В качестве основных элементов орнамента использовались оттиски зубчатого штампа, оттиски раковин - аммонита и кардиума, перевитого шнура, прочерченные и накольчато-прочерченные линии. Делителями зон из этих элементов выступают прочерченные линии и наколы [Барынкин, 1992, с. 16].

Дальнейшие исследования показали, что в хвалынском гончарстве получила распространение новая техника нанесения орнамента – оттиски плетеных фактур. Именно их изначально трактовали как оттиски аммонита. Внешние проявления данного декора выглядят как непрерывные горизонтальные ряды тесно расположенных, овальных или полулунных вдавлений длиной 2–4 мм и шириной 1–1,5 мм. Иногда, блоки из нескольких рядов таких отпечатков разделяются волнистой линией. Предполагается, что такой орнамент мог быть получен при использовании кожаных мешочков, декорированных вышивкой, либо плетеных полосок, сделанных путем оплетания уточной нитью нитей основы по принципу шва «назад иголкой» [Васильева, 2002, с. 35–36].

Керамический инвентарь хвалынской культуры разделен на три группы регионально-типологического характера. Южную и северную группы образуют бытовые памятники Северного Прикаспия и лесостепного Самарского Заволжья соответственно, а третью представляет посуда с погребальных памятников Саратовского Правобережья [Барынкин, 2010, с. 133]. Исследователями отмечалась определенная специфика хвалынских керамических комплексов Северного Прикаспия. В первую очередь для бытовых комплексов характерна устойчивая группа сосудов с высокими уплощенными венчиками с прочерченной или прочерчено-накольчатой орнаментацией. Посуда из погребальных комплексов, при наличии схожей орнаментации, имеет другую профилировку и форму венчиков. Кроме того, в погребальных комплексах отсутствует, столь характерная, для Северного Прикаспия посуда орнаментированная кардиумом. Это объясняется близостью данной территории к Каспийскому морю. [Барынкин, 2010, с. 138].

На сегодняшний день нет оснований выделять коллекцию хвалынской керамики с территории степного Поволжья в отдельную группу. Возможно, это связано с ее малочисленностью. Самой представительной является коллекция, полученная с поселения Кумыска. Сосуды с утолщенными треугольными или валикообразными венчиками, украшенные отпечатками гребенчатого штампа или раковины кардиум находят полные аналогии с посудой пустынных памятников [Юдин, 2012, с. 11]. Показательным так же является фрагмент венчика со сливом, найденный на стоянке Орошаемое. Он украшен отпечатками плетенных фактур [Выборнов, 2017, с. 188]. Сосуд с таким же «носиком» был обнаружен на стоянке Кара-Худук [Барынкин, Васильев, 1988, с. 135].

Иначе говоря, имеющиеся материалы дают основания полагать, что по типологическим и технико-технологическим характеристикам эта посуда идентична поселенческой керамике Северного Прикаспия.

Отдельно стоит сказать про керамику синкретичного тентексорско-

прикаспийского и прикаспийско-хвалынского типов с территории Северного Прикаспия. Два воротничковых сосуда с неолитической накольчатой орнаментацией были обнаружены на Истае и урочище Же-калган. Примечательно, что наколы на сосуде с Же-калгана имеет треугольную форму. В публикации материалов авторы не дали развернутого комментария. Однако указали на ее не типичность. [Барынкин, Васильев, 1985, с. 70]. Аналогичное сочетание присуще описанной П.М. Кольцовым керамике из 1 (верхнего) слоя стоянки Джангар [Кольцов, 2004, с. 46]. Еще один сосуд с воротничковым венчиком и наколами был обнаружен среди материалов пункта Кадыр-Гали-Стау (рис. 11, 2).

Новейшие изыскания на поздненеолитических стоянках Приозерная и Таскудук, в Северном Прикаспии, обнаружили сходные с прикаспийскими мотивы в оформлении керамики. На памятнике Таскудук были выявлены пять фрагментов стенок от одного сосуда, украшенных двумя разделительными линиями из овальных наколов и горизонтальными рядами наклонных отпечатков гребенчатого инструмента средней ширины (рис. 49, 2) [Дога и др., 2023, с. 31]. Определенное сходство с вышеописанным сосудом представлено на керамике из верхнего слоя поселения Джангар [Кольцов, 2004, с. 52]. Плавный горизонтальный зигзаг на бордюрной зоне керамики со стоянки Приозерная, а также узор из прямоугольников, в том числе заполненных разреженными наколами, имеет сходство с волнистым мотивом на посуде прикаспийской культуры. Даже сложные композиции, состоящие из чередующихся прочерченных линий и геометрических фигур, в последующее время станут характерными для сосудов прикаспийского типа (рис. 43, 2; 43, 2) [Выборнов и др., 2023, с. 10-11].

Появление гребенчатой орнаментации на памятниках позднего неолита Северного Прикаспия требует своего объяснения. В настоящее время у исследователей отсутствуют надежные доказательства того, что подобный тип нанесения узоров восходит к эволюции из накольчатой традиции. Поэтому более приемлемой может быть версия о появлении данного способа

нанесения орнаментации от культур сопредельных территорий.

Посуда, орнаментированная гребенчатым штампом, представлена на памятниках полуострова Мангышлак. Помимо керамики шебирского типа хвалынской культуры А.Е. Астафьев выделяет плоскодонные сосуды с отпечатками шагающей гребенки и воротничковым утолщением венчика, отличным от хвалынского [Астафьев, 2014, с. 156, 228, 251]. Однако гребенчатых сосудов без воротничка на данной территории не обнаружено.

Традиционно появление гребенчатого штампа в Нижнем Поволжье связывалось с северным лесостепным компонентом. Однако этому противоречит хронология. Гребенчатая орнаментация распространяется в лесостепном Поволжье около 5800 лет ВР, а в Северном Прикаспии самые ранние даты по прикаспийской керамике относятся к 6800 лет ВР, а поздние к 6100 лет ВР. Этому хроноинтервалу скорее соответствует посуда азово-днепровской и нижнедонской культур. Важно отметить, что на первых этапах своего развития данная гребенчатая керамика не имеет воротничка. Примечательно, что сходная посуда имеется на территории Северного Прикаспия, в материалах стоянки Комбак-тэ.

Представительная серия керамики прикаспийско-хвалынского типа выделена в коллекции стоянки Курпеже-Молла. Эту посуду можно разделить на две подгруппы. Четыре сосуда с прикаспийским воротничковым оформлением венчика имеют орнаментацию в виде отпечатков плетеных фактур в сочетании с наколами. Еще четыре экземпляра украшены оттисками гребенчатого штампа, но венчики имеют разную форму, характерную для хвалынской культуры. Примечательно, что один из сосудов орнаментирован сочетанием штампа и узкими наколами, нанесенными в отступающей технике. Из семи проанализированных сосудов этого типа шесть изготовлены из илистых глин с добавлением органического раствора и дробленой раковины, а еще один из ила [Выборнов и др., 2022, с. 571].

Фрагмент воротничкового венчика с отпечатками плетеных фактур и представлен на стоянке Шестнадцатая Буровая. Кроме того, под венчиком

есть ряд округлых наколов. Схожий сосуд имеется среди материалов стоянки Северный Букей: фрагмент венчика воротничкового типа с отпечатками плетенных фактур [Васильев, 2003, с. 94–95]. Аналогичные сосуды, сочетающие воротничковый венчик, отпечатки плетенных фактур и наколы представлены на стоянках Кара-Худук и Каир-Шак VI.

Существует точка зрения, согласно которой энеолитическое население Северного Прикаспия могло сосуществовать с тентексорским [Барынкин, Козин, 1998, с. 76]. Основанием служили радиоуглеродные даты, полученные со стоянки Комбак-тэ - 5000 ± 150 BC и 4600 ± 150 BC со стоянки Тентексор. Однако получение значительного массива радиоуглеродных дат как для тентексорских, так и хвалынских древностей показало наличие интервала между этими материалами в минимум 500 лет. В то же время серия датировок для прикаспийской культуры фиксирует определенный временной интервал сосуществования ее с поздненеолитическими комплексами.

При повторном анализе материалов стоянки Кара-Худук выявлены 3 сосуда сочетающие энеолитические формы венчиков и неолитическую накольчатую орнаментацию. Воротничковый венчик одного сосуда украшен линиями отступающих треугольных наколов (рис. 29, 4). Другой экземпляр имеет утолщенный отогнутый наружу венчик с рядами отступающих наколов под ним (рис. 29, 5). Еще один фрагмент украшен плотными рядами отступающих наколов (рис. 29, 6).

Отнесение этих сосудов к синкретичной группе (тентексорско-хвалынской) весьма проблематично, так как спорадически накольчатый орнамент встречается на протяжении эпохи неолита – бронзы [Барынкин, Васильев, 1988, с. 140–141]. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что композиция, исполненная в накольчатой манере, присуща именно прикаспийской культуре, а не хвалынской. Причем узор нанесен не овальными линиями, а в виде горизонтальных зигзагов, заполненных внутри рядами наколов. Горизонтальными зигзагами украшена посуда, обнаруженная на Раздорской стоянке, которую исследователи

соотносят с нижнедонской культурой [Кияшко, 1987, с. 73–74]. Аналогичная керамика найдена астраханскими археологами и на правом берегу р. Волги. Учитывая наличие на данных памятниках керамики прикаспийской культуры, более вероятно их отнесение к тентексорско-прикаспийскому типу, нежели к тентексорско-хвалынскому.

Что касается территории степного Поволжья, то на сегодняшний день известно 3 сосуда прикаспийской культуры, в орнаментации которых используется сочетание зубчатого штампа и подтреугольных наколов (рис. 20, 1–2, 15). Все они происходят со стоянки Орошаемое [Юдин, 2012, с. 153]. Примеров посуды с прикаспийскими и хвалынскими чертами, на сегодняшний день, не известно. Возможно, это связано с очень ограниченной коллекцией хвалынской керамики в регионе.

Таким образом, керамика прикаспийской культуры имеет ряд отличительных черт от посуды предыдущего неолитического периода: доминирование илистых глин в качестве ИПС, воротничковое оформление венчика, орнаментация гребенчатым и зубчатым штампами. Выделяется ряд прикаспийских сосудов с наколами, что может служить иллюстрацией контактов неолитического и прикаспийского населения. Учитывая хронологический аспект, такие контакты были возможны лишь на территории Северного Прикаспия. В технико-технологическом плане посуда хвалынской культуры выглядит более однородной, она вся изготовлена из илистых глин. Эти сосуды отличаются по форме венчиков от воротничковой прикаспийской, доминирующей становится орнаментация в виде отпечатков плетенных фактур. Выделенные здесь же сосуды, сочетающие черты прикаспийской и хвалынских культур так же указывают на контакты этих групп населения.

3.2. Каменные индустрии энеолита Нижнего Поволжья

Традиционно, при характеристике археологических культур неолита основное внимание уделяется керамическому инвентарю. Обоснованный М.Е. Фосс тезис об этнической составляющей глиняной посуды и

зависимости каменного инвентаря от различных природных и хозяйственных факторов [Фосс, 1952, с. 18-19, 67-77] был принят большинством исследователей. Так, например, В.П. Третьяков говорил о второстепенности каменных орудий труда в определении этнической составляющей неолитической культуры лесной полосы [Третьяков, 1972, с.17-19]. Наряду с этим мнением существовала и вторая точка зрения. А.Я. Брюсов [Брюсов, 1952, с. 20] и А.А. Формозов [Формозов, 1957, с. 67-74] высказывались о необходимости учитывать характеристики каменных орудий труда, которые не зависели от ландшафтных особенностей и хозяйственных факторов. В последнее время прослеживается определенная тенденция к увеличению роли каменных индустрий в определении археологических культур [Ставицкий, 2022, с. 21–22; Выборнов, Гилязов, 2023, с. 260].

При разработке вопросов генезиса и периодизационного положения энеолитических культур Нижнего Поволжья исследователи так же, чаще всего, оперируют характеристиками керамического инвентаря. Однако еще первооткрыватель прикаспийской культуры, А.Н. Мелентьев, указывал на своеобразии каменной индустрии прикаспийцев, заключавшееся в преобладании кварцитового сырья и пластинчатости орудий [Мелентьев, 1976, с. 14]. Дальнейшие исследования, на территории Северного Прикаспия, позволили более полно охарактеризовать прикаспийские материалы. К основным типам орудий были отнесены ножевидные пластины, ретушированные со спинки по одной или двум граням, крупные скребки различной формы и острия на пластинах [Барынкин, Васильев, 1985, с. 63]. Наряду с инновациями в керамическом инвентаре, исследователями была отмечена смена микролитической кремневой индустрии неолита на традицию изготовления крупных кварцитовых изделий без геометрических микролитов [Барынкин, Васильев, 1985, с. 71–72].

В обобщающей работе по энеолиту Северного Прикаспия была дана общая характеристика каменной индустрии региона: сочетание кремневого и кварцитового сырья, микро- и макропластинчатость комплексов, широкое

использование техники двусторонней обработки. Однако сделанные выводы основывались, прежде всего, на материалах хвалынской культуры [Барынкин, 1992, с. 11–12].

Источниковая база каменных орудий труда прикаспийской культуры была значительно пополнена благодаря изысканиям А.И. Юдина в степном Поволжье [Юдин, 2012, с. 25-34]. В хорошо сохранившихся культурных слоях обнаружены комплексы с преобладанием кварцитовых орудий, выполненных в пластинчатой технике. Кроме того, анализ прикаспийских каменных коллекций подтвердил ранее выдвинутый тезис о сочетании микро- и макротехники. Микротехника использовалась для получения небольших кремневых пластин, а макротехника при изготовлении крупных кварцитовых пластин и орудий на них [Юдин, 2005, с. 163].

Как уже отмечалось выше, большинство материалов прикаспийской культуры происходило из смешанных памятников. В такой ситуации вычленив каменный инвентарь, сопутствующий определенной группе керамики, в ряде случаев, было затруднительно. Исследование гомогенных слоев прикаспийской культуры, в степном Поволжье, позволило получить комплексы прикаспийских древностей без инокультурных примесей. Здесь встречаются конические и призматические нуклеусы, пластины без ретуши, продольные и поперечные сколы, ребристые пластины. Причем ядрища изготовлены как из кварцита, так и из кремня. Они одноплощадочные и несут на большей части поверхности негативы от пластинчатых сколов. Кроме отщепов представлены ножевидные пластины средних и мелких параметров. В то же время характерны массивные сколы, имеющие большую длину, ширину и толщину. Получить подобную заготовку ударной или отжимной техникой представляется весьма затруднительным. Такая технология сближается с усиленным отжимом. Каменный инвентарь данной культуры представлен следующими типами орудий: концевые скребки, пластины с ретушью по одной или двум граням, ножи на пластинах, острия, проколки, наконечники стрел подтреугольной формы, наконечники стрел в форме

«рыбки». Первая категория орудий изготовлена на пластинах, массивных сколах и отщепах. Доминирует округлое рабочее лезвие, но представлены прямые и скошенные края. Следует обратить внимание на наличие стрелчатых типов, столь характерных для скребков развитого и позднего неолита Северного Прикаспия. Кроме рабочего лезвия присущей чертой скребков прикаспийской культуры является наличие ретуши по одной или обоим продольным граням.

Среди пластин с ретушью можно выделить группу артефактов, которая имеет признаки вкладышей. Это срединные сечения пластин на спинке или брюшке которых с одной или обеих сторон нанесена краевая ретушь. Причем, представлены как кремневые, так и кварцитовые изделия. Важно добавить, что выделяются вкладыши, которые можно отнести к микролитам типа прямоугольников. Так на стоянке Истай II подобный артефакт, кроме ретуши по продольным граням, имеет подработку и поперечных краев [Бородулин и др., 2023, с. 10]. Необходимо одно уточнение: ретушь на узких гранях пологая, а не крутая и нанесена, зачастую, в противоположающей манере. Аналогичные изделия представлены на стоянке Комбак-тэ. Следует отметить, что такие типы удалось обнаружить и в материалах, полученных А.Н. Мелентьевым в 1968 году предположительно в районе Кошелака. Причем обнаружены изделия, как из кварцита, так и из кремня.

Ножи подразделяются на два вида: прямолезвийные и саблевидные. Ретушь нанесена со спинки по одной или обоим продольным граням, иногда заходя далеко на поверхность. Реже встречаются сколы треугольной формы, несущие на поверхности спинки краевую ретушь в силу чего их можно причислить к категории ножей. Видимо, подавляющее большинство ножевидных пластин с ретушью можно с большой долей вероятности отнести к орудиям с режущей функцией.

Острия, сделанные как из кварцита, так и кремня имеют симметричную форму. Ретушь различается на крутую и пологую. Обработка расположена не только на острие, но и порой заходит на продольные грани. У некоторых

экземпляров плоская ретушь встречена и на брыжке, рядом с самым острием.

Наконечники, которые изготовлены как из кварцита, так и кремня имеют сплошную обработку обеих поверхностей ретушью. Характерной чертой является выемка в основании небольших размеров. Общая конфигурация этих наконечников отличается от хвалынских, которым присуща вытянутая треугольная форма с усеченным основанием. Подобные наконечники стрел были обнаружены еще Т.М. Минаевой, а затем отнесены А.Н. Мелентьевым к позднему этапу сероглазовской культуры. В настоящее время, благодаря их обнаружению в гомогенных слоях, можно констатировать, что они присущи только прикаспийской культуре.

Полученный за последние годы комплекс орудий труда подтвердил тезис о пластинчатости каменной индустрии прикаспийской культуры. Размеры орудий свидетельствуют о применении техники усиленного отжима при их изготовлении. Сочетание микро- и макротехники выражается в наличие как крупных массивных сколов и орудий на них, так и более мелких изделий на отщепах и пластинах, включая вкладыши и геометрические микролиты типа прямоугольник.

Что касается соотношения степного комплекса прикаспийской культуры и североприкаспийского, то основные типы орудий совпадают. Различия наблюдаются только в цвете кварцита, на стоянках Северного Прикаспия он имеет желтоватый оттенок. А также в увеличении процента кварцитовых изделий в степном Поволжье [Дога, 2023]. Это может иметь объяснение в том, что на данной территории известны выходы кварцита, которые использовались первобытным человеком начиная с эпохи палеолита. Одним из них является выход кварцита около с. Непряхино, который расположен в относительной близости от памятников эпохи энеолита.

Каменная индустрия хвалынской культуры Нижнего Поволжья охарактеризована преимущественно на основании материалов поселенческих памятников Северного Прикаспия. К основным чертам этих комплексов относились: сочетание кремня и кварцита, а также микро- и

макропластинчатости, широкое использование техники двусторонней обработки. Список изделий комплексов памятников содержит 21 тип, шесть из которых - изделия без вторичной обработки [Барынкин, 1992, с. 11–15].

Сырьем для изготовления орудий хвалынской культуры служил, преимущественно, кремнь. Доминирует матовый светло-серый (молочный) вид. Он сочетается с прозрачным темно-серым сырьем. Об этом свидетельствуют артефакты, которые изготовлены из заготовок, сочетающих оба цвета. Кроме них есть изделия из узкополосчатого (яшмовидного) цвета кремня, который не встречается в неолите и прикаспийской культуре Северного Прикаспия. Следует отметить, что аналогичное сырье, представленное на Кара-Худуке, Каир-Шаке VI и Комбак-Тэ, распространено на территории Икско-Бельского междуречья [Выборнов, 1982]. Это обстоятельство весьма значимо для реконструкции жизнедеятельности носителей хвалынской культуры.

Что касается кварцита, то на стоянке Кара-Худук он представлен весьма ограниченно. Изделий из него не более 10 экземпляров. Это 3 скребка с прямым и округлым рабочим краем на крупных пластинах и 1 на коротком отщепе; 3 симметричных острия; 1 прямолезвийный нож; скобель на пластине; перфоратор и наконечник стрелы.

Повторное знакомство с коллекцией каменных предметов стоянки Кара-Худук показало, что изделия из кварцита в ряде случаев типологически повторяют кремневые артефакты, а порой имеют иной облик. Кроме того, в публикации на иллюстрациях представлен вкладыш из кварцита, не вошедший в описание. Дополнительный просмотр позволил выявить еще, как минимум, 5 изделий, которые могут классифицироваться как вкладыши. Причем 3 из них сделаны из типичного для хвалынской индустрии сырья – матового кремня белого цвета. Иначе говоря, не подлежит сомнению их принадлежность к основному комплексу. Следует обратить внимание на то, что часть из них имеет пологую ретушь на одной стороне брюшка, а другие несут обработку на одной грани спинки. Нельзя не отметить, что еще один

экземпляр сделан из кремня красного цвета, напоминающего яшму, который не встречается на территории Северного Прикаспия как в других памятниках хвалынской культуры, так и в материалах более раннего времени. Что касается вкладыша из кварцита, то изделия из такого сырья в других памятниках хвалынской культуры не обнаружены. В то же время они хорошо представлены в материалах прикаспийского типа, как степного Поволжья, так и Северного Прикаспия.

В коллекции стоянки Каир-Шак VI представлено более разнообразное сырье, чем на Кара-Худуке. Еще одной особенностью каменного инвентаря этого памятника является соотношение изделий из кварцита (220 экз.) и кремня (189 экз.). Как из кремня, так и кварцита представлены все категории первичного расщепления: аморфные куски, ребристые сколы, поперечные сколы, отщепы без ретуши, чешуйки, пластины с ретушью. Иначе говоря, раскалывание сырья происходило непосредственно на месте. В то же время изделий с вторичной обработкой из кремня в два раза больше, чем из кварцита. Примечательно, что единственный вкладыш изготовлен из кремня. Анализируя типы скребков, не удалось обнаружить стрельчатый. Видимо, это не случайно, так как подобные типы характерны не для хвалынской, а более ранних неолитических комплексов и индустрии прикаспийской культуры.

Исследователи отмечают сочетание макро- и микротехники для каменной индустрии хвалынской культуры. Под первой подразумевается технология изготовления орудий труда на крупных пластинах и массивных сколах [Горащук, 2011, с. 308]. Что касается второй, то это основывалось на присутствии в комплексах узких ножевидных пластин с ретушью по продольной грани. Однако, контекст обнаружения последних не дает полной уверенности в том, что эти вкладыши являются органичной частью с остальными артефактами. Уместно напомнить, что два вкладыша на Кара-Худуке и Каир-Шаке VI изготовлены из кремня красного цвета, который не характерен как для энеолита, так и для неолита рассматриваемой территории.

Кроме них, есть еще несколько изделий на пластинах, на продольных сторонах которых присутствует мелкая краевая ретушь. Но мы не можем исключать ситуацию, что они не являются вкладышами. Или это просто пластины с ретушью. Их принадлежность к основным комплексам еще потребует дополнительной разработки. Дело в том, что среди этих изделий есть экземпляры аналогичные по сырью достоверно хвалынским артефактам. В этой связи можно отметить один важный момент. В I Хвалынском могильнике обнаружено 6 узких ножевидных пластин с ретушью по одной или обоим продольным граням, преимущественно на брюшке [Горащук, 2011, с. 346, рис. 24, 11, 12, 15-18], но отсутствует четкий контекст их принадлежности непосредственно в погребениях. Большинство из них связаны с культурным слоем, но нельзя исключать наличие на месте могильника более ранней стоянки. Определенным подтверждением этому может служить пример с могильником у с. Съезжее. В одном из погребений было обнаружено вкладышевое орудие, а в культурном слое каменный инвентарь мезолитического облика. Исследователи предполагали гомогенность могильника [Васильев, Матвеева, 1979, с. 147-166]. Полученные в последнее время радиоуглеродные даты на АМС по костяному кинжалу показали его мезолитический возраст [Выборнов и др., 2023, с. 217]. Небезынтересно отметить, что в материалах II Хвалынского могильника таких изделий нет. Поэтому нужна более тщательная проработка данного аспекта.

Техника первичного раскалывания ориентирована на получение пластины-заготовки и характеризуется нуклеусами, поперечными и продольными сколами, пластинами. Пластины в комплексах памятников составляют от 28,5 до 47%, из которых пластины с ретушью составляют от 6 до 14%, что определяет их ведущую роль среди изделий с вторичной обработкой. Многочисленными сериями в комплексах памятников представлены пластины с краевой ретушью: частичная или сплошная ретушь наносилась по спинке и боковым граням. Целые изделия с такой обработкой

определены как ножи.

Следующим наиболее массовым типом изделий являются скребки. Заготовками для них служили пластины, массивные сколы и отщепы. Скребки представлены целыми экземплярами и обломками, обычно ретушь по боковым граням, заходящая у целых изделий на тыльную часть. По типу оформления рабочего края выделяются следующие разновидности: подокруглые и реже прямые, единично представлены скошенные. Важно отметить характерную черту, выраженную в ретуши на продольных гранях заготовки. Она заходит достаточно далеко на спинку изделия, что не присуще каменной индустрии прикаспийской культуры.

Острия изготовлены на пластинах, преимущественно из кремня, и имеют симметричную форму. Что касается обработки продольных граней, которая встречается на артефактах прикаспийского типа, то эта техника у хвалынцев не распространена.

В комплексы памятников входят вкладыши - изделия, изготовленные на узких пластинах из кварцита и кремня, несущие обработку по одной или двум длинным сторонам с брюшка, реже со спинки, и двустороннюю обработку по коротким сторонам.

Несколько иначе выглядит комплекс каменных орудий Хвалынских могильников. В качестве отличительных черт выделяются: отсутствие на территории могильников следов расщепления камня и нормального для поселения хозяйственного цикла орудий; наличие в могильниках большого количества орудий, требующих значительных производственных трудозатрат; присутствие в могильниках пластин с мельчайшей ретушью, которые носят функции мясных ножей [Горащук, 2010, с. 298-299]. Однако общим для памятников поселенческого и погребального типа являются технологии обработки камня: получение пластин, двусторонняя оббивка изделий, техника шлифовки камня [Горащук, 2010, с. 308].

Как уже отмечалось выше, в степном Поволжье единственным поселенческим памятником с материалами хвалынской культуры являлось

поселение Кумыска. Однако в силу условий залегания энеолитических слоев на памятнике, связать каменные орудия труда с конкретным комплексом керамики не представлялось возможным [Юдин, 2012, с. 12].

Наличие на стоянках Алгай и Орошаемое гомогенных слоев хвалынской культуры, позволило выделить небольшую коллекцию каменных изделий. Полученные орудия труда находят полные аналогии в материалах поселенческих памятников Северного Прикаспия. Однако можно отметить, что в имеющихся на сегодняшний день коллекциях степного Поволжья процентное содержание кварцитовых изделий выше. Нуклеусы имеют конусовидную форму. Характерно одностороннее снятие пластин. Единично представлен нуклеус с круговым снятием. Площадки для сколов ровные. Судя по нижнему сколу с кварцитового нуклеуса последние, имели достаточно крупные размеры. Есть ядрища и для снятия отщепов. Исходя из параметров пластин, можно констатировать наличие как широких, так и узких изделий. Ведущим типом орудий являются скребки концевой типа с округлым рабочим лезвием на отщепах. Присутствуют прямолезвийные ножи.

В настоящий момент начата работа по петрографическому анализу кварцитовых изделий прикаспийской и орловской культур с памятников Нижнего Поволжья. Предварительные результаты выглядят следующим образом. По минеральному и геохимическому составу можно различить разные типы кварцитов (табл. 8):

1. На памятнике Истай медово-желтый кварцит, содержит отдельные минеральные зерна амфибола и обогащен (Mg, Al, P).

2. На стоянке Алгай светло-серый кварцит, характеризуется присутствием отдельных зерен апатита и повышенными концентрациями (Fe). К нему близок по составу кварцит Курпеже-Молла.

3. На стоянке Курпеже-Молла серый кварцит, характеризуется повышенными содержаниями (Mg, Al, Ca).

В силу хронологического приоритета прикаспийской культуры над

хвалынской можно установить, что такие признаки как кварцитовое сырье, пластинчатость, увеличение размеров орудий и двусторонняя обработка фиксируются в более ранней, чем хвалынская, прикаспийской культуре.

Глава 4. Вопросы периодизации, хронологии, генезиса и дальнейших судеб энеолитических культур Нижнего Поволжья

4.1. Периодизация и хронология энеолитических культур Нижнего Поволжья

Содержание понятия «энеолит» носит дискуссионный характер. Так Н.Я. Мерперт под энеолитом понимал период регулярного распространения металлических орудий труда. Автор утверждает, что единственным критерием перехода от одной эпохи к другой является смена материалов орудий. А изменение, например, форм экономики, признаков не устойчивый [Мерперт, 1981, с. 20]. Но единичность медных предметов на многих памятниках, а также отсутствие доказательств местного производства металла и невозможность типологического выделения местных форм орудий не позволили выделять целую эпоху только на основе одного критерия. По справедливому замечанию М.Е. Фосс, с такой точки зрения и фатьяновскую культуру пришлось бы относить к периоду неолита [Фосс, 1949, с. 35]. А.Т. Синюк отмечал невозможность применения данного критерия для территории Днепро-Дона-Волжского междуречья, ввиду исключительной редкости медных изделий [Синюк, 1988, с. 14–17]. Л.Я. Крижевская в определении термина «энеолит» основополагающим признаком, наравне с остатками металла, считала наличие костей domesticated животных [Крижевская, 1979, с. 5].

Из всех известных, на сегодняшний день, памятников мариупольской КИО медные изделия присутствуют лишь на двух могильниках. Единичные подвески в Никольском могильнике обнаружены в поздних ямах и относятся к заключительному периоду существования могильника [Телегин, 1991, с.18]. В данной ситуации не следует забывать обнаружение на данном памятнике сосуда трипольской культуры. Вполне допустимо, что медные предметы являются импортом именно от носителей этой культуры. Медное украшение найдено в материалах могильника Голубая Криница. Однако памятник относят к позднему этапу могильников мариупольского типа и

датируют первой половиной V тыс. до н.э. [Скоробогатов, 2022, с. 168, 172]. Тем не менее, инновации, связанные с культурами мариупольского типа позволяют говорить о переходе к качественно новому этапу развития [Васильев, Синюк, 1985 с. 31].

Единого мнения относительно начала энеолита в Нижнем Поволжье у исследователей не сложилось. Так одни связывали этот процесс с появлением прикаспийской культуры, другие относили начало энеолита ко времени появления хвалынской культуры, а третьи выделяли неолито-энеолитический этап, к которому относили прикаспийское население.

Существующие противоречия относительно начала энеолита на территории Нижнего Поволжья, в значительной мере, вызваны некоторой размытостью границ и отсутствием четких, именно археологических, диагностических различителей. Так, например, для территории Волго-Камья фиксируется ряд отличий энеолитической эпохи от неолитической: увеличение количества памятников, площади поселений, мощности культурного слоя, разнообразие находок, наличие жилищных сооружений. Если сравнивать количество поздненеолитических стоянок тентексорского типа и прикаспийской культуры в Северном Прикаспии, то на сегодняшний день памятников позднего неолита известно больше. Регулярные разведки по территории Рын-песков, в последние годы, позволили выявить два крупных поздненеолитических памятника – стоянки Приозерная и Таскудук. Размер новых стоянок и эпонимного памятника Тентексор значительно превышает площадь прикаспийской стоянки Курпеже-Молла. Мощность культурного слоя на поздненеолитических памятниках больше, а количество сосудов превышает число керамики на Курпеже-Молла в десятки раз. В отличие от последнего на Приозерной есть жилище, а на Тентексоре их несколько. Иначе говоря, по вышеперечисленным признакам каких-то качественных изменений не прослеживается [Выборнов и др., 2020, с. 67].

Однако если рассматривать прикаспийскую культуру с позиции комплексного подхода, то можно зафиксировать целый ряд черт,

кардинально отличающих ее от более ранних неолитических культур. К таким признакам можно отнести смену техники обработки каменных орудий труда и орнаментации керамики, а также производящее хозяйство. Очевидно, что с появлением прикаспийского населения, на территории Нижнего Поволжья начинается качественно новый этап развития [Дога, 2019, с. 149; Дога, 2023, с. 157].

Для региона Волго-Донских степей ряд исследователей выделяет нео-энеолитический период. Модель нео-энеолита была предложена Д. Я. Телегиным. Ученый указывал на сосуществование пришлой энеолитической трипольской культуры с местным неолитическим населением [Телегин, 2004, с. 115]. Эту точку зрения поддержал А.Т. Синюк, выделив на Среднем Дону период пережиточного неолита. Кроме того, он предложил перенести эти реалии на всю зону восточно-европейской лесостепи [Синюк, 2004, с. 195–206].

Эта идея в несколько другой форме была высказана еще в 80-е годы. Фиксируя в Нижнем Поволжье существование памятников с керамикой, которая сочетала в себе накольчатый орнамент и воротничковый венчик, И. Б. Васильев и А.А. Выборнов допускали их сосуществование [Васильев, Выборнов, 1988].

Сторонником концепции неолита-энеолита в Волго-Донских степях является И.Н. Наумов. Автор выделяет финально-неолитический этап, и относит к нему артефакты Орловки и слоя 2А Варфоломеевской стоянки, а также памятник Тентексор. Анализируя существующие, на тот момент, радиоуглеродные даты, исследователь приходит к выводу о том, что энеолитическое население в Нижнем Поволжье появляется в конце V - на рубеже V–IV тыс. до н.э. С этого этапа и до середины IV тыс. до н.э. в регионе сосуществовали разнокультурные пережиточно неолитические и энеолитические памятники [Наумов, 2004, с. 19].

В определенной мере эту точку зрения поддержал П.М. Кольцов. Автор относит материалы поздне-неолитической стоянки Тентексор к

«пережиточному» неолиту. Основанием для этого явился преимущественно хронологический аспект: дата по Тентексору относится к середине V тыс. до н.э., а временные рамки хвалынской энеолитической культуры укладываются в интервал от начала до середины V тыс. до н.э. [Кольцов, 2004, с. 130-131].

В пользу версии о сосуществовании тентексорских и хвалынских древностей осторожно высказывался и П.П. Барынкин. Не отрицая отсутствия прямых археологических данных об их сосуществовании, автор все же указывает на их синхронность, аргументируя это наличием медного предмета в слое 2А Варфоломеевской стоянки [Барынкин, 1998, с. 76].

Несколько иная концепция нео-энеолитического периода была представлена А.И. Юдиным. Исследователь предложил выделять два этапа в энеолите Нижнего Поволжья. Первый включает в себя нео-энеолитический период и представлен позднеэнеолитической орловской и энеолитической прикаспийской культурами. Отличие от «классической» концепции, предложенной Д.Я. Телегиным, заключается в том, что последний считает сосуществование неолитических и энеолитических признаков пережиточным этапом неолита, а А.И. Юдин говорит о новом этапе энеолита [Юдин, 2006, с. 344-345]. Сосуществование двух культур обосновывается совместным залеганием орловской и прикаспийской керамики на Варфоломеевской стоянке [Юдин, 2004, с. 173] и радиоуглеродными значениями, которые распределились в широком хронологическом интервале от середины VI до начала V тыс. до н.э. [Выборнов и др., 2013, с. 258]. Даты по керамике прикаспийской культуры стоянок Буровая 41 и Курпеже-Молла в Северном Прикаспии укладываются в интервал от второй четверти до конца VI тыс. до н. э. [Выборнов и др., 2008, с. 193]. Таким образом, А.И. Юдин делает вывод, что позднеэнеолитическое и раннеэнеолитическое население Нижнего Поволжья сосуществовало довольно значительное время [Юдин, 2013, с. 28].

Относительно тезиса о совместном залегании артефактов, необходимо учитывать тот факт, что на Варфоломеевской стоянке есть несколько жилищ, которые прорезают нижележащие слои [Юдин, 2004, с. 20]. Вполне

допустимо, что в таких условиях, материалы из разных культурных горизонтов могли смешаться.

На сегодняшний день база радиоуглеродных значений по орловским и прикаспийским материалам значительно пополнилась. Самыми поздними датами орловской культуры являются значения 5200–5150 лет ВС (табл. 13, 27-32). Для прикаспийской этот интервал определяется 4900–4800 лет ВС (табл. 13, 33-44). Очевиден разрыв минимум в 250 лет. Он подтверждается и наличием мощной стерильной прослойки между орловским и прикаспийским слоями на стоянках Алгай и Орошаемое. Иначе говоря, исследования последних лет на стратифицированных памятниках неолита-энеолита, в степном Поволжье, не обнаружили признаков сосуществования поздней орловской и прикаспийской культур.

Широкое радиоуглеродное датирование, начавшееся в 2007 году, позволило установить, что четыре совпадающие даты по различным материалам стоянки Тентексор фиксируют середину VI тыс. до н.э. (табл 13, 1–4) [Барацков и др., 2012, с. 258]. Это древнее хвалынской культуры на 500 лет, что говорит о невозможности сосуществования тентексорского и энеолитического населения. С другой стороны, подтвердилась гипотеза о частичном сосуществовании памятников прикаспийского типа и неолитических с накольчатой посудой на территории Северного Прикаспия во второй-третьей четверти V тыс. до н.э. [Выборнов, 2008, с. 64].

Самые ранние даты по прикаспийской керамике относятся к стоянкам Северного Прикаспия Буровая 40, 41 - 5880, 5790 и 5560 лет ВС (табл. 13, 12-14). Последнее значение соотносится с датировками материалов поздненеолитической стоянки Тентексор – 5600-5500 лет ВС. Первые две даты представляются несколько удревленными, но и они коррелируются со значениями материалов стоянки Приозерная - $6662 \pm 120\text{BP}$ (5794–5371 ВС), $6699 \pm 80\text{BP}$ (5727–5488 ВС) [Выборнов, Гречкина, 2023, с. 10].

Принимая во внимание факт сочетания тентексорских и прикаспийских признаков на некоторых сосудах стоянок Таскудук, Же-калган I и Кадыр-

Гали-Стау, можно допустить сосуществование тентексорской и прикаспийской культур на этапе 5600–5500 лет ВС. Иначе говоря, период нео-энеолита скорее характерен для территории Северного Прикаспия, нежели степного Поволжья.

Что касается второго этапа энеолита, то, по мнению А.И. Юдина в этот период функционируют прикаспийская, хвалынская и алтатинская культуры. Последние две начинают свое развитие со второй четверти V тыс. до н. э., параллельно с уже существующей прикаспийской. Финал энеолита в регионе связан с появлением «городцовской» ямной культуры. В целом, автор подчеркивает, что энеолитические культуры степного Поволжья не сменяются последовательно, а развиваются параллельно на протяжении позднего энеолитического периода [Юдин, 2013, с. 28-29].

Сосуществованию прикаспийской и хвалынской культур, в степном Поволжье, противоречат радиоуглеродные даты и стратиграфические данные стоянок Кумыска, Орошаемое и Алгай. По материалам алтатинской культуры имеется лишь одна дата – 4120 лет ВС [Моргунова и др., 2011, с. 54], что значительно моложе значений не только прикаспийской, но и хвалынской культур региона. Так, для последней отсутствуют радиоуглеродные даты моложе 4200 лет ВС. Причем это касается не только территории Нижнего, но и лесостепного Среднего Поволжья [Моргунова, 2011, с. 130],

Так же, следует отметить, что правомерность концепции о сосуществовании нео-энеолитического периода была поставлена под сомнение В.В. Ставицким. Автор считает, что сосуществование культур с разным хозяйственным укладом в первобытную эпоху являлось не правилом, а скорее исключением и длительное время могло иметь место там, где население проживало в разных ландшафтных зонах. Конкретно к Нижнему Поволжью эта модель не применима. Здесь энеолитизация связана с хвалынским населением, а прикаспийская культура является неолитической [Ставицкий, 2013, с. 31–33]. Однако, как было рассмотрено выше, в прикаспийской культуре появляется набор признаков, которые отличают ее

от поздненеолитических комплексов. Поэтому относить ее к позднекаменному веку не совсем корректно. Не случайно автор предлагает выделение переходной фазы от позднего неолита к раннему энеолиту.

Что касается абсолютной хронологии прикаспийской культуры, то на сегодняшний день получено 17 дат, включая AMS, по почве, костям животных, органике в керамике и др. (табл. 13, 9–14, 33–44). По органике в керамике стоянки Курпеже-Молла, имелось две даты – 5050 BC и 5020 BC (табл., 9-10), а для стоянки Буровая 41 – 5880 BC и 5790 BC (табл. 13, 13-14). Недавно по керамике первой стоянки была сделана дата - 5100 BC (табл. 13, 11), которая совпала с предыдущими значениями. А по второму памятнику дата 5560 BC (табл. 13, 12). Кроме того, по углю со стоянки Комбак-Тэ получена дата – 5000 BC (табл. 13, 19). В свете наличия на данном памятнике материалов прикаспийской культуры это значение может относиться именно к прикаспийскому комплексу.

Более представительная серия датировок по различным материалам получена с прикаспийских памятников степного Поволжья. Две даты по органике в керамике стоянок Кумыска (4870 BC) и Орошаемое (4890 BC) совпали со значением по кости овцы (4806 BC) и двумя по костям животных из прикаспийского слоя стоянки Алгай (4870 BC, 4840 BC). Несколько древнее оказались еще две даты по костям - 4930 BC и 4950 BC. Однако и они, с учетом поправок, вполне соотносятся с предыдущей серией дат. По кости лошади со стоянки Орошаемое получена дата 4730 BC (табл. 13, 39), с ней совпало значение по почве этой же стоянки - 4716 BC (табл. 13, 36). Еще одна дата по почве - 4520 BC (табл. 13, 37) представляется несколько омоложенной [Дога, Кулькова, 2022, с. 15]. С другой стороны, имеется много примеров, когда даты по почве являются более молодыми по сравнению со значениями из других органических материалов.

Период бытования прикаспийской культуры в Северном Прикаспии определяется интервалом 5500–5100 лет BC (табл. 13, 9-14), а в степном Поволжье 4900-4800 лет BC (табл. 13, 33-44). Данные интервалы могут

объясняться существованием двух этапов внутри прикаспийской культуры. Подтверждается это и определенными различиями в керамическом и каменном инвентаре. Тезис А.И. Юдина о трех этапах внутри прикаспийской культуры [Юдин, 2013, с. 28], на наш взгляд, требует дополнительной аргументации. Здесь следует напомнить, что на стоянке Озинки II был обнаружен воротничковый сосуд, украшенный шнуром. Такой способ орнаментации не встречен в более ранних комплексах.

Отсутствие на сегодняшний день представительной керамической коллекции прикаспийской керамики разных этапов с различных территорий Нижнего Поволжья не позволяет делать обоснованных выводов. Однако можно отметить, что на прикаспийской посуде степного Поволжья слабо выражены узоры в виде меандра, характерные для сосудов с Курпеже-Молла и чаще встречается керамика без воротничка.

Несмотря на наличие представительной серии радиоуглеродных дат по материалам хвалынской культуры, вопрос об ее абсолютной хронологии так же оставался открытым. Долгое время исследователи определяли возраст этих древностей по датам Хвалынского могильника в степном Поволжье. Однако, не учитывалась территориальная разница. Кроме того, все даты по этому некрополю были получены по костякам человека. В тот период еще не был известен резервуарный эффект и поэтому некоторые даты порядка 5100–5000 ВС воспринимались как валидные. Ситуация кардинальным образом изменилась в последние годы, когда и для Северного Прикаспия, и для степного Поволжья были получены значения по различным материалам. Кроме того, исследователям удалось получить парные даты для хвалынских могильников как по костям человека, так и животных, которые не употребляли в пищу рыбу.

Для территории Северного Прикаспия по нагару с хвалынской керамики стоянки Комбак-Тэ была получена дата 4600 лет ВС (табл. 13, 20). Учитывая, что нагар либо удревняет, либо дает валидную дату, это значение может быть вполне приемлемым. Определенным подтверждением этому

может служить и дата по почве с хвалынской стоянки Каир-Шак VI - 4400 лет ВС [Лаврушин и др., 1988, с. 45]. Она несколько моложе самых поздних хвалынских дат. Дату с Комбак-Тэ отнести однозначно к хвалынским материалам не позволяло наличие на этом памятнике и более ранних материалов прикаспийской культуры [Выборнов и др., 2016, с.42], а даты по почве не всегда соответствуют возрасту культурных находок. Поэтому было продатировано 6 образцов непосредственно керамики хвалынской культуры Северного Прикаспия [Выборнов и др., 2009, с.86]. Их значения составляют от 5000 до 4600 лет ВС (табл. 13, 15–17, 24-26), что соответствует хроноинтервалу хвалынских могильников. На первый взгляд можно констатировать совпадение хронологических рамок поселенческих материалов Северного Прикаспия и погребальных комплексов степного Поволжья. Но следовало учитывать, что посуда хвалынского типа содержала примесь раковин пресноводных моллюсков и в случае, если в процессе подготовки пробы к анализу они не уничтожались полностью, то могли удреwnить даты. Однако по керамике этой культуры были получены и более молодые даты – 4200 лет ВС [Моргунова и др., 2010, с. 20], что позволяло учитывать и более ранние значения. Ситуация изменилась, когда специалисты продатировали из хвалынского погребения кости человека и овцы: 4800 и 4500 лет ВС. Разница, объясняемая исследователями резервуарным эффектом, составила 300 лет. На этом основании ими предложено датировать Хвалынские могильники не 5000–4700 лет ВС, а 4400-4300 лет ВС [Шишлина и др., 2006, с. 138].

Этот вывод, к сожалению, основан на единственном примере. Допустимо ли переносить его результаты на весь массив погребений? Вторым примером стали материалы из хвалынского погребения на стоянке Лебяжинка V в лесостепном Поволжье. По мнению исследователей, в результате резервуарного эффекта дата по костям человека – 5600 лет ВС удреwnена, так как дата по костям животного – 4800 лет ВС [Shishlina, 2017, p.5].

Совсем недавно новыми изысканиями были получены дополнительные подтверждения различий между датами по костям человека и животных для I и II Хвалынских могильников [Шишлина, 2023, с. 125]. Несколько дат практически совпали – 4500–4400 ВС.

Таким образом, один из вариантов хронологических рамок погребальных памятников укладывается от 4500 до 4400 лет ВС. Примечательно, что нижний предел почти совпадал с поздними датами по керамике. Обнаружение в одном погребении костей человека и животного весьма редкий случай. Поэтому было необходимо продолжить работу и в других направлениях. На AMS по нагару с хвалынской керамики стоянки Каир-Шак VI получена дата 4664 лет ВС (табл. 13,18), которая совпадает с одной из дат по керамике этого памятника. По нагару с фрагмента керамики стоянки Комбак-Тэ дата – 4600 лет ВС (табл. 13, 20). Последняя подтверждает предположение, что дата по углю (5000 лет ВС) на этом памятнике относится к более раннему комплексу прикаспийской культуры. Полученные по нагару даты укладываются в интервал, предложенный специалистами на основе значений по костям овцы. Поскольку известны случаи отклонений дат по нагару, то было предпринято датирование костей животных с хвалынских стоянок Северного Прикаспия.

По костям овцы с Каир-Шака VI дата 4500 лет несколько моложе, чем по нагару. Для стоянки Кара-Худук получена дата по костям кулана – 4900 (табл. 13, 21), овцы – 4900 (табл. 13, 22) и КРС – 5000 (табл. 13, 23) лет ВС. Следует отметить, что они совпали с датами по керамике этого памятника. В то же время следует оговорить, что дата по крупному рогатому скоту имеет поправку в 100 лет. Скорее всего, необходимо ее учитывать в сторону уменьшения и тогда она совпадет с датами по овце и кулану.

Таким образом, для поселенческих материалов хвалынской культуры Северного Прикаспия можно признать наиболее достоверными хронологические рамки от 4900 до 4500 лет ВС (табл. 13, 16–26). Омоложению дат по кулану и овце противоречат синкретические фрагменты,

сочетающие признаки прикаспийской культуры (воротничковое утолщение венчика) и способ нанесения узора (отпечатки плетенных фактур), типичный именно для хвалынской культуры. Такие сосуды представлены как на стоянке Курпеже-Молла, так и Комбак-Тэ.

Что касается степного Поволжья, то благодаря материалам стратифицированного памятника Орошаемое удалось получить дату по костям кулана из слоя с хвалынскими артефактами – 4600 лет ВС (табл. 13, 46). Аналогичное значение было получено по костям животных из слоя хвалынской культуры на стоянке Алгай (табл. 13, 45). Они моложе дат по стоянке Кара-Худук, но вполне соответствует рамкам хвалынских памятников Северного Прикаспия. Что касается дат по костям овцы из могильников степного и лесостепного Поволжья, то они являются более молодыми. Нельзя исключать, что памятники хвалынской культуры Северного Прикаспия появляются раньше степных в Нижнем Поволжье.

Широкое датирование хвалынских и прикаспийских древностей позволило, в определенной мере, разрешить дискуссию о соотношении этих культур. Нижняя граница хвалынских датировок по материалам Северного Прикаспия совпадает с верхней границей прикаспийских, что может указывать на их определенную временную стыковку. В пользу этого говорят и находки синкретичной керамики, сочетающей в себе прикаспийские и хвалынские признаки. Однако основной массив хвалынских дат тяготеет к интервалу 4900–4800 лет ВС, что говорит о ее более поздней позиции по отношению к прикаспийской культуре. В степном Поволжье датировки хвалынской культуры не совпадают с прикаспийскими. Кроме того, доказательством отсутствия контактов между прикаспийским и хвалыским населением, в степном Поволжье, может служить стратиграфия стоянок Кумыска, Алгай и Орошаемое, где прикаспийские материалы залегают ниже хвалынских. По археологическим материалам контакты так же не фиксируются.

Таким образом, прикаспийская культура занимает промежуточное

положение между поздним неолитом и, бесспорно, энеолитической хвалынской культурой. Отнесение ее к переходному этапу от неолита к энеолиту справедливо, но под этим следует понимать появление в Северном Прикаспии качественно нового населения с отличными от местных технологическими традициями и их сосуществование с местными поздненеолитическими племенами. Хронологические рамки прикаспийской культуры укладываются в интервал 5400–4800 лет ВС, а хвалынской 4900–4200 лет ВС. Прикаспийская культура имеет хронологический приоритет по отношению к хвалынской. Однако не исключаются контакты между ними на территории Северного Прикаспия.

4.2. Генезис и дальнейшие судьбы энеолитических культур Нижнего Поволжья

Ряд исследователей солидарны во мнении, что прикаспийская культура сформировалась на местной неолитической основе (орловская культура) под влияниями северных лесостепных и лесных культур. Под северными компонентами, как правило, понимаются орнаментация керамики в виде оттисков гребенчатого штампа и двусторонняя обработка каменных орудий [Васильев, Синюк, 1985, с. 33; Моргунова, 2011, с. 46].

Согласно концепции А.И. Юдина прикаспийская культура сформировалась в степном Поволжье на основе местной орловской. Автор указывает на то, что практически все признаки мариупольской КИО, в которую, безусловно, входит прикаспийская культура, начинают формироваться в слое 2А Варфоломеевской стоянки. Это и наличие в этом слое комплекса «специфических украшений», изображений животных на костяных пластинах, шлифованных орудий, крупных кварцитовых пластин в верхнем слое стоянки, а также медный предмет. Одним из основных аргументов является факт совместного залегания воротничкового сосуда с материалами орловской культуры. Кроме того, фиксируется общность технологии изготовления керамики, увеличение процента плоскодонных и

профилированных сосудов в верхних слоях, а также наличие на поздненеолитической посуде волнистых линий, характерных для прикаспийской орнаментации. Появление же воротничка объясняется трансформацией внутреннего наплыва на орловской керамике позднего этапа [Юдин, 2004, с. 171–172]. Не отрицая автохтонной гипотезы происхождения прикаспийской культуры, Н.Л. Моргунова уточняет, что ее формирование происходило под влиянием, в первую очередь, самарской культуры [Моргунова, 2011, с.46].

При всей обоснованности данной концепции все же следует обратить внимание на ряд моментов. Мы солидарны с мнением Н.Л. Моргуновой о том, что связывать происхождение всех мариупольских признаков исключительно с Волжско-Приуральским регионом вряд ли возможно. Такие элементы как удлиненные ножевидные пластины, разнообразные украшения из клыка кабана и раковин и т.д. присущи многим культурам от Подунавья до Приуралья [Моргунова, 2011, с. 47]. Все эти признаки фиксируются в материалах Мариупольского могильника, датирующегося 5645–5480 лет ВС, а слой 2А Варфоломеевской стоянки определяется интервалом 5600–5300 лет ВС [Выборнов и др., 2022, с. 8].

Как уже отмечалось выше, одним из аргументов преемственности между орловской и прикаспийской культурами является увеличение кремневых ножевидных пластин от нижнего слоя к верхнему на стоянке Варфоломеевская. Кроме того, А.И. Юдин отмечает увеличение размера трапеций и процента кварцитовых орудий, а так же появление в верхнем слое крупных кварцитовых пластин и орудий на них. В этой связи необходимо отметить, что в верхнем слое Варфоломеевской стоянки обнаружена керамика прикаспийской культуры, с которой и могут быть связаны крупные кварцитовые пластины [Юдин, 2004, с. 65].

В неолитической коллекции стоянки Алгай, так же присутствуют кварцитовые изделия. Однако они выполнены не в технике усиленного отжима, а сам кварцит имеет отличный от прикаспийского цвет. Что касается

кремневого сырья, то для орловцев характерен матовый и, в меньшей степени, прозрачный кремень различных оттенков серого цвета. Прикаспийцы же использовали черный прозрачный или белый кремень, реже светло-серый. В материалах прикаспийской культуры не встречаются трапеции со струганной спинкой, столь характерные для позднего неолита. Обнаруженные в прикаспийских комплексах вкладыши не являются геометрическими микролитами [Дога, 2023, с. 274–275].

Что касается совместного залегания орловской и прикаспийской керамики, то необходимо отметить факт наличия на Варфоломеевской стоянке жилищ [Юдин, 2004, с. 18], что не исключает прорезание культурных слоев и смешивания артефактов. В гомогенных слоях орловской и прикаспийской культур на стоянках Алгай и Орошаемое совместного залегания разнокультурных материалов не зафиксировано.

Спорным представляется тезис о трансформации внутреннего напыла в воротничок. Не исключая возможности такого процесса, все же следует отметить, что подобные преобразования не произошли ни в камской, ни в кошкинской культурах, керамика которых так же имеет напыль. Тем более, что такой венчик на Варфоломеевской стоянке представлен единственным экземпляром.

Вопрос влияния лесостепных культур на формирование прикаспийской, и как следствие появление гребенчатой орнаментации, так же представляется не однозначным. В первую очередь, необходимо отметить мнение Н.Л. Моргуновой относительно техники гребенчатой орнаментации. Автор указывает на то, что данная техника вряд ли может являться показателем какого-либо этнического образования или продвижения какой-либо культуры на другие территории. Определить эпицентр ее возникновения затруднительно, поскольку одновременно она фиксируется в разных культурах. А быстрое распространение гребенчатой техники может объясняться ее практичностью [Моргунова, 2011, с. 46].

Исходя из серии радиоуглеродных дат, распространение гребенчатого

штампа в лесостепном Поволжье происходит не ранее 4800 лет ВС [Выборнов и др., 2009, с.62-63]. Это совпадает с возрастом гребенчатой керамики степного Поволжья, а в Северном Прикаспии этот тип орнаментации появляется значительно раньше.

Еще одним немаловажным аспектом является факт отсутствия domesticiрованных животных у носителей орловской и самарской культур [Выборнов и др., 2019, с. 9–10; Косинцев, Варов, 1996, с. 30]. Наиболее ранние признаки производящего хозяйства (кости овцы) в Нижнем Поволжье фиксируются в материалах прикаспийской культуры. Невозможность местного одомашнивания овцы, в силу отсутствия ее диких форм в регионе, может быть показателем стороннего импульса не связанного ни с местным неолитом, ни с самарской культурой. Что касается последней, то вплоть до настоящего времени отсутствуют аргументированные доказательства наличия в ней признаков скотоводства [Пестрикова, Агапов, 2010, с. 111]. К тому же нет доказательств, что две особи лошади из Съезжинского могильника являются domesticiрованными.

Выше уже говорилось о том, что радиоуглеродные значения по позднеорловским и прикаспийским материалам степного Поволжья не стыкуются. Разрыв в датировках подтверждается и стратиграфией стоянок Алгай и Орошаемое. Иначе говоря, по хронологии трансформации орловской культуры в прикаспийскую не прослеживается.

Вся совокупность вышеприведенных аргументов не позволяет считать автохтонную версию происхождения прикаспийской культуры единственно верной. В этой связи интересна всесторонне обоснованная точка зрения А.А. Выборнова и В.В. Ставицкого о формировании прикаспийской культуры вследствие проникновения в Северный Прикаспий отдельных групп населения нижнедонской и азово-днепровской культуры в период 5800-5500 лет ВС. [Выборнов и др., 2022, с. 31-35; Vybornov at all, 2022, p. 380].

Ранняя азово-днепровская керамика имеет примесь раковины и орнаментацию в виде гребенчатых оттисков, позднее появляется керамика с

воротничком (рис. 50, 1) [Котова, 2002, с. 25]. Древнейшая нижнедонская посуда имеет аналогичную орнаментацию. На втором этапе появляется воротничковый венчик (рис. 50, 2-3) [Котова, 2015, с. 37]. Этап 1б азово-днепровской культуры и второй период нижнедонской культуры датируется 5800–5350 лет ВС [Котова, 2002, с. 95,97]. Это совпадает с датами посуды с аналогичными признаками стоянки Буровая 41. Второй этап азово-днепровской культуры имеет возраст 5350–4900 ВС, а это соответствует датам по сходной керамике со стоянки Курпеже-Молла.

Для посуды этапа 1б азово-днепровской культуры характерен каменный инвентарь в виде средних кремневых пластин, скребков на пластинах и отщепах, трапеций. На втором этапе появляются двусторонне обработанные наконечники стрел [Котова, 2002, с. 25].

По материалам поселения Раздорское на Нижнем Дону для первого этапа нижнедонской культуры характерна техника скалывания крупных пластин, а наряду с кремневым сырьем нижнедонское население начинает использовать кварцит [Кияшко, 1987, с. 74–75]. Второй этап нижнедонской культуры представлен на памятнике материалами третьего слоя. Сосудам с воротничковым оформлением венчика сопутствует каменный инвентарь на пластинах и изделия с двусторонней обработкой [Кияшко, 1987, с. 74, рис. 1, 75]. Материалы нижнедонской культуры так же широко представлены в коллекции поселения Ракушечный Яр. Отмечается, что в слоях 4-2 залегает воротничковая керамика, украшенная оттисками гребенчатого штампа и кремневые орудия на длинных пластинах (до 10 см). К ним относятся ножи, хорошо ограненные пластины с двускатной спинкой и скребки на удлинённых пластинах различной формы [Белановская, 1995, с.27]. Новейшие изыскания на поселении Ракушечный Яр показали, что в слоях 2Б-3, наряду с другими материалами, залегает керамика с воротничковым оформлением венчика и гребенчатой орнаментацией. Именно в этих слоях обнаружены орудия на крупных пластинчатых сколах, большие скребки на отщепах, конический нуклеус, со следами негативов коротких пластинчатых

сколов [Цибрий и др., 2019, с. 21–22].

Таким образом, признаки, характерные для прикаспийской культуры, фиксируются в более ранних материалах азово-днепровской и нижнедонской культур. Кроме того, носители этих культур, по мнению Н.С. Котовой, были знакомы с производящим хозяйством [Котова, 2002, с. 53].

Выше уже отмечалось, что в Северном Прикаспии встречаются сосуды, сочетающие в себе воротничковое оформление венчика и накольчатую орнаментацию. Благодаря новейшим изысканиям на поздненеолитических стоянках Приозерная и Таскудук была получена посуда, орнаментальные мотивы которой схожи с «валютами» и меандрами прикаспийской керамики (рис. 49, 1–2). Кроме того, на Таскудуке обнаружены фрагменты стенок сосуда, сочетающие отпечатки гребенчатого штампа и наколы (рис. 49, 3). Так же необходимо отметить совпадение ряда категорий орудий в тентексорских и прикаспийских комплексах: скребки стрельчатого типа и т.д.

Таким образом, можно сделать вывод, что прикаспийская культура формируется не на основе степной орловской, а на базе тентексорского населения под влиянием западных, а не северных племен.

Вопрос дальнейшей судьбы прикаспийской культуры напрямую связан с распространением воротничковой керамики [Дога, Попов, 2017, с. 29]. По этой керамике из Съезжинского могильника в Среднем Поволжье было получено 3 даты – 5760, 5580 и 4890 ВС. Расхождение почти в 800 лет поставило под сомнение валидность этих значений [Моргунова и др, 2010, с. 20].

На основе типологического и технологического анализов в керамической коллекции Съезжинского могильника было выделено 2 группы керамики. Первая сопоставлялась с посудой прикаспийской культуры, вторая объединяла в себе признаки прикаспийской и местной поздней средневожской культуры [Васильев, Матвеева, 1979, с. 154–155]. Многие исследователи сошлись во мнении о пришлое характере населения с воротничковой керамикой [Васильева, 1999, 201; Моргунова, 2011, с. 18-20].

Если принимать во внимание последние данные по датировкам азово-днепровской культуры, то в период 5700–5500 лет ВР воротничковой керамики еще не было даже в западных районах [Котова, 2018, с. 64].

Что касается керамики средневожской культуры, то она на позднем этапе представляет собой посуду с гребенчатой орнаментацией. Со стоянки Калмыковка по данной керамике и кости животного было получено 2 даты – 4989 и 4950 ВС. С поселения Лебяжинка III по кости животного была получена дата 4758 ВС [Сомов, Шалапинин, 2019, с. 230]. Иначе говоря, контакты между населением с пришлой воротничковой керамикой и местным населением с гребенчатой керамикой не могли начаться ранее 4800 ВС. В этом ключе дата 4890 ВС по Съезжинскому могильнику представляется более валидной. Эта дата совпала со значением, полученным при повторном датировании воротничковой керамики Съезжинского могильника – 4890 лет ВС [Выборнов и др., 2023, с. 215]. Кроме того, в настоящее время получены даты для вкладышевых кинжалов и костяного гарпуна, который располагался среди сосудов жертвенной площадки. И если первые артефакты относятся к мезолитическому времени, то значение по гарпуну, сделанному из кости лося, соответствует - 5914±40 лет ВР (4854-4700ВС) [Выборнов и др., 2023, с. 216].

По воротничковой керамике Екатерининского могильника было получено 2 даты - 4673 и 5372 ВС. Авторы раскопок ставят керамическую коллекцию Екатерининского могильника в хроноинтервал между съезженской и хвалынской, отмечая ее близость с керамикой прикаспийской культуры [Королев и др., 2019, с.27-29]. Что касается даты 5372 ВС, то она совпадает с датой по кости человека из этого могильника – 5325 ВС [Королев и др., 2018, с. 300]. Однако, тенденция последних лет к пересмотру дат по костям человека, ставит ее под сомнение.

В связи с имеющимися на сегодняшний день датировками, возможно, предположить схему распространения населения с воротничковой керамикой с запада на территорию Северного Прикаспия, а оттуда в более северные

районы степного и Среднего Поволжья.

Период 4900–4600 лет ВС время господства в Северном Прикаспии хвалынского населения, а прикаспийское, очевидно, было вытеснено на более северные территории степного Поволжья. Формирование хвалынской культуры связывалось И.Б. Васильевым именно с прикаспийским населением [Васильев, 1981, с. 34]. По справедливому замечанию Н.Л. Моргуновой включение хвалынцев в обширную хвалынско-среднестоговскую общность не позволяет рассматривать эту версию как автохтонную. И формирование хвалынцев происходит на основе культур мариупольской КИО при активном влиянии Предкавказья и земледельческих регионов Северного Причерноморья, связанных с балканским металлургическим центром [Моргунова, 2011, с. 121].

Однако существенная роль прикаспийской культуры в сложении хвалынской может определяться преемственностью пластинчатой техники усиленного отжима, сочетанием микро- и макро-техники, а также набором основных типов орудий. Непосредственные различия наблюдаются только в сырье. В хвалынских комплексах преобладает кремль, но процент артефактов из кварцита на ряде памятников (Каир-Шак VI) порой весьма значительный. Кроме того, на стоянках Северного Прикаспия обнаружена посуда, сочетающая в себе прикаспийские и хвалынские черты (Курпеже-Молла, Комбак-Тэ, Буровая 16 и др.). В свете доказанности хронологического приоритета прикаспийской культуры над хвалынской вполне вероятно ее непосредственное участие в сложении последней.

Еще одна версия о происхождении хвалынской культуры связана с материалами шебирского типа полуострова Мангышлак в Восточном Прикаспии. Основываясь, прежде всего, на анализе каменного инвентаря авторы приходят к выводу о продвижении хвалынского населения с территории Передней Азии через Восточный Прикаспий. А затем их проникновению в Северный Прикаспий [Горащук, 2003, с.123-127]. Эта точка зрения подвергалась критике многими исследователями [Моргунова,

2011, с.116; Астафьев, 2014, с. 236–237]. Стоит только добавить, что датирование непосредственно керамики шебирского типа дало более позднее, чем североприкаспийские хвалынские материалы, значение – 4634 лет ВС. Характерной чертой посуды шебирского типа является украшение зубчатым штампом (рис. 53, 1–2). Причем этим способом орнаментирована и большая часть воротничковой керамики Мангышлака (рис. 53, 3–5). На посуде прикаспийской и хвалынской культур степного Поволжья преобладает именно этот тип орнаментации, что может свидетельствовать о продвижении населения с зубчатой техникой по рекам Большой и Малый Узень [Выборнов и др., 2022, с. 83]. Иначе говоря, более очевидно продвижение хвалынцев из Северного Прикаспия в Восточный, а не наоборот.

Отдельно стоит сказать о версии Н.С. Котовой, которая заключается в том, что хвалынская культура сформировалась в результате ассимиляции среднестоговского населения с позднеорловским и самарским на территории правого берега Волги. А из-за увлажнения климата в период 5100–4900 лет ВР хвалынцы расселяются на юг по долине Волги и достигают Мангышлака [Котова, 2006, с. 136-137]. Этой точке зрения противоречит ряд фактов. Выше уже приводились датировки, которые показывают, что материалы хвалынской культуры Северного Прикаспия имеют более древний возраст, чем хвалынские артефакты степного Поволжья. Кроме того, на стоянках Алгай и Орошаемое между слоями орловской и хвалынской культур залегают две стерильные прослойки и пласт прикаспийской культуры. В своей аргументации автор оперирует датами по костям человека из II Хвалынского могильника и относит процесс завершения формирования хвалынской культуры к периоду 5200-5150 лет ВС. Уточнение датировок хвалыnskих древностей по различным материалам позволило констатировать появление хвалынцев в Северном Прикаспии не ранее 5000-4900 лет ВС, а в степном Поволжье не ранее 4600 лет ВС. Тезис об увлажнении климата в период 5100 – 4900 лет ВС так же не получил подтверждения. Судя, по

последним данным на территории степного Поволжья в 5050 лет ВС, наоборот, фиксируется максимальная аридизация климата и высокая температура [Кулькова, 2022, с. 103]

Самые ранние проявления хвалынской культуры в степном Поволжье относятся к 4600 лет ВС. Ее более поздний возраст подтверждается и серией дат по костям животных из Хвалынских могильников. Впоследствии хвалынское население распространяется по значительной территории Поволжья. Более того, известны не просто местонахождения (Сауз II в Нижнем Прикамье), но и поселения с жилищами не только в верховьях р. Суры (Русское Труево I), но в ее среднем течение (Утюж II).

Дальнейшие судьбы хвалынцев большинство исследователей связывает с формированием ямной культуры. Однако этот вопрос остается не до конца разработанным. Он осложняется наличием в степном Поволжье памятников алтатинской культуры и алексеевского типа, которые требуют более детальной культурно-хронологической интерпретации. Но это тема отдельного исследования.

Таким образом, ряд фактов ставит под сомнение тезис о генезисе прикаспийской культуры на основе орловской при влиянии лесостепных племен самарской культуры в степном Поволжье. Более вероятной представляется версия о сложении прикаспийцев на территории Северного Прикаспия на основе местного поздненеолитического населения. Это произошло благодаря западному импульсу, в виде инноваций (техника усиленного отжима, гребенчатый штамп, воротничковое оформление венчика, домашняя овца), которые принесли носители нижнедонской и азово-днепровской культур. Дальнейшие судьбы прикаспийской культуры связаны с хвалынским населением. Большая роль прикаспийцев в формировании хвалынской культуры определяется преимуществом в обработке камня и набором основных типов орудий. Кроме того, на разных памятниках Северного Прикаспия выделяется группа синкретичной посуды, сочетающей в себе прикаспийские и хвалынские черты.

Глава 5. Производящее хозяйство в Нижнем Поволжье и проблема его происхождения

5.1. Производящее хозяйство в Нижнем Поволжье

Долгое время вопрос о появлении производящего хозяйства в Нижнем Поволжье решался достаточно однозначно. А.Н. Мелентьев связывал этот процесс, в Северном Прикаспии, с сероглазовской культурой [Мелентьев, 1980, с.12]. Данная территория является контактной зоной между Кавказом и Средней Азией, где производящее хозяйство было известно достаточно рано. В связи с этим, тезис о том, что домашние животные в Нижнем Поволжье появляются еще в раннем неолите, получил дальнейшее развитие. Кроме того, это подтверждалось конкретными материалами. Так в верхних слоях стоянки Джангар Северо-Западного Прикаспия были обнаружены кости овцы, быка и лошади, близкие к домашним особям [Кольцов, 2004, с. 234].

На территории сопредельного степного Поволжья, в неолитическом слое 2А Варфоломеевской стоянки были определены кости от одной особи овцы. А около десятка костей были отнесены к корове или мелкому туру. Так же, на стоянке был обнаружен клад из зубов лошади и три костяные фигурки лошадей, что позволило говорить о появлении в неолите не только овец и КРС, но и домашних лошадей [Юдин, 2004, с.163].

На территории Северного Прикаспия И.Е. Кузьминой были определены кости овцы в коллекции энеолитического памятника Кара-Худук. Так же, исследователем были проанализированы остеологические коллекции стоянок Тентексор I, Же-Калган I и Курпеже-Молла. На этих памятниках преобладающее количество костей принадлежало сайге, останки овцы или каких-либо других домашних животных отсутствовали. Отмечалась отдаленная близость костей тарпана к домашней лошади. Автором было выдвинуто предположение о появлении домашних животных в регионе у носителей хвалынской культуры во второй половине IV тыс. до н.э. [Кузьмина, 1988, с. 175].

Точку зрения о появлении производящего хозяйства в период неолита

поддержал И.Н. Наумов. Исследователь, опираясь на данные с памятников Варфоломеевская и Джангар, говорит о том, что скотоводческое хозяйство распространяется в степной части Нижнего Поволжья, вплоть до северо-западного Прикаспия. Он относит этот процесс к V тысячелетию до н.э. [Наумов, 2003, с. 83]. Автор утверждает очевидность того факта, что для неолито-энеолитического населения степного Поволжья была свойственна комплексность хозяйства. Она характеризуется в условиях начавшейся аридизации климата постепенным уменьшением роли промысловой охоты на копытных (сайгу, кулана), а затем «исчезновением останков всех птиц, кабана, благородного оленя, барсука» и началом освоения скотоводческих навыков, при сохранении охоты как ведущей хозяйственной деятельности. [Наумов, 2014, с. 144].

Исследование культурных слоев неолита-энеолита на памятниках Алгай и Орошаемое показало наличие костей овцы в прикаспийских и хвалынских слоях [Дога, 2015, с. 54; Дога, Попов, 2018, с. 163; Doga, Vubornov 2020, pp. 307], а также полное их отсутствие в остеологической коллекции неолитической орловской культуры [Выборнов и др., 2019, с. 361]. Представительная выборка проанализированных специалистами фаунистических останков (более 15000 определимых костей с обоих памятников), а также гомогенность культурных слоев позволяют считать полученные выводы достоверными. Учитывая возникшее противоречие, рядом исследователей было принято решение вернуться к анализу имеющихся источников.

Как уже неоднократно отмечалось выше, при рассмотрении материалов неолита-энеолита Нижнего Поволжья необходим скрупулезный анализ первоисточников на предмет гомогенности комплексов и четкого контекста залегания тех или иных артефактов. Кроме того, изучение раннего периода животноводства в рассматриваемом регионе имеет методические трудности, связанные с различием костей домашних и диких форм. Дело в том, что в этом регионе на протяжении голоцена обитали дикие виды: тур, кабан и

дикая лошадь тарпан. Эти виды были предками домашних животных – крупного рогатого скота, свиньи и лошади. Кости диких и домашних форм по морфологическим признакам не различаются. Но они различаются размерами. После одомашнивания тура и кабана происходило уменьшение размеров крупного рогатого скота и свиньи [Цалкин, 1970, с. 160]. В неолите размеры крупного рогатого скота были еще большими. В это время размеры костей домашних коров были уже меньше размеров костей коров тура. Домашние быки тоже стали меньше быков тура, но размеры их костей стали такими же, как у коров тура. Поэтому из памятников неолита по размерам костей можно различить коров крупного рогатого скота и быков тура.

Еще большая проблема связана с различием костей домашней и дикой лошади. В размерах их костей одомашнивание практически не проявилось, и определить дикой или домашней лошади принадлежат кости, не представляется возможным. Уменьшение размеров свиньи после одомашнивания произошло быстро и в неолите размеры их костей были значительно меньше, чем у кабана. Овцы и альпака отбирались по критерию увеличения подшерстка (пуха) и уменьшения или полной утраты волоса (ости), а коровы — по критерию увеличения надоя. У нескольких видов домашних животных по сравнению с предками уменьшился объем мозга и стали менее развитыми органы чувств, потому что, живя рядом с человеком, они больше не нуждались в том, что когда-то помогало им уберечься от диких хищников. Дикие формы овцы и козы на территории Поволжья никогда не обитали, поэтому определение костей этих видов не вызывает сомнений.

Для исследования были привлечены костные остатки из 13 памятников неолита-энеолита Нижнего Поволжья (табл. 14–18). Большая часть фаунистических коллекций была проанализирована повторно П.А. Косинцевым. Полученные результаты несколько отличаются от опубликованных ранее.

Благодаря новейшим изысканиям в Северном Прикаспии были

получены представительные коллекции остеологических остатков с памятника раннего неолита Байбек и поздненеолитических стоянок Приозерная и Таскудук. А также повторно проанализированы имеющиеся коллекции стоянок Каиршак III и Тентексор I.

На Байбеке подавляющее большинство костей принадлежит кулану (91 особь). Так же определены кости сайги (7 особей), тура (2 особи), благородного оленя (5 особей), кабана (2 особи), лисицы (4 особи) и др. Примерно такая же ситуация наблюдается на памятнике Каиршак III. Там выделено 12 особей кулана, 3 особи сайги, 5 особей благородного оленя и 1 особь тура (табл. 14) [Выборнов и др., 2019, с. 361, табл. 1].

На стоянке Приозерная большая часть костей так же принадлежит крупным и средним диким копытным: туру – 28,7%, дикой лошади – 2,8%, сайге – 36,2%, кулану – 31,4% и благородному оленю – 0,8% (табл. 15) [Выборнов, Гречкина, 2022, с. 10]. Остеологическая коллекция Таскудука представлена костями тура – 36,9%, сайги – 25,7%, кулану – 23,7%, дикой лошади – 0,2%, лошади или кулана – 12,7%. Так же определены единичные кости благородного оленя и корсака (табл. 16) [Дога и др., 2023, с. 31].

Что касается повторного анализа костей с памятника Тентексор I, то помимо костей кулана (40 особей), сайги (9 особей), тура (4 особи) и тарпана (2 особи), была определена одна кость овцы (табл. 14). Однако радиоуглеродное датирование на АМС непосредственно этой кости не подтвердило ее принадлежность к основному комплексу стоянки. Полученное значение 3555 ВС оказалось моложе тентексорских древностей на 2000 лет [Выборнов и др., 2019, с.361-362].

На всех стоянках, за исключением Тентексора I, определены кости собаки, которая и является единственным одомашненным животным на всех известных, на сегодняшний день, памятниках неолита Северного Прикаспия.

Повторному анализу были подвергнуты коллекции и более поздних памятников. Так, на стоянке Курпеже-Молла были определены кости сайги (5 особей), кулана (5 особей), тарпана (1 особь), благородного оленя (2

особи), а также 120 костей от восьми особей овцы (табл. 17).

Так же были исследованы фаунистические останки хвалынских памятников Кара-Худук, Каир-Шак VI и Комбак-Тэ. На всех трех стоянках большинство костей принадлежало овце. На Каир-Шаке VI и Кара-Худуке определено 24 и 10 особей овцы соответственно. А также по 2 особи КРС. Наибольшее количество особей овцы выделено на стоянке Комбак-Тэ – 47, костей КРС на данном памятнике не обнаружено. Остальные кости животных принадлежат кулану, сайге, тарпану и благородному оленю (табл. 17) [Выборнов и др., 2019, с.361-362].

Повторному анализу была подвергнута остеологическая коллекция Варфоломеевской стоянки степного Поволжья. На памятнике преобладают кости тарпана (21 особь), кулана (19 особей), сайги (17 особей) и тура (11 особей). Так же представлены останки кабана, волка, благородного оленя. За исключением собаки (5 особей) останков домашних животных обнаружено не было. Однако авторы отмечают, что, несмотря на представительную выборку, оказавшуюся в их распоряжении (3000 экз.), это не вся коллекция памятника [Гасилин и др., 2008, с. 27, табл. 1]. Если считать факт наличия одной кости овцы в слое 2А достоверным, то нельзя исключать попадание этой кости в слой из вышележащего энеолитического культурного пласта. В этой ситуации уместно напомнить, что в верхнем слое (в котором обнаружена воротничковая керамика) было найдено несколько костей домашней овцы [Юдин, 2003, с. 93].

Одним из аргументов одомашненности лошади на Варфоломеевской стоянке являлось наличие на голове самой крупной скульптурки глубоких пропилов с обеих сторон. В том числе и два длинных по шее, и по одному глубокому пропилу по крупу. Эти элементы интерпретировались как уздечка [Юдин, 2003, с. 95]. Однако, на наш взгляд, они скорее схематично очерчивают мускулатуру лошади. А сам факт наличия фигурок лошадей может объясняться значительной ролью лошади в качестве промыслового животного [Дога, Гилязов, 2023, с. 69].

На стоянке Джангар определены кости сайги (103 особи), кулана (28 особей), тарпана (21 особь) тура (9 особей) и др (табл. 14). В связи с наличием на памятнике артефактов, относящихся ко времени энеолита нельзя исключать, что кости ранее определенных домашних животных связаны именно с энеолитическими материалами. В качестве еще одного аргумента в пользу domestikации животных на памятнике П.М. Кольцов приводит факт послойной трансформации остеологического материала, когда количество животных относящихся к domestikцированным видам увеличивается, а доля промысловых уменьшается [Кольцов, 2005, с. 233]. Здесь уместно привести мнение Х.А. Амирханова о том, что специализация присваивающего хозяйства далеко не главная сторона целого комплекса социальных и биологических предпосылок перехода к производящей экономике. В качестве примера автор приводит стоянку Староселье в Крыму, где 98,4 % животных приходится на один вид – дикого осла, что не свидетельствует о том, что мустьерские обитатели Крыма были близки к его одомашниванию [Амирханов, 1987, с. 163].

Кроме того, версию П.М. Кольцова опровергают данные с Варфоломеевской стоянки. Количество особей лошади от нижнего слоя к верхнему сокращается с 20 до 4, а тура с 13 до 4 [Юдин, 2004, с. 195, табл. 17]. Такая же ситуация характерна и для орловского слоя стоянки Алгай. Так же, необходимо отметить, что повторный анализ фаунистических останков памятника Джангар домашних особей не выявил [Выборнов и др., 2019, с. 361, табл.1].

В поздненеолитическом слое стоянки Алгай преобладают кости тура и сайги. Так же представлены кости кулана, тарпана и собаки (табл. 14).

Таким образом, на сегодняшний день нет веских оснований предполагать, что производящее хозяйство в Нижнем Поволжье появляется в период неолита.

Факт наличия domestikцированных животных у населения прикаспийской культуры отмечал ее первооткрыватель А.Н. Мелентьев

[Мелентьев, 1980, с. 12]. Однако описанный как прикаспийский комплекс стоянка Шошак содержит керамику, сходную с катакомбной посудой бронзового века [Мелентьев, 1976, с. 13–14]. Поэтому в тот момент не доставало однослойных стоянок, чтобы сделать аргументированные выводы.

Говоря о скотоводческой направленности самарской и хвалынской культур, И.Б. Васильев не исключал наличия домашних животных и у их южных соседей – прикаспийцев [Васильев, 1980, с.67-68]. Выше я приводила точку зрения В.И. Пестриковой и Д.С. Агапова о том, что роль скотоводства у носителей самарской культуры весьма преувеличена. Этот вывод на тот момент был приемлем и для нижеволжских древностей.

П.П. Барынкин высказывался о том, что появление производящего хозяйства в Северном Прикаспии связано с культурами воротничковой керамики и хвалынской. Приводя в аргументацию то, что остеологические комплексы памятников энеолита по набору костей отличны от неолитических - наряду с остатками диких животных в них содержатся кости животных domesticated комплекса [Барынкин, 1992, с. 24]. Анализируя определения костей животных неолитических памятников Нижнего Поволжья, к выводу о присваивающем характере хозяйстве неолитического населения региона приходит и Е.В. Козин [Козин, 2004, с. 222]. Позднее А.И. Юдин так же стал склоняться к версии о появлении производящего хозяйства в степном Поволжье в период энеолита [Юдин, 2017, с. 29].

Как уже отмечалось выше, при повторном анализе имеющихся остеологических коллекций кости овцы были определены в материалах стоянки прикаспийской культуры Курпеже-Молла. Однако наличие на памятнике хвалынских и более поздних материалов не позволило связывать кости овцы только с прикаспийским населением. Возможно, что этим и объясняется большое количество костей домашней овцы.

Иначе говоря, на сегодняшний день, имеются только два памятника, которые могут служить надежным источником для рассматриваемого

вопроса – Орошаемое и Алгай в степном Поволжье. Как уже упоминалось выше, на данных стоянках кости овцы были зафиксированы в гомогенных слоях прикаспийской культуры. Всего, на сегодняшний день, в прикаспийском слое стоянки Орошаемое обнаружено 28 костей овцы от восьми особей (табл. 17). В прикаспийских пластах Алгая зафиксировано 3 кости овцы (табл. 18). Принадлежность этих костей к прикаспийскому комплексу бесспорна. Во-первых, кости залегали в гомогенном слое прикаспийской культуры, отделенном от нижележащего орловского и вышележащего хвалынского мощными стерильными прослойками, а во-вторых, дата, полученная на АМС – 4800 лет ВС полностью соответствует датировкам прикаспийских комплексов стоянок Орошаемое и Кумыска [Выборнов и др., 2022, с. 11].

На стоянке Орошаемое представлено по 4 особи сайги и тура, 3 особи тарпана и 1 особь кулана. В прикаспийских слоях стоянки Алгай так же большинство костей принадлежит сайге, туру, тарпану и кулану.

Анализ фаунистических останков из поздненеолитических памятников Нижнего Поволжья показал, что основными промысловыми животными этого периода являлись тур и кулан. Только на стоянке Приозерная тур, кулан и сайга представлены примерно одинаковым количеством особей. К сожалению, мы не обладаем данными по количеству особей для слоя позднего неолита на стоянке Алгай. В связи с этим говорить о преобладании того или иного вида, на сегодняшний день, затруднительно. Однако среди определенных особей по материалам раскопа 2022 года преобладает тур.

В прикаспийское время основным промысловым животным становится сайга, роль тура и кулана снижается. Наибольшее количество особей на стоянке Курпеже-Молла принадлежит домашнему виду – овце.

На поселенческих памятниках хвалынской культуры доля промысловых животных резко уменьшается. Подавляющее количество костей животных принадлежит овце. Что касается останков собаки, то они определены практически на всех неолитических памятниках Нижнего

Поволжья. Исключением является только стоянка Тентексор. В слоях прикаспийской культуры кости собаки отсутствуют. Встречены они лишь на одном хвалынском памятнике - Каиршак VI. Наибольшее количество особей (5) определено на Варфоломеевской стоянке.

По данным И.Е. Кузьминой голоценовые куланы значительно превосходили по размеру современных, обитающих на юге Туркмении. Неолитического кулана из Северного Прикаспия автор относил к подвиду казахстанского кулана, обитавшего в степях северного Казахстана, Западной Сибири и ныне вымершего. В голоцене ареал его обитания был обширен. Анализ костей лошадей показал, что голоценовая лошадь Северного Прикаспия по величине тела и пропорциям была ближе или идентична уральской позднеплейстоценовой лошади и заметно отличалась от тарпана или лошади Пржевальского. Останки сайги из североприкаспийских памятников оказались близки по размерам костям сайги из мезолитического поселения Мирное на Украине и позднеплейстоценовым остаткам сайги Северного Урала [Кузьмина, 1988, с. 177–181].

По костным останкам Варфоломеевской стоянки установлено, что вековая изменчивость размеров некоторых костей тарпана и сайги имела флуктуирующий характер - к середине атлантического периода размеры увеличились (тарпан) или уменьшились (сайга), а к концу периода вернулись к прежним значениям. Изменчивость кулана и тура имела направленный характер - их размеры уменьшились. Анализ географической изменчивости размеров костей тарпана показал, что в среднем голоцене в степном Поволжье обитала крупная форма, которая в историческое время дала подвид *Equus gmelini gmelini* Antonius. Среднеголоценовый тур степного Поволжья имел меньшие размеры по сравнению со среднеголоценовым туром лесной зоны Восточной Европы и, вероятно, относился к особому, степному, подвиду [Гасилин и др., 2008, с.95].

Снижение промысловой роли таких животных как тур и кулан в прикаспийское и хвалынское время может быть обусловлено несколькими

факторами. По данным палинологии и геохимии период позднего неолита характеризуется самой благоприятной климатической обстановкой в регионе. Затем происходит аридизация, которая и могла привести к сокращению популяции крупных животных. У прикаспийского населения впервые фиксируются признаки овцеводства, которое предполагает подвижный образ жизни. В пользу не долговременности прикаспийских стоянок говорит отсутствие жилищ и небольшое количество сосудов. Возможно, у прикаспийского населения не было необходимости в разовой добыче большого количества мяса, в силу постоянного перемещения и отсутствия возможности его хранения.

Ориентированность хвалынского населения на производящее хозяйство очевидна. Его развитие обуславливается значительным увеличением овцы и появлением КРС. Однако охота на диких животных все еще имеет место.

Примечательно, что на всех стоянках неолита-энеолита Нижнего Поволжья, за исключением Орошаемого, представлены кости благородного оленя. Количество особей рознится от одной до шести. Ареал этого вида довольно широк. Он встречается на всей территории Восточной Европы, Кавказе, Закавказье, на юге Восточной Сибири и во многих других районах мира. Благородный олень предпочитает широколиственные, субтропические и таёжные леса, берега рек и горные альпийские луга. Обитание этого животного в Нижнем Поволжье свидетельствует о возможном наличии широколиственных деревьев по берегам рек в степном Поволжье (очевидно вдоль Узень) и вокруг пресноводных озер в Северном Прикаспии.

Прочное установление производящего хозяйства в Нижнем Поволжье связывалось с населением хвалынской культуры. Делалось это, в первую очередь, на основании большого количество костей домашних животных в материалах Хвалынских могильников. Кроме того, отдельно оговаривалась и большая роль одомашненной лошади у хвалынского населения. В качестве аргументации приводился тезис Д.Я. Телегина о коневодческой направленности среднестоговской культуры [Васильев, 1980, с. 69]. В силу

объединения хвалынцев и среднестоговцев в единую хвалынско-среднестоговскую культурно-историческую область это представлялось вполне закономерным. Однако, по мнению О.Г. Богаткиной, делать выводы о преобладании домашних животных в хвалынском стаде по материалам могильника нельзя, ввиду неравнозначности понятий скота как источника питания, и скота как жертвенного животного [Богаткина, 2010, с. 402]. Что касается коневодства, то, согласно новейшим исследованиям, домашняя лошадь появляется в Волго-Уральском междуречье только в период раннего бронзового века [Librado et al, 2021].

В этой связи более надежным источником являются материалы поселенческих памятников Северного Прикаспия. Исходя из представленного выше анализа фаунистических коллекций, наличие у хвалынского населения не только овцы, но КРС не вызывает сомнений. Надежность памятников Кара-Худук и Каиршак VI, как источников, определяется их однослойностью и гомогенностью комплексов. Что касается стоянки Комбакте, то при анализе коллекции были выявлены артефакты более позднего времени, включая эпоху бронзы [Выборнов и др., 2016, с. 92]. Поэтому нельзя исключать, что столь значительное количество костей овцы может объясняться не развитием овцеводства, а их отношением к разным культурно - хронологическим комплексам.

Для комплексного анализа материалов и получения максимально достоверных данных были привлечены и биохимические методы. Выводы о рационе питания людей можно сделать, узнав соотношение остатков жирных кислот, оставшихся на поверхности и порах образцов керамики, используемой в том или ином поселении для приготовления и хранения пищи. В. И. Платоновым был проведен липидный анализ методом газовой хроматографии с пламенно-ионизационным детектированием нагара с фрагментов неолитической керамики стоянок Каиршак III, Байбек, Тентексор, Джангар, Варфоломеевская, Алгай и Приозерная, а также прикаспийской керамики стоянки Орошаемое и хвалынской керамики

стоянки Каиршак VI. Во всех образцах с неолитических памятников содержалась пища либо животного, либо растительного происхождения. Из четырех проанализированных фрагментов керамики стоянки Каиршак VI на трех выявлены признаки молочных продуктов животного происхождения. Эти же признаки, что особо важно, были зафиксированы на двух фрагментах прикаспийской керамики стоянки Орошаемое [Выборнов и др., 2019, с. 361–365].

Таким образом, первые признаки производящего хозяйства в Нижнем Поволжье фиксируются у населения прикаспийской культуры. Его дальнейшее развитие, а также появление КРС, связано с хвалынской культурой. Непосредственное датирование костей домашних животных дает нам представление о хронологии этих процессов. По кости овцы с прикаспийского слоя стоянки Орошаемое степного Поволжья получена дата 5806 ВР. Если предположить, что часть костей овцы на памятниках Курпеже-Молла и Комбак-Тэ принадлежат все же прикаспийскому комплексу, то появление первых domesticiрованных животных в Северном Прикаспии можно отнести к периоду 6100 ВР.

По кости овцы со стоянки Кара-Худук было получено значение - 4854 ВС, а по кости КРС - 4900 ВС. Так же, на АМС была продатирована еще одна кость овцы со стоянки Каиршак VI - 4452 ВС. Валидность представленных дат подтверждена аналогичными значениями по другим материалам.

Иначе говоря, на сегодняшний день, достоверно можно констатировать появление первых признаков производящего хозяйства на территории Нижнего Поволжья в первой четверти V тыс. до н.э [Doga et al., 2020, p. 306–307].

Учитывая то, что на территории Нижнего Поволжья отсутствуют дикие формы овцы, необходимо проанализировать возможные варианты появления производящего хозяйства в интересуемом регионе.

5.2. Происхождение производящего хозяйства в Нижнем Поволжье

Несмотря на определенное смещение в хронологическом плане, вопрос истоков производящего хозяйства в регионе остается открытым. Первым домашним животным после собаки в Нижнем Поволжье стала овца. Конкретное место одомашнивания овец указать довольно трудно, но наиболее вероятные территории приручения овец — Европа, Северная Африка и Передняя Азия.

Считается, что домашние овцы произошли от двух групп диких овец: муфлонов и аргали. Муфлоны имеют две разновидности — горную и степную. Горный муфлон обитал на юге Европы, островах Средиземноморья, в Закавказье, Средней Азии. В настоящее время он встречается в горах Сицилии, Корсики, Кипра, Ирана, Казахстана и среднеазиатских стран.

Ближайшими родичами домашних коз, являются безоаровые козы, обитающие и сейчас в горах Турции, Южного Кавказа и Афганистана. Овцы и козы - два близких, но самостоятельных рода парнокопытных животных. Предполагается, что козы одомашнены раньше овец - за 8–9 тысяч лет до н.э., так как при археологических раскопках древних стоянок находят только кости коз, или кости коз и овец вместе.

Рассматривая проблему становления производящего хозяйства, а в частности появления овцы в Нижнем Поволжье, необходимо обратиться к вопросу источников домашних животных в регионе. Был ли этот процесс автохтонным или же влияние населения с других территорий. Охотники и рыболовы Европы достигли относительно высокого уровня развития, достаточного для перехода к производящему хозяйству. В начале голоцена из диких предков домашних животных почти по всей Европе распространились туры и кабаны. Иначе говоря, в регионе имелись некоторые природные предпосылки для самостоятельного местного становления производящего хозяйства. И это дает основание некоторым исследователям считать, что, по крайней мере, в Южной Европе процесс становления земледелия и

скотоводства был связан с деятельностью местных обитателей. Но эта гипотеза требует дополнительной аргументации. Единственное животное, которое, несомненно, было одомашнено в Европе самостоятельно еще в мезолите — это волк. В начале голоцена домашние собаки имелись у охотников и собирателей практически повсюду. Территория Нижнего Поволжья не была исключением. Как уже говорилось выше, останки домашней собаки были найдены практически на всех неолитических памятниках региона. По костным останкам со стоянки Орошаемое можно сделать вывод, что первым domesticiрованным животным региона (после собаки) была овца. Однако в Поволжье не водится овца в диком виде, и версия о местном одомашнивании заведомо не жизнеспособна.

На сегодняшний день существует несколько теорий относительно истоков появления домашних животных. В.А. Шнирельман связывает становление земледельческо-скотоводческого образа жизни с появлением комплексного хозяйства в Греции и на Балканах, где в его формировании определенную роль сыграли контакты с малоазиатскими обитателями. По мнению автора, наличие таких контактов трудно отрицать. Благодаря им в ранне неолитической Юго-Восточной Европе появились культурный эммер, некоторые искусственно выведенные в Передней Азии разновидности пшеницы и ячменя, а также одомашненные овцы и козы. Проникновение производящего хозяйства в южные и юго-западные области Европы связывались с культурой керамики импрессо (кардиум). Позднее появились данные о том, что формирование производящего хозяйства началось здесь до появления этой культуры. Подтверждением этого являются находки костей одомашненных овец и коз на некоторых поздне мезолитических памятниках Южной Франции и в ряде других районов. Отдельные авторы полагают, что в Южной Франции или на соседних островах охотники и собиратели самостоятельно одомашнили овец задолго до появления здесь земледелия. По мнению других исследователей овцы, могли попасть в Западное Средиземноморье с востока в результате взаимодействия местного

мезолитического населения с земледельческо-скотоводческими обществами. Останки овцы были обнаружены не только в Южной Франции, но и в других прибрежных районах. В пещере Бенусси, на некоторых стоянках Валенсии и т.д. в докерамических слоях были обнаружены кости овцы [Шнирельман, 1989, с.171].

Что касается степной и лесостепной европейской части бывшего СССР, то тут, по мнению некоторых исследователей, главную роль сыграли местные позднемезолитические и ранненеолитические группы. А они, в свою очередь заимствовали эти навыки у своих соседей.

Наметилось три варианта источников заимствования производящей формы хозяйства: Средняя Азия, Балкано-Карпатский регион, Кавказ [Дога, 2018, с. 475].

В пользу импульса с территории Средней Азии высказывался В. Н. Даниленко. Он отводил определяющую роль в развитии домашнего хозяйства Восточной Европы конца V – начала IV тыс. до н.э. кельтеминарской и заманбабинской культурам [Даниленко, 1969].

Обширная зона пустынных равнин Средней Азии, территория распространения памятников кельтеминарской культурной общности и ряда более или менее близких ей культур, рассматривается, обычно, как область, где процесс перехода к производящей экономике, начавшийся в конце мезолита или раннем неолите и завершившийся во II тысячелетии господством комплексного производящего хозяйства, протекал особым путем, через исключительное или преимущественное развитие скотоводства [Массон, 1966, с.132]. В пользу версии о наличии домашних животных в мезолите говорят материалы пещеры Мачай в Южном Узбекистане. Там были обнаружены останки домашних животных: мелкого и крупного рогатого скота, свиньи, верблюда, а также домашней птицы [Крижевская, 1972, с.271-279]. Однако в культурных отложениях пещеры были найдены обломки грубой толстостенной керамики, которая, несомненно, относится к более позднему времени. Возможно, кости домашних животных связаны

именно с этим комплексом.

Лишь у неолитических, племен низовьев Зеравшана, как предполагает Г. Ф. Коробкова, у истоков этого процесса, возможно, было сельскохозяйственное направление и лишь позднее появилось скотоводство [Коробкова, 1977, с. 109–112].

В этой связи наибольший интерес вызвали проанализированные В. И. Цалкиным материалы грота Дам-Дам-Чешме II и пещеры Джебел, которые обычно рассматриваются как несомненные свидетельства появления скотоводства в Средней Азии [Виноградов, 1979, с. 30–60]. Данные с этих стоянок прямо или косвенно легли в основу имеющихся представлений о характере развития хозяйства неолитических племен Средней Азии. Относительно производящего хозяйства у кельтеминарцев сложилось две версии. Согласно первой из них, здесь на протяжении всего неолита господствовали присваивающие формы хозяйства и лишь на заключительном его этапе (очевидно, в III или в конце III тысячелетия до н. э.) впервые появляются элементы производящей экономики [Бижанов, 1978, с. 18–78]. Согласно другой точки зрения, кельтеминарцы и другие родственные им племена, уже на раннем этапе были знакомы со скотоводством, а в конце неолита перешли к производящему хозяйству [Виноградов и др., 1973, с. 86–88].

Начало «неолитической революции», в этом случае, отнесено к ранней фазе кельтеминара. А.В. Виноградов выдвигал версию о том, что благодаря кельтеминарскому импульсу производящее хозяйство распространилось на запад, в том числе и на территорию Северного Прикаспия [Виноградов, 1981]. Эта точка зрения представляется вполне справедливой. На основании схожих традиций в орнаментации керамики и наличии наконечников стрел с выемкой сформировалась версия о сосуществовании кельтеминарской и ссероглазовской традиций [Брюне, 2014, с. 58]. Справедливости ради, следует отметить, что А.В. Виноградов указывал на неоднозначность данного вопроса и кости КРС, скорее всего, следует относить к дикому туру. К тому

же, представленный выше анализ показал отсутствие домашних животных на неолитических памятниках Северного Прикаспия не только раннего, но и позднего периода.

В ряде работ материалы из третьего (а иногда из четвертого и третьего) слоев Джебела рассматриваются как бесспорные свидетельства наличия скотоводства [Матюшин, 1976, с. 162]. В 3 слое обнаружен венчик воротничкового типа. Это вполне согласуется и с двумя датами из этого слоя: 6020 и 6140 лет ВР. Что касается более нижних слоев, то В.И. Цалкин, определивший фаунистический материал из пещеры, отмечал, что крайне плохая сохранность костей не дает возможности судить о том, к диким или домашним формам принадлежат найденные здесь останки овец и коз [Макаров, 1961, с. 72].

Еще одним памятником с наличием костей домашних животных стала стоянка Аякагитма. Там появление domesticiрованных животных было отнесено к VII–VI тыс до н.э [Брюне, 2014, с. 51]. На памятнике в слоях 5 и 4, относящихся к раннему и развитому неолиту, определены кости КРС, козы, овцы и свиньи. Эти слои датируются интервалом от 7200 до 6600 лет ВР. Анализируя общее распределение костей диких и домашних животных, настораживает то обстоятельство, что процент домашних видов не увеличивается, а уменьшается. КРС представлен в нижнем слое 139 костями, вышележащем уже 24, а в более верхнем всего 12. Сходная картина и с распределением костей овцы/козы. Не исключено, что кости КРС могут относиться к туру. При всем доверии к результатам определений все же остается открытым вопрос и о домашней свинье. Здесь уместно отметить, что на Аякагитме кроме неолитических находок обнаружены и артефакты более позднего времени.

Таким образом, вопрос о наличии домашнего скота у мезолитического и неолитического населения Средней Азии является спорным. По справедливому мнению, А.В. Виноградова появление домашних животных, скорее всего, может быть связано с новой волной освоения равнин Средней

Азии с юга, имевшей место в самом конце мезолита и на рубеже мезолита и неолита (не ранее VIII—VII тысячелетий до н. э.). Дам-Дам-Чешме является пока единственным неолитическим памятником пустынной зоны с бесспорно зафиксированным наличием останков домашних животных в неолитическую эпоху. Можно лишь предположительно говорить об этом применительно к Джебелу. Так же, исследователь отмечает, что во всех случаях речь идет лишь о мелком рогатом скоте. Наличие крупного рогатого скота у неолитического населения этой зоны нельзя считать доказанными. Единственные для каменного века достоверные свидетельства этого относятся к джейтунской культуре [Виноградов, 1981, с.139].

Все это пока не дает надежных оснований избрать территорию Восточного Закаспия и Средней Азии как единственную в плане появления скотоводства в Северном Прикаспии. Необходимо прорабатывать и иные варианты: кавказский или балканский.

По мнению В.А. Шнирельмана на юге Восточной Европы сложилось три основных системы раннего скотоводства:

1. разведение крупного и мелкого рогатого скота и свиней в зоне от Северного Приазовья и Калмыкии до излучины Днепра;
2. разведение крупного и мелкого рогатого в степном Крыму и Волго-Уральской лесостепи;
3. разведение крупного рогатого скота и свиней в лесной и лесостепной зонах Буго-Днестровского междуречья.

Установлено, что становление производящего хозяйства в последнем ареале происходило в условиях тесных контактов с балкано-карпатскими культурами [Шнирельман, 1990, с.86]. Буго-днестровская культура считается одной из древнейших знакомых с земледелием и скотоводством. Она распространялась в междуречье Днестра и Южного Буга. Однако в составе фаунистического комплекса буго-днестровской культуры кости домашних животных представлены только быком, свиньей и собакой. В целом, они редко превышают 5 % от всего комплекса. Это объясняется исключительно

благоприятными условиями для охоты. Представляется, что буго-днестровцы не стремились перейти к новому типу хозяйства, так как не имели в этом необходимости.

Что касается первых двух систем, то и они, несомненно, складывались под внешним влиянием, но наличие на этих территориях мелкого рогатого скота указывает на то, что влияние это шло не с запада. Перспективным представляется поиск источников внешнего влияния в кавказском регионе. Комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство на Кавказе сложилось, по меньшей мере, к началу VI тыс. до н.э. Древнейшие домашние животные были представлены козами и овцами, а крупный рогатый скот и свиньи появились позднее [Шнирельман, 1990, с. 86]. Однако в более ранней фундаментальной работе В.А. Шнирельмана о происхождении скотоводства этот аспект представляется не совсем однозначным.

Единственным памятником, расположенным к северу от Южного Кавказа, где в неолите надежно зафиксированы кости домашних животных (мелкого и крупного рогатого скота и свиней), является Каменноостская пещера. Однако ее материалы допускают различную интерпретацию. Если Р. М. Мунчаев синхронизирует их с памятниками позднего неолита Западного Закавказья и считает возможным говорить о распространении скотоводства у поздненеолитического населения Кавказского Причерноморья, то А.А. Формозов допускает вероятность синхронизации неолитического слоя на этом памятнике энеолиту Южного Кавказа. Тем самым, не исключая возможности заимствования скота с юга [Шнирельман, 1980, с. 69-70]. Так же автор отмечает, что становление скотоводства в Северном Прикаспии происходит в условиях тесных контактов с кавказскими обитателями. В качестве аргумента приводится стоянка Джангар и обнаруженные на ней кости крупного и мелкого рогатого скота, а также свиньи [Шнирельман, 1990, с. 86]. Однако факт наличия domesticiрованных животных в неолитических слоях Джангара не установлен.

Представленные данные были дополнены материалами с Чохского

поселения, расположенного на территории Восточного Кавказа. Там были обнаружены кости домашней овцы и кости коровы, представленные единично. В этой связи Х.А. Амирханов не исключает их механического попадания в неолитический слой из вышележащего, более позднего, горизонта. В качестве аргумента в пользу того, что кости домашней овцы происходят именно из неолитического слоя, приводится их количественное преобладание [Амирханов, 1987, с. 154]. Однако конкретные цифры не указываются.

Таким образом, концепция Н.Н. Чередниченко о движении производящего хозяйства по пути Кавказ - Северо-Западный Прикаспий, основанная, в первую очередь, на материалах стоянок Чох и Джангар [Чериднеченко, 1990, с. 82] может быть поставлена под сомнение.

По мнению Н.С. Котовой на территории Украины первые домашние животные появились еще в докерамический период и датируются примерно 7500 лет ВР. Население западного Приазовья в это время разводило крупный и мелкий рогатый скот, лошадей и собак. Это наиболее ранние находки костей домашних животных на территории Восточной Европы [Котова, 2002, с. 54]. Эта теория подверглась развернутой критике со стороны Д.Л. Гаскевича. Одним из аргументов автора является тот факт, что изданные в 1956 г. результаты определений И. Г. Пидопличко содержат суммарные данные о фаунистических находках их 6 нижних культурных слоев. Сопоставление этих слоев с геологическими горизонтами, из которых позже были отобраны пробы для радиоуглеродного датирования, показало, что в них залегали материалы второй четверти VIII — первой четверти V тыс. cal. BC. Следовательно, публикация И. Г. Пидопличко не может приводиться для обоснования рассматриваемой концепции. Кроме того, утверждение В. Н. Даниленко, что И. Г. Пидопличко определил следы domestikации на костях животных из самых нижних слоев Каменной Могины I документально не подтверждено [Гаскевич, 2012, с. 17].

Так же наличие domestikцированных животных, а в частности мелкого

рогатого скота, фиксируется у населения сурской, буго-днестровской, донецкой, нижнедонской и азово-днепровской культур. По Н.С. Котовой эти культуры образуют вторую группу населения с вкладом животноводства в обеспечении мясом. В данном случае роль животноводства колебалась в зависимости от природно-климатических условий обитания. В степи, особенно в периоды аридизации, он возрастал, в лесостепи, а также в степи периоды увлажнения и распространения лесов по долинам рек, когда было много разнообразных диких животных, возрастала роль охоты. Невозможность заимствования овцы у балкано-карпатских культур, говорит о взаимодействии неолитического населения Украины с восточными соседями - обитателями северного Приазовья и Предкавказья [Котова, 2002, с. 60]. Напомним, что самые ранние находки овцы в Нижнем Поволжье связаны с носителями прикаспийской культуры. А учитывая тот факт, что местное неолитическое население не было знакомо с производящим хозяйством, очевидно заимствование. Опираясь на концепцию о том, что прикаспийская культура сформировалась, в Северном Прикаспии, на основе местного поздненеолитического населения под влиянием азово-днепровской и нижнедонской культур, можно предположить, что домашняя овца пришла в регион именно с этим населением.

В свете доказанности отсутствия домашних животных у неолитического населения Нижнего Поволжья мы можем исключить появление производящего хозяйства в регионе благодаря их контактам с кельтеминарскими и кавказскими племенами. Первое домашнее животное в регионе появляется вместе с носителями воротничковой керамики, орнаментированной гребенчатым штампом и кварцитовых орудий труда. Дальнейшее развитие скотоводства в регионе связано с носителями хвалынской культуры. Появление в их комплексах КРС может объясняться влиянием и контактами с балканским металлургическим центром.

Заключение

Историографический обзор представлений об энеолите Нижнего Поволжья показал дискуссионность ряда концепций и точек зрения относительно формирования и развития культур региона. Так, большинство исследователей придерживаются трехступенчатой модели энеолита в Нижнем Поволжье, где к первому периоду относится прикаспийская культура, ко второму хвалынская, а к третьему памятники алексеевского, алтатинского и репинского типов. С появлением новых стоянок в степном Поволжье и осмыслением имеющихся материалов была обоснована двухэтапная модель энеолита, где большинство культур формировались и развивались параллельно. Кроме того, появились точки зрения, согласно которым прикаспийская культура относилась к периоду неолита, к особому нео-энеолитическому этапу или вообще не выделялась в отдельную культуру. Господствующей стала концепция об автохтонном генезисе прикаспийцев на основе неолитической орловской культуры при влиянии лесостепных племен.

Поэтому на повестке дня был актуальный вопрос не столько о содержательных компонентах энеолита, сколько о причинах и механизмах процесса перехода от позднекаменного века к эпохе раннего металла. Иначе говоря, акцент исследования был смещен на характеристику процесса, который допустимо обозначить как энеолитизация.

Обозначенные противоречия были вызваны, в первую очередь, качеством источников. Несмотря на их достаточно большое количество, подавляющая часть памятников были смешанными (степное Поволжье), либо вообще не имели культурного слоя (Северный Прикаспий).

Исследование в степном Поволжье гомогенных слоев прикаспийской и хвалынской культур, а также обращение к уже имеющимся материалам с позиции новых методов, позволило прояснить ряд вопросов.

Конкретизированы различия между прикаспийскими древностями и неолитическими материалами. Прикаспийская керамика изготовлена из

илистых глин с примесью дробленой раковины, имеет воротничковое оформление венчика и орнаментацию гребенчатым и зубчатым штампами. Каменная индустрия прикаспийцев характеризуется такими признаками как: преобладание кварцитового сырья, использование техники усиленного отжима, пластинчатость, увеличение размеров орудий и двусторонняя обработка. Это значительно отличается от каменных комплексов предыдущего неолитического этапа. В гомогенных слоях прикаспийской культуры на стоянках Алгай и Орошаемое обнаружены кости домашних овцы и козы, что свидетельствует о наличии у прикаспийцев производящего хозяйства.

Можно сделать вывод, что у прикаспийского населения фиксируется ряд инноваций, которые не могли сформироваться на местной неолитической основе. Наряду с этим в Северном Прикаспии выделяется посуда синкретичного тентексорско-прикаспийского типа (сочетания воротничок + наколы, гребенчатый штамп + наколы; поздненеолитические сосуды с меандрами), что свидетельствует об определенных контактах поздненеолитического и прикаспийского населения на территории Северного Прикаспия.

Широкое датирование прикаспийских древностей позволило определить рамки бытования этой культуры в Северном Прикаспии интервалом - 5500–5100 лет ВС, а в степном Поволжье - 4900–4800 лет ВС. Эти значения противоречат гипотезе сложения прикаспийской культуры в Степном Поволжье.

Более вероятен вариант формирования прикаспийской культуры на территории Северного Прикаспия благодаря взаимодействию тентексорского населения с группами нижнедонской и азово-днепровской культур. В пользу этого свидетельствует более раннее появление у последних таких характеристик как техника усиленного отжима, гребенчатый штамп, воротничковое оформление венчика и domesticiрованные животные. Этот процесс можно отнести к 5500 лет ВС. Таким образом, прослеживается

процесс сочетания автохтонности и миграционных импульсов.

Стратиграфические данные с памятников степного Поволжья, а также нестыковка радиоуглеродных дат орловских и прикаспийских древностей не позволяют говорить о сосуществовании прикаспийского и орловского населения в регионе. Формирование прикаспийской культуры на основе орловской так же вызывает сомнения в силу большого количества отличных черт прикаспийских древностей. В этой связи, переходный неолитический период характерен для Северного Прикаспия, нежели для степного Поволжья.

Появление в степном Поволжье племен прикаспийской культуры, очевидно, связано с климатическими процессами. По данным со стоянок Алгай и Орошаемое стерильная прослойка между орловскими и прикаспийскими культурными слоями маркирует максимальную аридизацию климата в регионе в 5050 лет ВС. Наиболее ранние даты прикаспийских артефактов относятся к 4900 лет ВС. В этот период условия становятся более прохладными и влажными. Однако основной массив дат тяготеет к 4800 лет ВС, не случайно большая часть находок приурочена к верхней части культурного слоя. Этот период определяется как климатический максимум голоцена. Условия становятся теплыми и влажными. Уместно добавить, что именно с аридизацией, начавшейся в 5100 лет ВС может быть связано затухание орловской культуры.

Не менее сложным является вопрос происхождения хвалынской культуры. На сегодняшний день, выделяется, как минимум, три гипотезы. Первая обосновывает ее автохтонность и развитие на базе прикаспийской и самарской культур мариупольской КИО. Вторая связывает происхождение хвалынской культуры с балкано-карпатским регионом. И третья группа исследователей выводит хвалынцев с территорий Восточного Прикаспия.

Не претендуя на решение проблемы происхождения хвалынской культуры, в данной работе, все же отметим большую роль прикаспийского населения в ее формировании. Общим у прикаспийцев и хвалынцев является

техника обработки камня и набор основных типов орудий. К тому же, в Северном Прикаспии обнаружена посуда, сочетающая прикаспийские и хвалынские черты. Что касается хронологического аспекта, то самые ранние даты по материалам энеолитической хвалынской культуры в Северном Прикаспии (порядка 5000 ВС) стыкуются со значениями прикаспийских древностей этого же региона. Важно отметить, что в степном Поволжье такой стыковки не фиксируется.

Период бытования хвалынской культуры в Нижнем Поволжье определяется интервалом 4900–4200 лет ВС. Наиболее ранние даты получены по материалам поселенческих памятников Северного Прикаспия. В степном Поволжье она появляется не ранее 4700 лет ВС. Напрашивается вывод, что прикаспийская культура имеет хронологический приоритет над хвалынской. Это подтверждается и стратиграфией стоянок Алгай, Орошаемое и Кумыска.

Поселенческая посуда хвалынской культуры отличается по форме венчиков от воротничковой прикаспийской. В ее орнаментации сохраняется зубчатый штамп, но доминирующей становится техника нанесения узора в виде отпечатков плетенных фактур. Каменная индустрия характеризуется сочетанием кремня и кварцита, микро- и макропластинчатостью, широким использованием техники двусторонней обработки.

После благоприятных климатических условий в прикаспийское время, в степном Поволжье вновь наступает кратковременный период аридизации. Именно после его окончания (4700 лет ВС) на стоянке Орошаемое появляется хвалынское население.

Заключительный этап энеолита в Нижнем Поволжье, по-видимому, связан с алтатинским и алексеевскими типами. Однако отсутствие, на сегодняшний день, надежных источников не позволяет разработать этот вопрос. Не ясными остаются хронологические и культурные позиции этих материалов.

Анализ практически всех имеющихся на сегодняшний день

остеологических коллекций памятников неолита-энеолита Нижнего Поволжья показал отсутствие domesticированных животных у неолитического населения региона. Что исключает их появление благодаря контактам со среднеазиатскими и кавказскими племенами. Первые домашние животные (овца) фиксируются у прикаспийцев. Если исходить из правомерности версии о формировании прикаспийцев при участии нижнедонской и азово-днепровской культур, то овца в Нижнем Поволжье могла появиться именно с этими племенами. Однако следует отметить, что этот вопрос так же требует дополнительной проработки, особенно в связи с изучением слоев нижнедонской культуры на поселении Ракушечный Яр в последние годы. На хвалынских памятниках, помимо останков овцы, определены кости КРС, что свидетельствует о развитии производящего хозяйства на данной территории. Достоверно можно констатировать появление первых признаков скотоводства на территории Нижнего Поволжья в первой четверти V тыс. до н.э.

Первой металлоносной культурой в Нижнем Поволжье, судя по современному уровню источников, является хвалынская. Что касается прикаспийской, то мы фиксируем целый ряд новаций, но доказательства наличия металлообработки отсутствуют. Поэтому комплексы данной культуры вполне допустимо относить к переходному периоду от позднего неолита к раннему энеолиту.

Рассматривая прикаспийскую культуру в системе мариупольской историко-культурной области, можно прийти к выводу, что на территории Нижнего и Среднего Поволжья именно она сыграла важную роль в формировании самарской культуры. Иначе говоря, генезис последней в лесостепном Поволжье связан с миграцией носителей прикаспийской культуры на данную территорию. Об этом свидетельствуют не только материальная культура, но и радиоуглеродные даты, полученные в последнее время. Что касается более восточных областей, то в настоящее время у нас нет доказательств о более ранних комплексах прикаспийского типа в Восточном

Прикаспии. Относительно западных элементов (азово-днепровская культура) в более поздних материалах пока остается гипотезой. Данную культуру и прикаспийскую разделяет значительная территория, а на Нижнем Подонье комплексов азово-днепровского типа не обнаружено. Поэтому синкретичная группа посуды воротничкового типа с накольчато-отступающим орнаментом скорее отражает контакты между поздненеолитическим тентексорским типом и раннеприкаспийским населением.

Каких-либо новых материалов, позволяющих разрабатывать вопрос о соотношении хвалынских и среднестоговских материалов, за последнее десятилетие не появилось. Что касается восточного вектора, сопряженного с шебирскими комплексами Мангышлака, то судя по всей совокупности признаков керамического и каменного инвентаря их можно объединять в одну культурно-историческую область. Но необходимо четко представлять, что генезис хвалынских древностей связан не с этим регионом. Относительно дальнейшей судьбы носителей хвалынской культуры следует отметить, что существующие радиоуглеродные даты фиксируют хронологический разрыв между ее поздними памятниками и раннеямными. Здесь следует обратить внимание на материалы алтатинского и репинского типов, но это особое исследование.

Список используемой литературы

1. Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский могильник и его место в энеолите Восточной Европы // Археология Восточно-Европейской лесостепи. – Воронеж, 1979. – С. 36–63.
2. Алексин В.А. Культурные контакты древних племен Средней Азии (неолит-эпоха бронзы) // Взаимодействия кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата, 1989. – С. 153-154.
3. Амирханов Х.А. Чохское поселение. – М.: Наука, 1987. –246 с.
4. Астафьев А.Е. Неолит и энеолит полуострова Мангышлак. –Астана: Филиал Института археологии им. А.Х. Аргулана, 2014. – 359 с.
5. Астафьев А.Е. О выделении двух типов керамики в энеолитических памятниках п-ова Мангышлак // Проблемы древней истории Северного Прикаспия: Тезисы докладов научной конференции. – Куйбышев: КГПИ, 1990. – С. 38-39.
6. Астафьев А.Е., Баландина Г.В. Энеолитические памятники хвалынского типа полуострова Мангышлак (к вопросу о генезисе хвалынской культуры) // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара, 1998. – С. 149-151.
7. Барацков А.В., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Проблемы абсолютной хронологии неолита Северного Прикаспия // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т. 14, № 3. – С. 200-204.
8. Барынкин П.П. Северный Прикаспий в период энеолита - ранней бронзы // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1990. – С. 34-35.
9. Барынкин П.П. Энеолит и ранняя бронза Северного Прикаспия: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М, 1992. – 26 с.
10. Барынкин П.П. Энеолитический памятник Каир-Шак VI из южной части Волго-Уральского междуречья // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1989. – С. 106-118.

11. Барынкин П.П. Поволжье и Южное Предуралье в период энеолита (к определению основных характеристик культурных процессов) // XV Уральское археологическое совещание (тез. докл. междунар. конф.). – Оренбург, 2001. – С. 37-42.

12. Барынкин П.П. Северный Прикаспий в период энеолита и ранней бронзы // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. – Самара, 2003. – С. 47-60.

13. Барынкин П.П. Керамика памятников хвалынской культуры Поволжья (к характеристике типологических связей памятников региона) // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. – Самара, 2011. – С. 133-152.

14. Барынкин П.П., Васильев И.Б. Новые энеолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические памятники на европейской территории СССР. Воронеж. – 1985. – С. 58–73.

15. Барынкин П.П., Васильев И.Б. Стоянка хвалынской энеолитической культуры Кара-Худук в Северном Прикаспии // Археологические культуры Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1988. – С.123-139.

16. Барынкин П.П., Козин Е.В. Природно-климатические и культурно-демографические процессы в Северном Прикаспии в раннем и среднем голоцене (краткие итоги исследования) // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара, 1998. – С. 73-79.

17. Бижанов Е. Неолитические памятники Юго-Восточного Устюрта // Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. – Ташкент, 1978. – С. 18-78.

18. Борисова О.К., Выборнов А.А., Юдин А.И. Палинологические данные к реконструкции природных условий в степном Поволжье в неолите-энеолите (поселение Орошаемое I) // Актуальные проблемы современной палинологии. – М., 2022. – С. 86-91.

19. Брюсов А.Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. – М.: АН СССР, 1952. – 262 с.

20. Васильев И.Б. Лесостепное Поволжье в эпоху энеолита и ранней бронзы: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1979. – 19 с.
21. Васильев И.Б. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев: КГПИ, 1981. – 130 с.
22. Васильев И.Б. Северный Прикаспий в эпоху мезолита, неолита и энеолита (Основные итоги исследований) // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1990. – С. 9-11.
23. Васильев И.Б. Хвалынская энеолитическая культура и сложение классической курганной «городцовской» культуры в волго-уральской степи и лесостепи // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология, периодизация. – Самара, 2001. – С. 123-125.
24. Васильев И.Б. Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской степи и лесостепи (некоторые итоги исследования) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. – Самара, 2003. – С. 61-117.
25. Васильев И.Б., Непочатых В.А. Новая стоянка в Хвалынском районе Саратовской области // Средневожская археологическая экспедиция: Межвуз. сб. КГУ. – Куйбышев, 1977. – С. 66-76.
26. Васильев И.Б., Матвеева Г.И. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // Советская археология. – 1979. – № 4. – С.147-166.
27. Васильев И.Б., Габяшев Р.С. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев, 1982. – С. 5-6.
28. Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. – Куйбышев: Куйбышевский пед. ин-т, 1985. – 118 с.
29. Васильев И.Б., Выборнов А.А. Нижнее Поволжье в эпоху камня и бронзы // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. – Саратов, 1986. – С. 13-14.
30. Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья. Куйбышев: КГПИ, 1988. – 112 с.

31. Васильева И.Н. О технологии керамики I Хвалынского могильника // ВАП. – Самара, 2002. – Вып. 2. – С. 15-49.
32. Васильева И.Н. Итоги технико-технологического анализа керамики стоянок Алгай и Орошаемое // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – Самара, 2018. – С. 13-17.
33. Виноградов А. В. Исследования памятников каменного века в Северном Афганистане // Древняя Бактрия. – М., 1979. – Вып. 2. – С. 30-60.
34. Виноградов А. В., Кузьмина Е. Е., Смирин В. М. Новые первобытные памятники в Северо-Восточном Приаралье // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М., 1973. – С. 86-88.
35. Волков В.А. Археологическая деятельность Саратовской ученой архивной комиссии и формирование краеведческого музея // АВЕС. – Саратов, 2006. Вып. 4. – С. 29-44.
36. Выборнов А.А. Культурная принадлежность неолита Нижней Белой // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья.– Ижевск, 1984. – С. 21-30.
37. Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: Самарский гос. пед. ун-т, 2008. – 256 с.
38. Выборнов А.А., Обыденнов М. Ф., Обыденнова Г.Т. Поселение Сауз I в устье реки Белой // Эпоха меди юга Восточной Европы. – Куйбышев, 1984. – С. 3–21.
39. Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. О корректировке абсолютной хронологии неолита и энеолита Северного Прикаспия // Труды II (18) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т.1. – М., 2008. – С. 191-193.
40. Выборнов А.А., Юдин А.И. Раскопки поселения Орошаемое в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2014 году // Археологическое наследие Саратовского края. – Саратов, 2015. – С. 3-33.
41. Выборнов А.А., Дога Н.С., Попов А.С., Филлипсен Б. Материалы стоянки Комбак-Тэ в Северном Прикаспии // Проблемы археологии Нижнего

Поволжья (материалы V международной Нижневолжской археологической конференции). – Элиста. 2016 (а). – С. 20-24.

42. Выборнов А.А., Ойнонен М., Дога Н.С., Кулькова М.А., Попов А.С. О хронологическом аспекте происхождения производящего хозяйства в Нижнем Поволжье // Вестник ВолГУ. – Волгоград, 2016 (б). – Серия 4. – Т. 21. – № 3. – С. 6-13.

43. Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Дога Н.С., Попов А.С. Исследования поселения Орошаемое в Нижнем Поволжье // Известия Самарского научного центра РАН. – 2016 (в). Т. 18. № 3. – С. 185-190.

44. Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Дога Н.С., Попов А.С. Новые данные по неолиту-энеолиту Нижнего // Известия Самарского научного центра РАН. – 2017. Том 19. № 3. – С. 146-150.

45. Выборнов А.А., Васильева И.Н., Дога Н.С., Рослякова Н.В., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Попов А.С., Юдин А.И., Ойнонен М., Посснерт Г., Стрельцов М.А. Итоги исследования поселения Орошаемое в 2018 году // Самарский научный вестник. – 2018. Т.7, №4 (25). – С. 211-219.

46. Выборнов А.А., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Дога Н.С., Платонов В.И. Время появления производящего хозяйства в Нижнем Поволжье // Stratum plus. – 2019. – №2. – С. 359-368.

47. Выборнов А.А., Дога Н.С., Кулькова М.А. Вариант перехода к энеолиту в Нижнем Поволжье // КСИА. – 2020. – Вып. 258. – С. 65-74.

48. Выборнов А.А., Гилязов Ф.Ф., Кулькова М.А., Юдин А.И. Хронология стоянок Алгай и Орошаемое в Нижнем Поволжье тезисы // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. – СПб., 2020. – С. 21-22.

49. Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Рослякова Н.В., Дога Н.С., Попов А.С. Результаты исследования памятника

Орошаемое в Нижнем Поволжье в 2019 году // Вопросы археологии Поволжья. – 2020. Вып.8. – С. 66-77.

50. Выборнов А.А., Кулькова М.А., Дога Н.С. Природно – климатические кризисы как фактор культурной и хозяйственной изменчивости в неолите – энеолите Нижнего Поволжья // Уральский исторический вестник. – 2021. – № 3 (72). – С.15-25.

51. Выборнов А.А., Гилязов Ф.Ф., Дога Н.С., Попов А.С., Юдин А.И., Васильева И.Н., Кулькова М.А., Рослякова Н.В., Косинцев П.А. Результаты раскопок стоянки Алгай в 2020 году в степном Поволжье // Известия СНЦ РАН. – 2021. Т.3. – № 2. – С. 100-121.

52. Выборнов А.А., Васильева И.Н., Дога Н.С., Кулькова М.А. Новые данные о стоянке Курпеже-молла в Северном Прикаспии // Oriental Studies. – 2022. – № 3. – С. 572-590.

53. Выборнов А.А., Васильева И.Н., Гилязов Ф.Ф., Дога Н.С., Кулькова М.А., Платонов В.И., Попов А.С., Рослякова Н.В., Юдин А.И. Изучение стоянки Алгай в 2021 году в степном Поволжье // Самарский научный вестник. – 2022. – № 3. – С. 131-152.

54. Выборнов А. А., Борисова О.К., Кулькова М. А., Юдин А.И. Палеографический фон неолита-энеолита степного Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. – 2022. – № 2. – С. 8-20.

55. Выборнов А.А., Дога Н.С., Попов А.С., Кулькова М.А. Радиоуглеродные даты по неолиту-энеолиту Мангышлака // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Пермь, 2022. Вып. XX. – С. 79-87.

56. Выборнов А.А., Гилязов Ф.Ф. Каменная индустрия неолита полупустынной зоны культурный индикатор // Археология Евразийских степей. – 2023. – № 1. – С. 252-263.

57. Выборнов А.А., Кулькова М.А. Проблемы изучения периодизации неолита-энеолита Нижнего Поволжья // Уральский исторический вестник. – 2023. – №1 (78). – С.6-15.

58. Выборнов А. А., Королев А.И., Кулькова М.А., Моргунова Н.Л., Пархомчук Е.В., Шалапинин А.А. Радиоуглеродная хронология могильника у с. Съезжее // Археология евразийских степей. – 2023. – № 4. – С. 212-220.
59. Галкин Л.Л. Северный Прикаспий в древности // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев, 1982. – С. 135-148.
60. Гасилин В.В., Косинцев П.А., Саблин М.В. Фауна неолитической стоянки Варфоломеевская в степном Поволжье // Фауна и флора северной Евразии в позднем кайнозое. Екатеринбург – Челябинск. 2008. – С. 25-100.
61. Горашук И.В. Технология изготовления каменных орудий на стоянках хвалынской культуры // Вопросы археологии Поволжья. – 2003. – Вып. 3. – С. 119-122.
62. Горашук И.В. Каменные орудия хвалынской культуры // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. – Самара, 2011. – С. 287-358.
63. Даниленко В.Н. Неолит Украины. – Киев: Наукова Думка, 1969. – 257 с.
64. Деревягин Ю.В. Находки в Саратовской области // АО – 1969. М., 1970. – С.150.
65. Деревягин Ю.В. Раскопки и разведки в Саратовской области // АО 1970 года. – М., 1971. – С. 150.
66. Деревягин Ю.В., Третьяков В.П. Неолитическое поселение у с. Алтата в Саратовской области // Советская Археология. – М., 1974. – С. 159-160. Здесь пропущен номер
67. Дога Н.С. К вопросу о происхождении производящего хозяйства в Нижнем Поволжье // Новые материалы и методы археологического исследования. Материалы III конференции молодых ученых. – М., 2015. – С. 53-54.
68. Дога Н.С. Новые подходы и интерпретации в изучении стоянки Курпеже-Молла в Северном Прикаспии // Актуальная археология 3. Новые

интерпретации археологических данных. Международная археологическая конференция молодых ученых. – СПб., 2016. – С. 40-43.

69. Дога Н.С. Историографический обзор темы возникновения производящего хозяйства в Нижнем Поволжье // Известия СНЦ РАН. – 2018. Т. 20, № 3 (2). – С. 474-478.

70. Дога Н.С. Периодизация и хронология прикаспийской культуры // Самарский научный вестник. – 2019. – Т. 8, № 2 (27). – С. 144-149.

71. Дога Н.С. Каменная индустрия прикаспийской культуры // Археология Евразийских степей. – 2023. – № 1. С. 271-279.

72. Дога Н.С. Новы данные о периодизации, хронологии, хозяйстве и палеогеографии энеолита Нижнего Поволжья // Энеолит и бронзовый век Циркумпонтийского региона. Сборник к 100-летию со дня рождения Н.Я. Мерперта. – М., 2023.– С. 151-153.

73. Дога Н.С., Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Кулькова М.А., Косинцев П.А., Попов А.С. Итоги изучения поселения неолита-энеолита Орошаемое в Нижнем Поволжье // Материалы V Всероссийского археологического съезда. – Барнаул, 2017. – С.251-254.

74. Дога Н.С., Попов А.С. Воротничковые комплексы Волго-Донского междуречья // Верхнедонской археологический сборник. – Липецк, 2017. – С. 61-62.

75. Дога Н.С., Попов А.С. Реконструкция жизнедеятельности населения прикаспийской культуры по материалам стоянки Орошаемое // Актуальная археология 4 Комплексные исследования в археологии. Материалы международной археологической конференции молодых ученых. – СПб., 2018. – С. 160-163.

76. Дога Н.С., Кулькова М.А. Результаты радиоуглеродного датирования различных материалов прикаспийской культуры // Геохронология четвертичного периода: инструментальные методы датирования новейших отложений. – М., 2022. – С. 16.

77. Дога Н.С., Выборнов А.А., Гилязов Ф.Ф., Сомов А.В., Гречкина Т.Ю. Новый памятник неолита в Северном Прикаспии // Поволжская Археология. – 2023. – № 3 (45). – С. 25-37.

78. Дога Н.С., Гилязов Ф.Ф. К вопросу о значении культа лошади и быка в степном и лесостепном Поволжье // Искусство и погребальный обряд позднего каменного века: материалы симпозиума. – СПб., 2023. – С. 67-69.

79. Дубягин П.С., Чикризов Ф.Д., Чуринов В.А., Васильев И.Б., Выборнов А.А. Новые материалы неолита-бронзы из Северного Прикаспия // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев, 1982. – С. 95.

80. Еремин В.И. Стоянки предьямного и ямного времени на территории Нижнего Поволжья // Историко-краеведческие записки. Волгоград, – 1977. – Вып. V. – С. 53-69.

81. Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. – М.: Интеллект, 1995. – 258 с.

82. Ильина А., Шишкин П. Материалы к археологической карте Сталинградского, Хопёрского и некоторой части Астраханского и Калмыцкого округов Нижневолжского края. Сталинград, 1929 "Пять лет Сталинградского общества краеведения». Сталинград, 1929. – С. 4-10.

83. Калинина И.В., Гаджиева (Устинова) Е.А. Архаические орнаменты для керамики // AD POLUS. Памяти Л.П. Хлобыстина. Археологические изыскания. Вып. 10. СПб., 1993. Вып. 10. Вып. 10. – С. 83-94.

84. Козин Е.В. Неолит Северного Прикаспия: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2002. – 27 с.

85. Кольцов, П.М. Поселение Джангар. – М.: Новый Хронограф, 2004. – 156 с.

86. Коробкова Г. Ф. Мезолит Средней Азии и его особенности. КСИА. – 1977. – Вып. 149. – С. 109-112.

87. Косинцев П.А., Варов А.И. Ранние этапы животноводства в Волго-Уральском регионе // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии. Тезисы докладов конференции 18-20 декабря 1996 года. – Самара, 1996. – С.29-31.
88. Котова Н.С. Неолитизация Украины. – Луганск: Шлях, 2002. – 261 с.
89. Котова Н.С. Древнейшая керамика Украины. Киев; Харьков: Майдан, 2015. – 217 с.
90. Крижевская Л.Я. К вопросу о неолите Северо-Восточного Прикаспия // МИА. – 1972. – № 185. – С. 271-279.
91. Кузьмина И.Е. Млекопитающие Северного Прикаспия в голоцене // Археологические культуры Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1988. – С. 173-189.
92. Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Сулержицкий Л.Д. Геолого-палеологические события севера аридной зоны в последние 10 тыс. лет // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара, 1998. – С. 87-104.
93. Лопатин В.А. Стоянка Озинки II в Саратовском Заволжье // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1989. – С. 135-146.
94. Макаров Г. Е. Раскопки первобытной стоянки Оюклы // Вестник МГУ. – 1961. – № 3. – С.72.
95. Малов Н.М. Хлопковский могильник и его место в энеолите Поволжья (по материалам раскопок 1977–1978 гг.) // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Т. 263. – Куйбышев, 1982. – С. 82-94.
96. Малов Н.М. Некоторые вопросы неолита-энеолита Нижнего Поволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1990. – С. 29-30.
97. Малов Н.М. Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // АВЕС. – 2008. – Вып. 6. – С. 32-134.

98. Мамонтов В.И., Скрипкин А.С. История археологического изучения Волгоградского края // Археологическое наследие Волгоградской области. – Волгоград, 2013. – С. 11-24
99. Массон В. М. Неолитические охотники и собиратели // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. – М.-Л, 1966. – С. 132.
100. Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. – М.: Наука, 1976. – 367 с.
101. Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. Лесостепь и степь. – М.: Наука, 1982. – С. 264-270.
102. Мелентьев А.Н. Памятники неолита Северного Прикаспия (памятники прикаспийского типа) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). – Куйбышев, 1976. – С. 16-17.
103. Мелентьев А.Н. О возникновении скотоводства в евразийских степях // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. – Оренбург, 1980. – С. 7-8.
104. Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. – М.: Наука, 1974. – 168 с.
105. Мерперт Н.Я. Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы. – Куйбышев, 1980. – С. 3-26.
106. Минаева Т.Н. Кремневая индустрия Нижнего Поволжья // ТНВОНОК. – 1929. – Вып. 36. – Ч.1. – С. 3-32.
107. Моргунова Н.Л. Эпоха неолита и энеолита в лесостепной зоне волго-уральского междуречья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1984. – 21 с.
108. Моргунова Н.Л. Хронология и периодизация энеолита Волжско-Уральского междуречья в свете радиоуглеродного датирования // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. – Оренбург, 2009. – С. 6-27.
109. Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. – 220 с.

110. Моргунова Н.Л., Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Хронологическое соотношение энеолитических культур Волго-Уральского региона в свете радиоуглеродного датирования // Российская археология. – 2010. – № 4. – С.18-27.
111. Наумов И.Н. Факторы сложения предмариупольской культурно-хозяйственной общности в Поволжско-Донских степях // Археологические записки. – Ростов-на-Дону, 2003. – Вып. 3. – С. 83-89.
112. Наумов И.Н. Неолит Поволжско-Донских степей (проблемы хронологии, периодизации и культурно-хозяйственного развития): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2004. – 24 с.
113. Наумов И.Н. Культурно-хозяйственные трансформации переходного неолито-энеолитического периода в Нижневолжском районе // Самарский научный вестник. – 2014. – № 3 (8). – С. 144-147.
114. Овчинников А.Ю., Выборнов А.А., Кулькова М.А., Занина О.Г., Лопатина Д.А., Дога Н.С., Юдин А.И., Алифанов В.М. Почвенно-экологические условия на нео-энеолитическом поселении Орошаемое в Нижнем Поволжье // Почвоведение. – 2020. – № 2 – С. 165-177.
115. Овчинников А.Ю., Выборнов А.А., Кулькова М.А., Макшанов А.М., Худяков О.И. Почвенно-экологические условия на территориях нео-энеолитических поселений Нижнего Поволжья // Почвоведение. – 2022. – № 11 – С. 1341–1350.
116. Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник как исторический источник: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1987. – 17 с.
117. Рыков П.С. Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье в 1929 г. // Известия Нижне-Волжского института краеведения. – 1931. – Т.IV. – С. 53-59.
118. Синицын И.В. Археологические памятники по реке Малый Узень // КСИИМК. – 1950. – Вып. 32. – С. 101-112.
119. Синицын И.В. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане // КСИИМК. – 1951. – Вып. 37. – С. 97-105.

120. Синюк А.Т. Проблемы хронологии неолита лесостепного Подонья // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. – СПб., 2004. – С. 195-206.

121. Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // Российская Археология. – 1999. – № 1. – С. 23-30.

122. Ставицкий В.В. Энеолитическое поселение Русское Труево 2 и происхождение древностей алтатинского типа // Археологические записки. – Ростов-на-Дону, 2002. – Вып. 2. – С. 91-103.

123. Ставицкий В.В. Некоторые проблемы изучения хвалынского энеолитической культуры // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Ивановича Городцова в Государственном историческом музее. Часть 1. – М., 2003. – С. 58-60.

124. Ставицкий В.В. К вопросу о выделении нео-энеолитической эпохи в Поволжье // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. – СПб., 2013 (а). – С. 31-33.

125. Ставицкий В.В. Проблема происхождения прикаспийской культуры // Археология Восточноевропейской степи. – 2013. – Вып. 10. – С. 205-212.

126. Телегин Д.Я. К методике составления типологическо-статистической таблицы кремневых изделий мезо-неолитической эпохи // Орудия каменного века. – Киев, 1978. – С. 35-57.

127. Телегин Д.Я. Про неолитические памятники Подонья и Степного Поволжья // Археология. – 1981. – Вып. 36. – С. 8-19.

128. Телегин Д.Я. Днепро-донецкая культура // Археология Украинской ССР. Т. 1. – Киев, 1985. – С. 156-170.

129. Телегин Д.Я. О хронологии и периодизации культур неолита и медного века юго-запада Восточной Европы. Понятия о нео-энеолитическом времени региона // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. – СПб., 2004. – С. 106-121.

130. Третьяков В.П. Обследование неолитических стоянок в Волгоградской области // Советская археология. –1974. – Т.1.– С. 208-213.
131. Фадеев В.Г. Историография хвалынской энеолитической культуры // Вопросы археологии Поволжья. – 2003. Вып. 3.– С. 100-117.
132. Формозов А.А. Могут ли служить орудия труда каменного века этническим признаком? // Советская Археология. – 1957. – № 4 – С. 66-74.
133. Хохлов А.А. Население хвалынской энеолитической культуры. По антропологическим материалам грунтовых могильников Хвалыnsk I, Хвалыnsk II, Хлопков Бугор // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов. – Самара, 2010. – С. 407-517.
134. Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. – М., 1970. – С. 160-170.
135. Шалапинин А.В., Выборнов, Дога Н.С., Попов А.С., Рослякова Н.В., Юдин А.И. Итоги исследования стоянки Алгай в 2019 году в Нижнем Поволжье // Археологические открытия в Самарской области в 2019 году. – Самара, 2020. – С. 8-9.
136. Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. – М.: Наука, 1989. – 448 с.
137. Шнирельман В.А. Ареалы раннего скотоводческого хозяйства на юге Восточной Европы и проблемы их генезиса // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев, 1990. – С. 85-87.
138. Юдин А.И. Новые энеолитические памятники на реке Большой Узень // Древние культуры Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1986. – С. 38-40.
139. Юдин А.И. Варфоломеевская неолитическая стоянка (первые итоги исследования) // Археологические культуры Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1988. – С. 142-172.
140. Юдин А.И. Энеолитическое поселение Пшеничное на р. Торгун // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1989. – С.164-165.

141. Юдин А.И. Варфоломеевская неолитическая стоянка и истоки формирования степного энеолита Заволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1990. – С. 26-27.
142. Юдин А.И. Неолит и энеолит степного Заволжья: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1995. – 16 с.
143. Юдин А.И. Орловская культура и истоки формирования степного энеолита Заволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара, 1998. – С. 83-105.
144. Юдин А.И. Многослойное поселение Кумыска на р. Торгун // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. – Саратов. 1999. – Вып. 3. – С. 122-157.
145. Юдин А.И. Хозяйство населения орловской неолитической культуры. Археологические записки. – Ростов-на-Дону, 2003. – Вып.3. – С. 90-96.
146. Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. – Саратов: Саратовский университет, 2004. – 201 с.
147. Юдин А.И. Культурно-исторические процессы в эпохи неолита и энеолита на территории Нижнего Поволжья: автореф. ... дисс. д-ра ист. наук. – Ижевск, 2006 (а). – С.24-31.
148. Юдин А.А. Памятники алтатинского типа и проблемы взаимодействия населения лесостепи и степи // Вопросы археологии Поволжья. – 2006 (б). – Вып. 4. – С. 153-161.
149. Юдин А.И. Культурное развитие населения Нижнего Поволжья в неолите и энеолите // Археологическое наследие Саратовского края. – Саратов. 2006 (в). – Вып. 7. – С. 3-20.
150. Юдин А.И. Поселение Кумыска и энеолит степного Поволжья. – Саратов: Научная книга, 2012. – 212 с.
151. Юдин А.И. Периодизация и хронология энеолита степного Поволжья // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. – СПб., 2013. – С. 26-28.

152. Vybornov A.A., Kulkova M., Yudin A., Doga N., Popov A. New interdisciplinary research of Neolithic-Eneolithic sites in the Low Volga River region // *Documenta Praehistorica*. XLVI. Ljubljana, 2019 P. 376-387.

153. Vybornov A. A., Yudin A. I., Kulkova M. A., Doga N. S., Popov A. S., Barackov A. V., Gilyazov F. F., Somov A.V. Features of Neolithic-Eneolithic cultural layer formation on the sites of Algay and Oroshaemoe in the Low Volga basin: archaeology and geochemistry // *Acta Geographica Lodziensia*. № 4. 2020. P. 49-59.

154. Vybornov A.A., Doga N.S., Kulkova M.A. Innovations and interactions in the Late Neolithic from the Dnieper to the Volga // *EAA Abstract book of the 28rd Annual Meeting of the European Association of Archaeologists*. Budapest, 2022 (a). P. 350.

155. Выборнов А. А., Гилязов Ф. Ф., Дога Н. С., Кулькова М. А., Филиппсен Бенте. Хронология неолита – энеолита степного Поволжья // *Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022 (6). – Т. 27, № 3. – С. 6–15. (На англ. яз.)*.

156. Doga N.S., Vybornov A.A. The specifics of the emergence of dairy husbandry emergence in the Lower Volga // *Abstract book of the 26rd Annual Meeting of the European Association of Archaeologists*. Budapest, 2020. P. 306-307.

157. Pablo Librado, Ludovic Orlando, Pavel A. Kosintsev, Pavel F. Kuznetsov, David Anthony, Guus J. Kroonen, Alekandr A. Vybornov et al. The origins and spread of domestic horses from the Western Eurasian steppes // *Nature*. <https://doi.org/10.1038/s41586-021-04018-9>. 2021. P. 634-640.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблицы

Таблица 1. Модель климатических флуктуаций и антропогенной активности на стоянке Орошаемое по данным геохимических индикаторов (Кулькова М.А.)

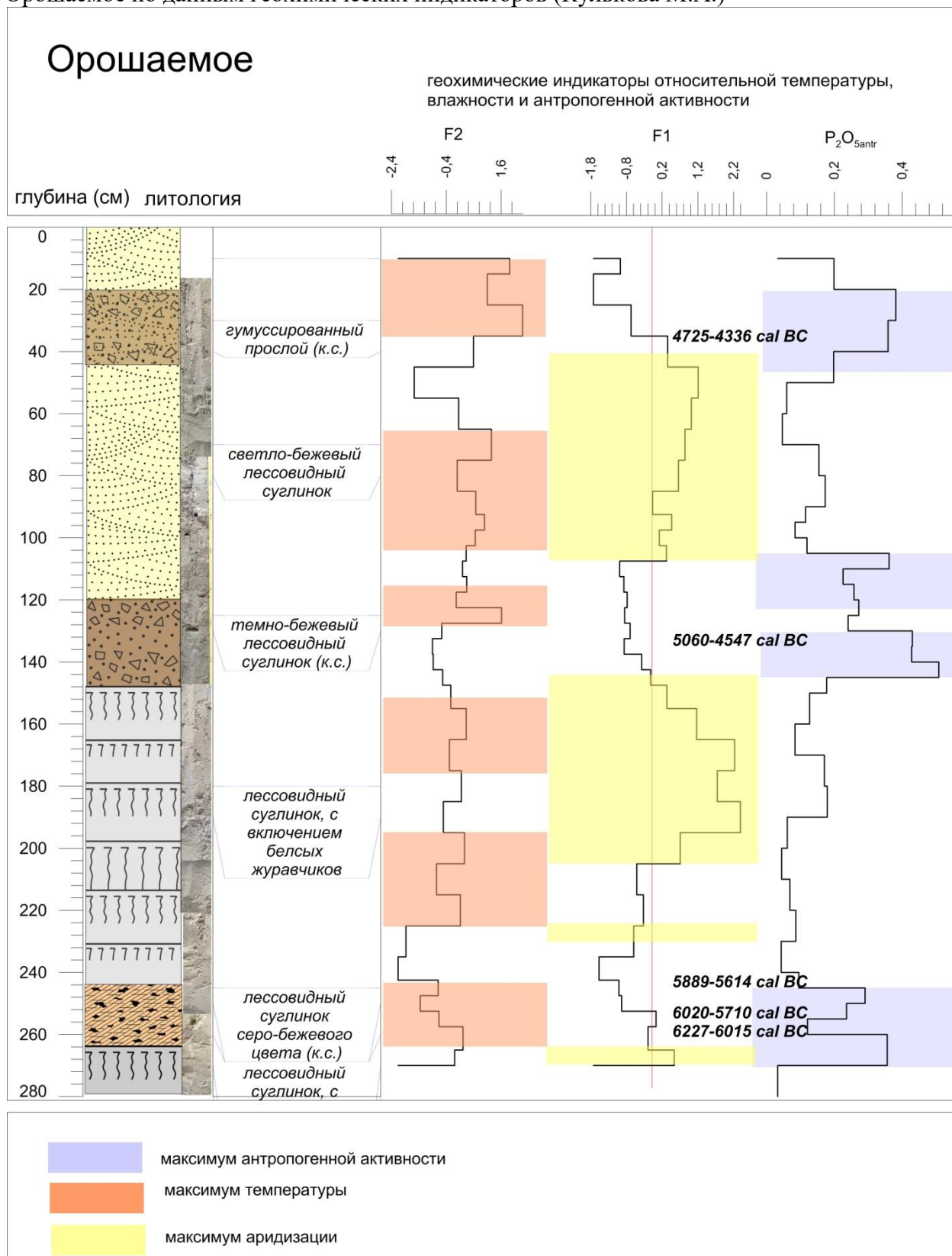

Таблица 2. Модель климатических флуктуаций и антропогенной активности на стоянке Алгай по данным геохимических индикаторов (Кулькова М.А.)

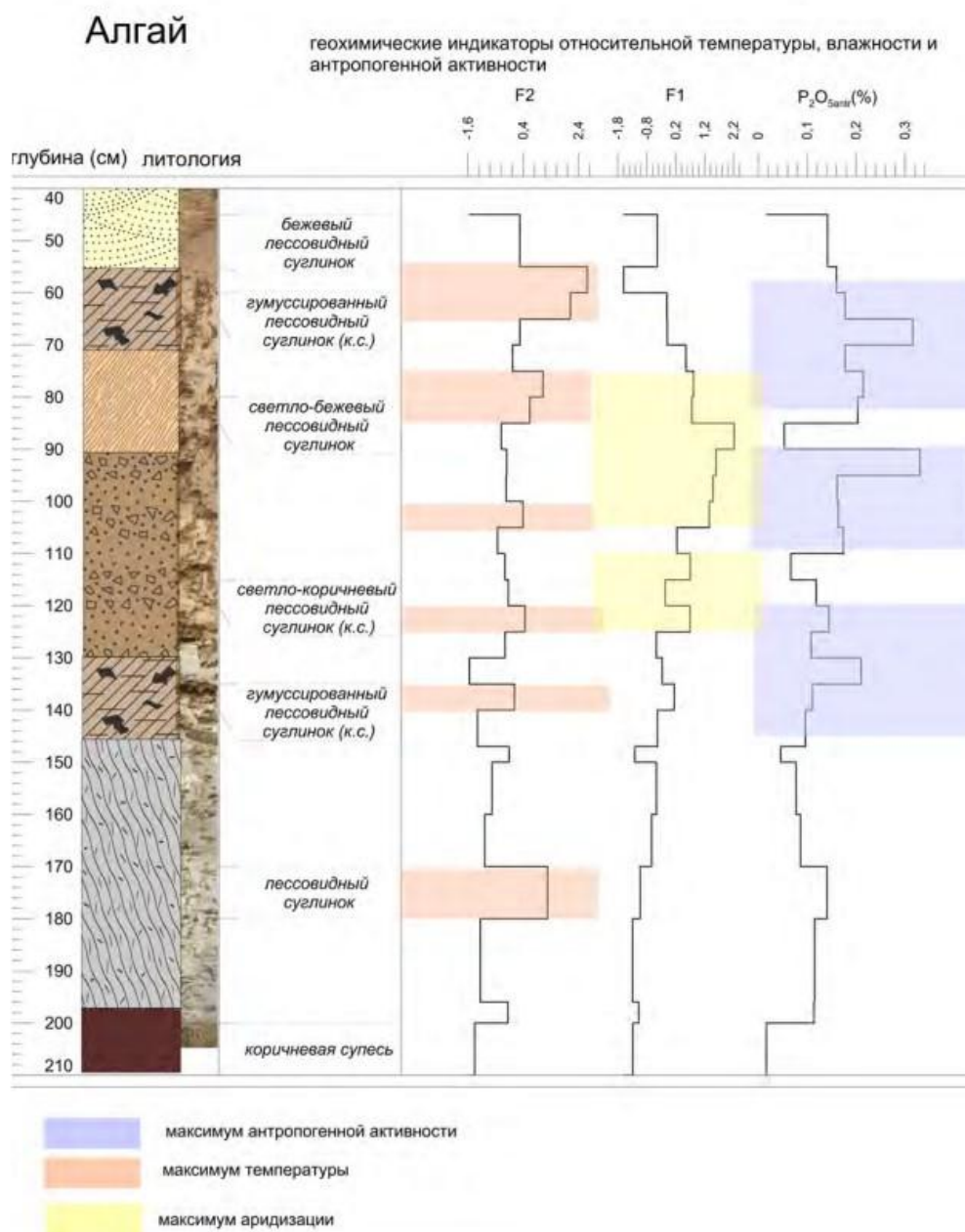

Таблица 3. Стратиграфия почвенной толщи. Физические и химические свойства почв раскопов стоянок Алгай (разрез 6а-2017) (а) и Орошаемое (разрез 3-2017) (b). (Овчинников А.Ю. и др.)

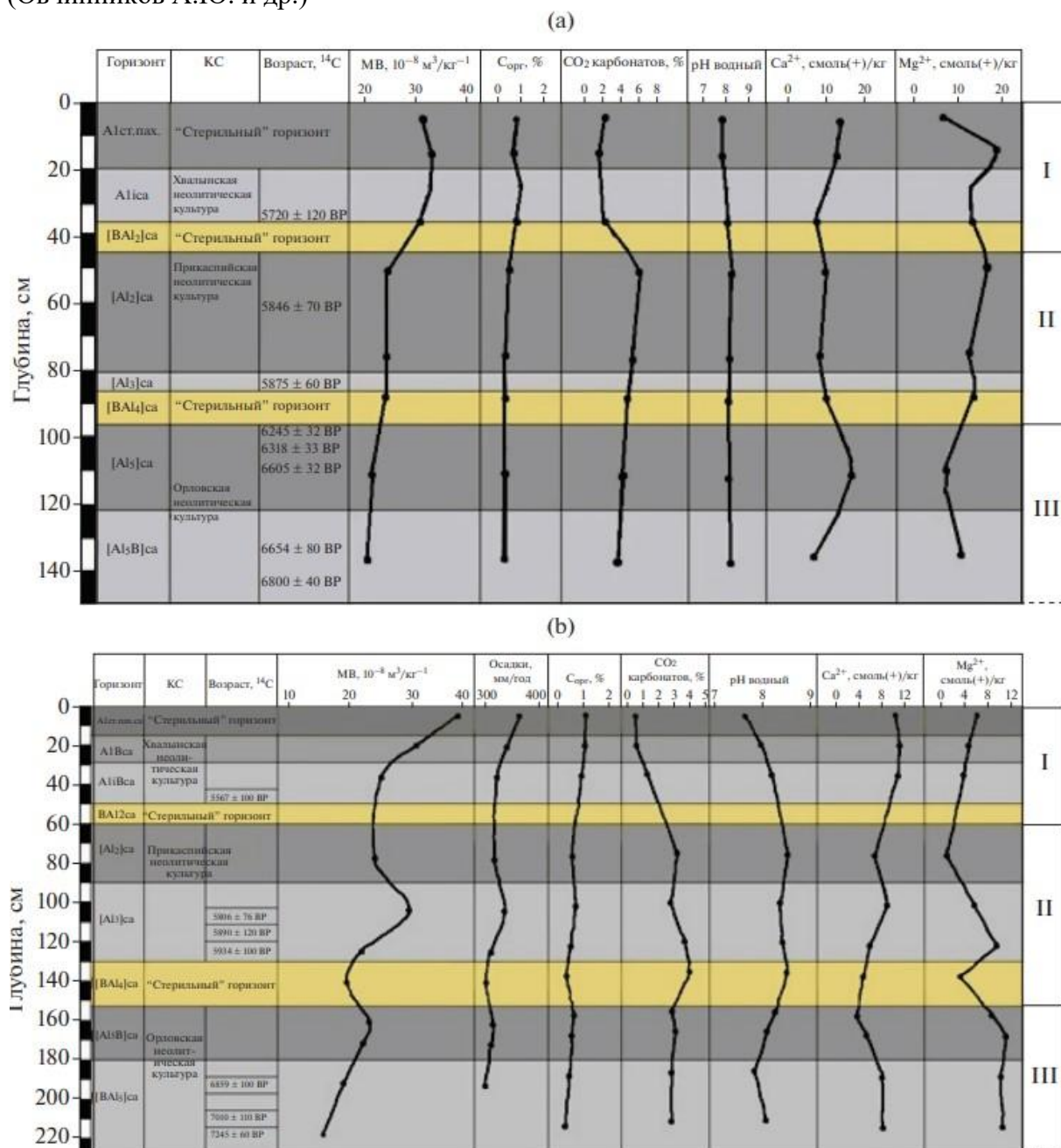

Таблица 4. Споро-пыльцевой состав из культурных слоев стоянки Орошаемое (разрез 2019 года) (Борисова О.К.)

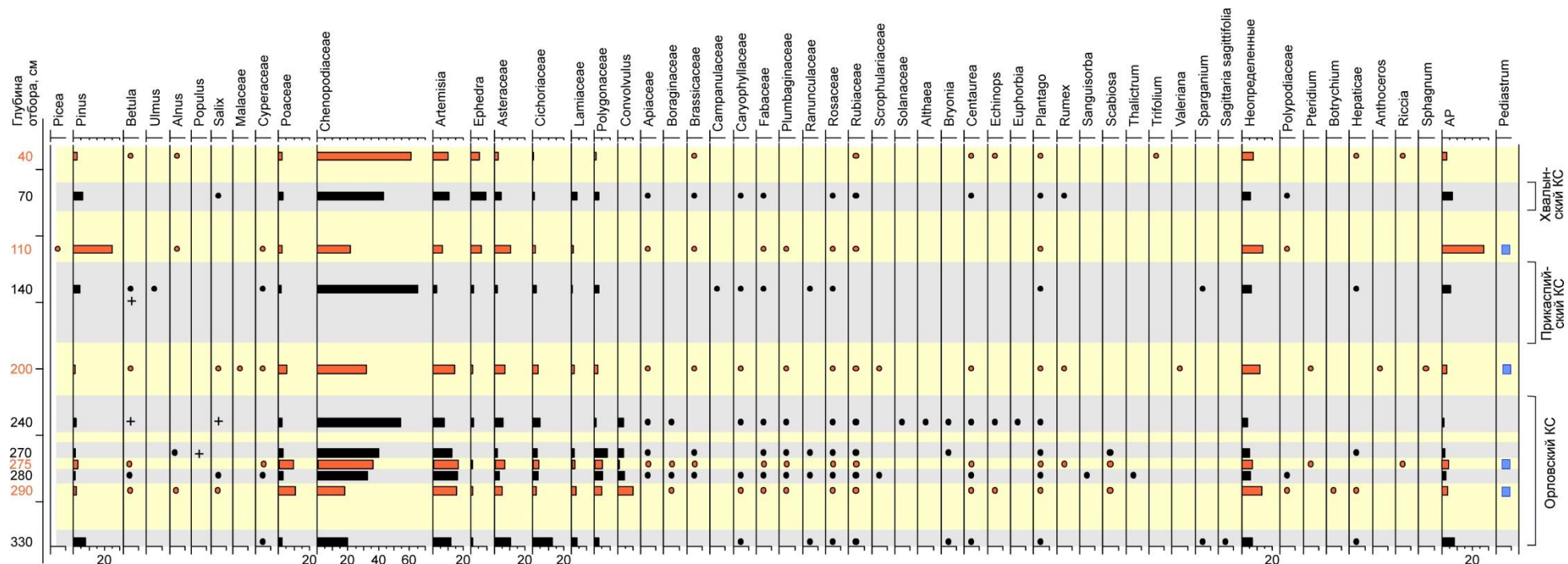

Таблица 5. Результаты изучения исходного пластичного сырья поздненеолитической керамики стоянок Нижнего Поволжья (Васильева И.Н.)

Керамика стоянок Нижнего Поволжья (Васильева Г.И.)							
Стоянки	ИПС						Итого:
	илы		илистые глины		глины		
	тощие	жирные	тощие	жирные	тощие	жирные	
<i>Северный Прикаспий</i>							
1.Таскудук	-	31	-	-	-	-	31
2. Приозерная	-	6	-	-	-	-	6
<i>Степное Поволжье</i>							
3. Алгай	-	-	-	6	-	5	11
ВСЕГО:	-	37	-	6	-	5	48

Таблица 6. Исходное пластичное сырье керамики стоянки Курпеже-Молла в Северном Прикаспии (Васильева И.Н.)

Культурные керамические комплексы	Исходное пластичное сырье (ИПС)								
	ИЛЫ				ИЛИСТЫЕ ГЛИНЫ				ИТОГО:
	жирные		тощие	всего:	жирные		тощие	всего:	
	Ж1	Ж2			Ж1	Ж2			
Керамика прикаспийской культуры									
ГШ+Прочер.	-	2	-	2	5	5	-	10	12
ГШ	1	2	-	3	1	5	-	6	9
ШГ+Прочер.	-	-	-	-	-	5	-	5	5
Прочер.+накол.	-	1	-	1	1	2	-	3	4
Без орн.	-	-	-	-	1	-	-	1	1
Итого:	1	5	-	6/ 19%	8	17	-	25/ 81%	31/ 100%
Керамика хвалынской культуры									
Хвалынская АК	-	-	-	-	9	1	-	10/ 100%	10/ 100%
Керамика с синкретическими чертами									
Синкретическая		1	-	1/ 14%	2	4	-	6/ 86%	7/ 100%
ВСЕГО:	1	6	-	7/ 15%	19	22	-	41/ 85%	48 100%

Таблица 7. Результаты изучения исходного пластичного сырья (ИПС) керамики стоянки Орошаемое (И.Н. Васильева)

Раскопы, АК	Виды ИПС						ИТОГО:
	илы	ИЛИСТЫЕ ГЛИНЫ				глины	
	жирные	жирные		тощие		жирные	
	с раков.	с комочками ВОГ	без комочков ВОГ	с комочками ВОГ	без комоч- ков ВОГ		
2015 г.							7
Хвалынская АК	-	1	1	1	-	-	3
Прикаспийская АК	-	1	3	-	-	-	4
2016 г.							21
Орловская АК	1	4	2				7
Прикаспийская АК		9	1				10
Хвалынская АК		4					4
2017 г.							31
Орловская АК		5	1				6
Прикаспийская АК		16	4				20
Хвалынская АК		4	1				5
Всего:	1/2 %	58/98 %				-	59/100 %

Условные обозначения: АК – археологическая культура; ВОГ – высокопластичная ожелезненная глина; с раков. – с естественным компонентом илов (обломками раковины); единица учета – образец керамики.

Таблица 8. Результаты петрографического анализа кварцитовых изделий с памятников Нижнего Поволжья (М.А. Кулькова)

	Mg	Al	Si	P	Ca	Fe	Zr	LE
№1 Курнеже-молла	4,69	<LOD	45,91	0,147	<LOD	<LOD	4,00E-04	53,93
№2 Курнеже-молла	6,04	1,3407	36,44	0,199	1,063	0,142	3,00E-04	60,80
№1 Истай	6,54	2,1113	42,03	0,325	0,206	0,178	5,00E-04	55,14
№2 Алгай	4,60	0,4313	43,73	0,126	<LOD	0,387	3,00E-04	55,32

Таблица 9. Концентрации и соотношения жирных кислот C12:0/C14:0 и C16:0/C18:0 в нагаре керамики неолитических и энеолитических памятников Нижнего Поволжья (Платонов В.И.)

Образец	Концентрация				C12:0/C14:0	C16:0/C18:0
	C12:0			C18:0		
Каиршак III	2,8	8,5	24,5	41,9	0,32	0,58
Каиршак III	7,2	7,5	25,3	13,1	0,95	1,93
Каиршак III	5,6	14,6	39,4	12,8	0,38	3,09
Каиршак III	-	3,0	26,5	40,0	-	0,66
Тентексор	-	-	3.5	2.3	-	1.48
Тентексор	-	18.6	11.4	14.3	0	0.80
Алгай	-	-	-	0.4	-	0
Алгай	-	-	0.6	-	-	-
Варфоломеевка	1,9	2,5	29,4	60,9	0,76	0,48
Варфоломеевка	10,8	7,6	41,5	21,7	1,41	1,91
Варфоломеевка	8,8	24,5	24,5	31,2	0,36	0,79
Варфоломеевка	2,5	1,8	30,2	51,6	1,38	0,59
Комбактэ	-	-	34.6	54.3	-	0.64
Карахудук	-	0.6	1.4	2.2	0	0.64
Каиршак VI	0.3	0.5	0.8	1.6	0.54	0.53
Каиршак VI	0.6	0.2	0.6	0.8	2.73	0.75
Каиршак VI	2.2	0.9	3.3	7.5	2.37	0.44
Каиршак VI	3.5	0.7	2.1	3.7	5.30	0.57

Таблица 10. Концентрации и соотношения жирных кислот C12:0/C14:0, C15:0/C18:0, C16:0/C18:0 в нагаре керамики стоянки Приозерная в Северном Прикаспии (Платонов В.И.)

Образец	Концентрация, мг/л					C12:0/ C14:0	C15:0/ C18:0	C16:0/ C18:0
	C12:0	C14:0	C15:0	C16:0	C18:0			
1	0.07	0.42	0.40	1.47	0.47	0.17	0.85	3.13
2	0.03	0.16	0.07	0.37	0.04	0.19	1.75	9.25
3	0.06	0.52	0.17	0.58	0.38	0.11	0.45	1.53
4	0.10	0.15	0.18	0.50	1.69	0.67	0.11	0.30

Таблица 11. Концентрации и соотношения жирных кислот C12:0/C14:0, C15:0/C18:0, C16:0/C18:0 в нагаре керамики стоянки Таскудук в Северном Прикаспии (Платонов В.И.)

Образец	Концентрация, мг/л					C12:0/ C14:0	C15:0/ C18:0	C16:0/ C18:0
	C12:0	C14:0	C15:0	C16:0	C18:0			
1	0.04	0.03	0.05	0.08	0.07	1.33	0.71	1.14
2	0.05	0.04	0.05	0.01	0.14	1.25	0.36	0.07
3	0.05	0.05	0.12	0.04	0.03	1	4	1.33
4	0.09	0.03	0.04	0.06	0.03	3	1.33	2

Таблица 12. Концентрации и соотношения жирных кислот C12: 0/C14: 0 и C16: 0/C18: 0 в нагаре керамики стоянки Орошаемое в степном Поволжье (Платонов В.И.)

Образец	Концентрация				C12:0/C14:0	C16:0/C18:0
	C12:0	C14:0	C16:0	C18:0		
1	1.5	3.4	22.4	28.5	0.44	0.79
2	—	—	27.2	13.1	—	2.07
3	—	3.0	28.8	27.1	—	1.06
4	—	1.0	8.9	7.3	—	1.22
5	—	1.5	9.6	10.2	—	0.94

Таблица 13. Радиоуглеродные датировки памятников Нижнего Поволжья

№	Памятник	ВР	Шифр	cal BC	Материал
Поздний неолит Северного Прикаспия					
1.	Тентексор I	6640 ± 80	Ki-14101	2σ 5720–5470	керамика
2.	Тентексор I	6650 ± 100	SPb-423	2σ 5740–5460	керамика
3.	Тентексор I	6540 ± 100	SPb-315a	2σ 5640–5310	кость животного
4.	Тентексор I	6695 ± 40	Ua-35277	2σ 5680–5530	нагар
5.	Приозерная	6662 ± 120	SPb_3110	2σ 5794–5371	керамика
6.	Приозерная	6699 ± 80	SPb_3111	5727–5488	кость животного
7.	Таскудук	6600±200	SPb_3693	2σ 5975 - 5078	кость животного
8.	Же-калган I	6566±120	SPb-1728	2σ 5711-5316	керамика
Прикаспийская культура в Северном Прикаспии					
9.	Курпеже-Молла	6050±80	Ki-14831	1σ 5050-4840 2σ 5150-4770	керамика
10.	Курпеже-Молла	6020±80	Ki-14832	1σ 5000-4790 2σ 5080-4710	керамика
11.	Курпеже-Молла	6100±100	SPb_3558	1σ 5303-5248 2σ 5226-4786	керамика
12.	Буровая 41	6560±110	SPb_3557	1σ 5709-5690 2σ 5671-5312	керамика
13.	Буровая 41	6880±80	Ki-14616	1σ 5840-5700 2σ 5920-5630	керамика
14.	Буровая 41	6790±80	Ki-14618	1σ 5740-5620 2σ 5840-5530	керамика
Хвалынская культура в Северном Прикаспии					
15.	Каиршак VI	6070 ± 80	Ki 14908	2σ 5000–4580	керамика
16.	Каиршак VI	5920 ± 80	Ki 14909	2σ 4810–4450	керамика
17.	Каиршак VI	5780 ± 80	Ki 14910	2σ 5250–4600	керамика
18.	Каир-шак VI	5664 ± 80	AAR-26175	2σ 4687-4356	нагар
19.	Комбак-тэ	6000±150	ГИН-6226		уголь
20.	Комбак-тэ	5626±51	AAR-22804	2σ 4550-4350	нагар
21.	Кара-худук	5870±70	SPb_2339	2σ 4900-4548	кость кулана
22.	Кара-худук	5854±60	SPb_2338	2σ 4847-4547	кость овцы
23.	Кара-худук	5900±100	SPb_2365	2σ 5000-4530	кости КРС
24.	Кара-худук	5980±90	Ki-14907	2σ 4850-4490	керамика
25.	Кара-худук	5950±80	Ki-14912	2σ 5048-4654	керамика
26.	Кара-худук	5820±80	Ki-14911	2σ 5040-4680	керамика
Поздний неолит степного Поволжья					
27.	Варфоломеевская, слой 2А	6363±150	SPb-937	2σ 5650–4950	нагар
28.	Алгай	6360±250	Spb – 1411	1σ 5553-5035 2σ 5742-4723	уголь
29.	Алгай	6318±33	AAR – 21892	1σ 5330-5280 2σ 5360-5210	кость животного
30.	Алгай	6284±100	SPb-2038	1σ 5367-5205 2σ 5472-501	коллаген

31.	Алгай	6245±32	AAR – 21891	1σ 5300-5210 2σ 5310-5200	нагар
32.	Алгай	6205±120	SPb_3348	1σ 5231-5003 2σ 5384-4843	кость животного
Прикаспийская культура в степном Поволжье					
33.	Орошаемое	5934±100	SPb-2091	1σ 4946-4703 2σ 5060-4547	кость животного
34.	Орошаемое	5890±120	SPb-1729	1σ 4911-4611 2σ 5056-4462	керамика
35.	Орошаемое	5806±26	UGAMS-23059	1σ 4723-4581 2σ 4572-4550	кость овцы
36.	Орошаемое	5716±110	Spb –2471	1σ 4692-4456 2σ 4796-4347	почва
37.	Орошаемое	5520±90	Spb –2634	1σ 4459-4320 2σ 4552-4224	верх почвы
38.	Орошаемое	5679±25	SUERC-85591	2σ 4590 – 4448	кость овцы
39.	Орошаемое	5730±15	AMIS_1_0089 5	2σ 4673-4498	кость лошади
40.	Кумыска	5870±70	Ki-16271	1σ 4810-4670 2σ 4860-4540	керамика
41.	Алгай	5955±60	SPb_3345	1σ 4907-4781 BC 2σ 4995-4711 BC	кость животного
42.	Алгай	5720±120	Spb – 1475	1σ 4710-4450 2σ 4840-4340 BC	кость животного
43.	Алгай	5875±60	SPb_3359	1σ 4804-4681 BC 2σ 4853-4583 BC	кость животного
44.	Алгай	5846±70	SPb - 3116	1σ 4792-4614 BC 2σ 4851-4534 BC	кость животного
Хвалынская культура в Степном Поволжье					
45.	Алгай	5680±80	Spb – 1476	1σ 4616-4447 BC 2σ 4710-4359 BC	кость животного
46.	Орошаемое	5667±100	SPb_1474	4725-4336	кость кулана
47.	Орошаемое	5328±33	AAR-26176		нагар

Таблица 14. Видовой состав костных останков памятников неолита Нижнего Поволжья (по определениям П.А. Косинцева)

	Культуры					
	Сероглазовская			Джангарская	Орловская	
	Каиршак III	Байбек	Тентексор	Джангар	Варфоломеевская	Алгай (раскоп № 1)
Овца – <i>Ovis aries</i>			1/1			
Кулан – <i>Equus hemionus</i>	619/12	1891/9 1	1290/40	615/28	714/19	266/37
Сайга – <i>Saiga tatarica</i>	19/3	48/7	79/9	2006/103	423/17	297/21
Тур – <i>Bos primigenius</i>	1/1	4/2	79/4	55/9	684/11	630/31
Олень благородный – <i>Cervus elaphus</i>	56/5	17/5	3/1	14/6	8/2	4/2
Тарпан – <i>Equus ferus</i>			32/2	298/15	724/21	357/38
Кабан – <i>Sus scrofa</i>		5/2		2/2	18/4	3/2
Собака – <i>Canis familiares</i>	+	8/2			43/5	6/3
Заяц-русак – <i>Lepus europaeus</i>	1/1	1/1		1/1		1/1
Лисица – <i>Vulpes vulpes</i>	3/1	12/4		10/3	18/4	
Волк – <i>Canis lupus</i>	8/2	11/4	+		41/7	
Корсак – <i>Vulpes corsac</i>	2/1	35/8		57/7	13/4	
<i>Gazella</i> sp.				118/24		
Заяц-толай – <i>Lepus tolai</i>		2/1				
Барсук европейский – <i>Meles meles</i>					1/1	
Птицы – <i>Aves</i>	1	1			21	

Таблица 15. Видовой и таксономический состав животных стоянки Приозерная (по определениям Н.В. Росляковой)

Объект/Вид	Определимые											Неопределимые			
	Собака - Canis familiaris	Тур – Bos primigenius	Лошадь дикая – Equus ferus	Кулан – Equus hemionus	Лошадь или кулан – Equus sp.	Благородный олень - Cervus elaphus	Сайга – Saiga tatarica	Волк - Canis lupus	Лисица - Vulpes vulpes	Корсак - Vulpes corsac	Птицы - Aves ind.	Крупные копытные	Средние копытные	Неопределимые	Всего
Уровень 1	-	55/3	4/1	66/3	48/2	1/1	60/3	6/1	-	12/2		822	122	21	1217
Уровень 2	1/1	44/3	9/1	38/2	45/3	-	56/3	-	1/1	-		96	61	14	365
Уровень 3	1/1	37/3	4/1	66/3	36/4	-	37/1	-	-	4/1	1	376	57	1	620
Уровень 4	2/1	31/4	1/1	38/3	22/3	-	56/2	2/1	-	3/1		290	27	25	497
Уровень 5	-	26/3	5/1	28/2	25/2	6/1	18/2	-	-	-		199	7	3	317
Уровень 6	-	16/2	2/1	14/1	18/1	2/1	27/2	1/1	-	-	1	145	43	22	291
Уровень 7	-	4/2	1/1	27/2	5/1	-	18/2	1/1	1/1	4/1		82	27	87	257
Уровень 8	-	1/1	-	5/1	1/1	-	-	-	1/1	4/1		44		14	70
Бровка	1/1	98/4	5/1	60/3	49/3	-	122/3	4/1	3/1	21/2		961	131	207	1662
Всего:	5/1	312/5	31/2	342/7	249/4	9/1	394/6	14/2	6/2	48/2	2	3015	475	394	5296

Таблица 16. Видовой состав охотничьих животных на стоянке Таскудук (раскоп 2022 года) (по определениям Н.В. Росляковой)

Объекты раскопок	Тур – Bos primigenius	Лошадь - Equus ferus	Кулан – Equus hemionus	Лошадь или кулан – Equus sp.	Сайга – Saiga tatarica	Благородный олень - Cervus elaphus	Корсак - Vulpes corsac	ВСЕГО
Пласт 1	63		46	38	26			173
Пласт 2	71	2	64	42	51			230
Пласт 3	108		42	16	40	1		207
Пласт 4	77		54	19	61		2	213
Пласт 5	9		10	2	18		5	44
Пласт 6	2		4	0	2			8
Пласт 7	3		5	0	1			9
Очаг, кв.13-14, пласт 3	3		0	9	25			37
Шурф 2	31		11	0	31			73
Всего на памятнике:	367	2	236	126	255	1	7	994
Всего на памятнике, %	37	0,2	23,7	12,7	25,7	0,1	0,7	100,0

Таблица 17. Видовой состав костных останков памятников энеолита Нижнего Поволжья (по определениям П.А. Косинцева)

	Культуры				
	Прикаспийская		Хвалынская		
	Курпеже-Молла	Орошаемое	Кара-Худук	Каир-Шак VI	Комбак-Тэ
Мелкий рогатый скот – <i>Ovis aries</i> et <i>Capra hircus</i>	120/8	8/3	152/10	168/24	94/47
Крупный рогатый скот – <i>Bos taurus</i>			18/2	22/2	1/1
Кулан – <i>Equus hemionus</i>	78/5	2/1	17/2	21/2	25/3
Сайга – <i>Saiga tatarica</i>	154/5*	13/4	7/2	13/2	3/1
Тарпан – <i>Equus ferus</i>	1/1	10/3		19/2	
Олень благородный – <i>Cervus elaphus</i>	26/2			4/1	5/2
Тур – <i>Bos primigenius</i>	8/1	17/4	3/1		
Корсак – <i>Vulpes corsac</i>			10/1		3/1
Кабан – <i>Sus scrofa</i>		2/1			
Волк – <i>Canis lupus</i>	9/2				
Собака – <i>Canis familiares</i>				4/2	

Таблица 18. Видовой состав костных останков стоянки Алгай по материалам раскопок 2020-2022 гг. (по определениям Н.В. Росляковой)

Объект/Вид	МРС - Ovis/Capra	Собака - Canis familiaris	Тур – Bos primigenius	Лошадь дикая – Equus ferus	Кулан – Equus hemionus	Лошадь или кулан – Equus sp.	Благородный олень - Cervus elaphus	Сайга – Saiga tatarica
Хвалынская культура	3	-	2	6	1	36	-	4
Прикаспийская культура	3	-	17	18	1	12	-	0
Орловская культура	-	9	793	376	24	280	5	989
Орловская культура (раскоп 2022 г)	-	-	188/22	27/7	1/1	26	-	26

Иллюстрации

Рисунок 1. Карта основных неолитических памятников Нижнего Поволжья и сопредельных регионов

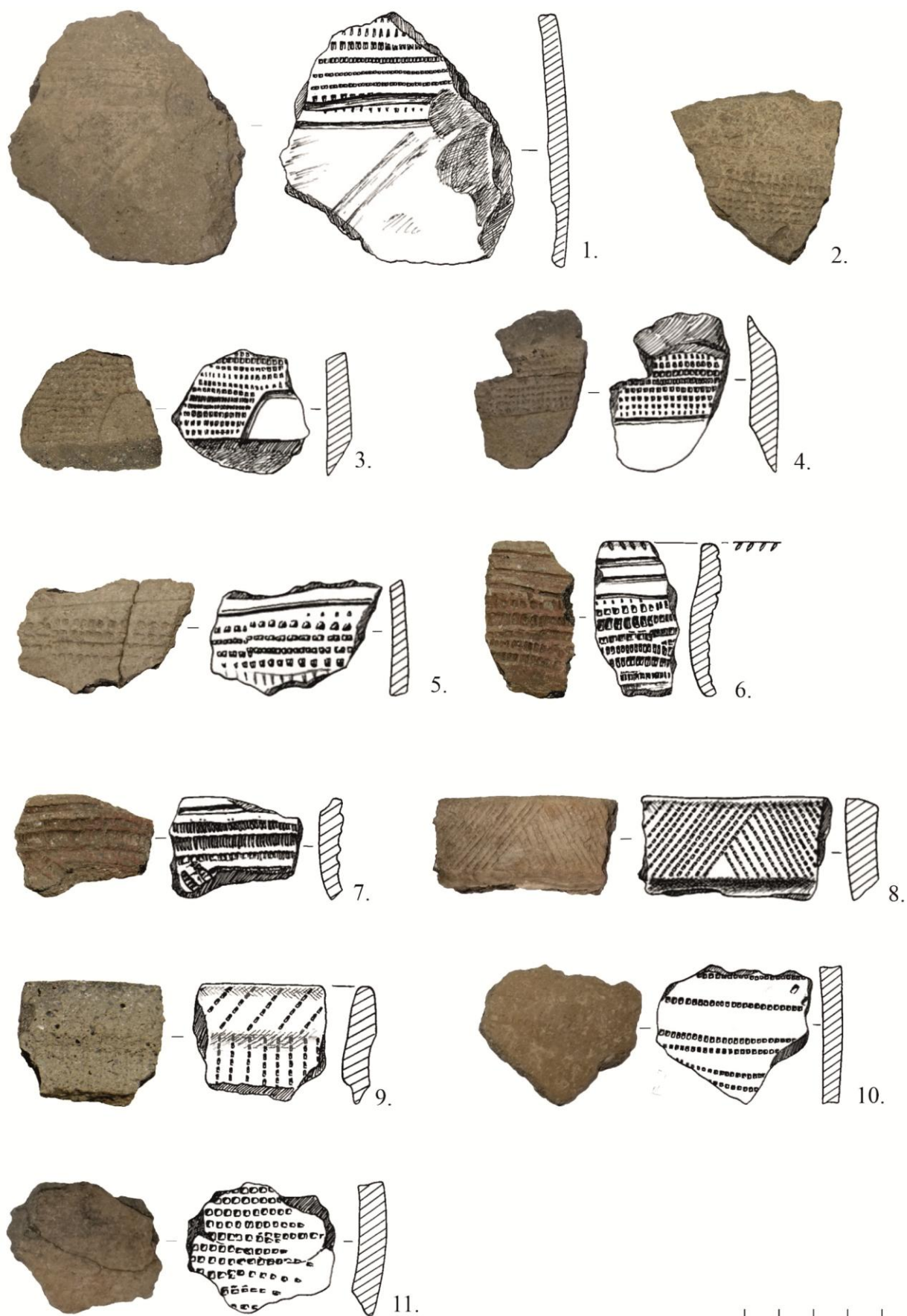

Рисунок 2. Керамика прикаспийской культуры стоянки Курпеже-Молла в Северном Прикаспии

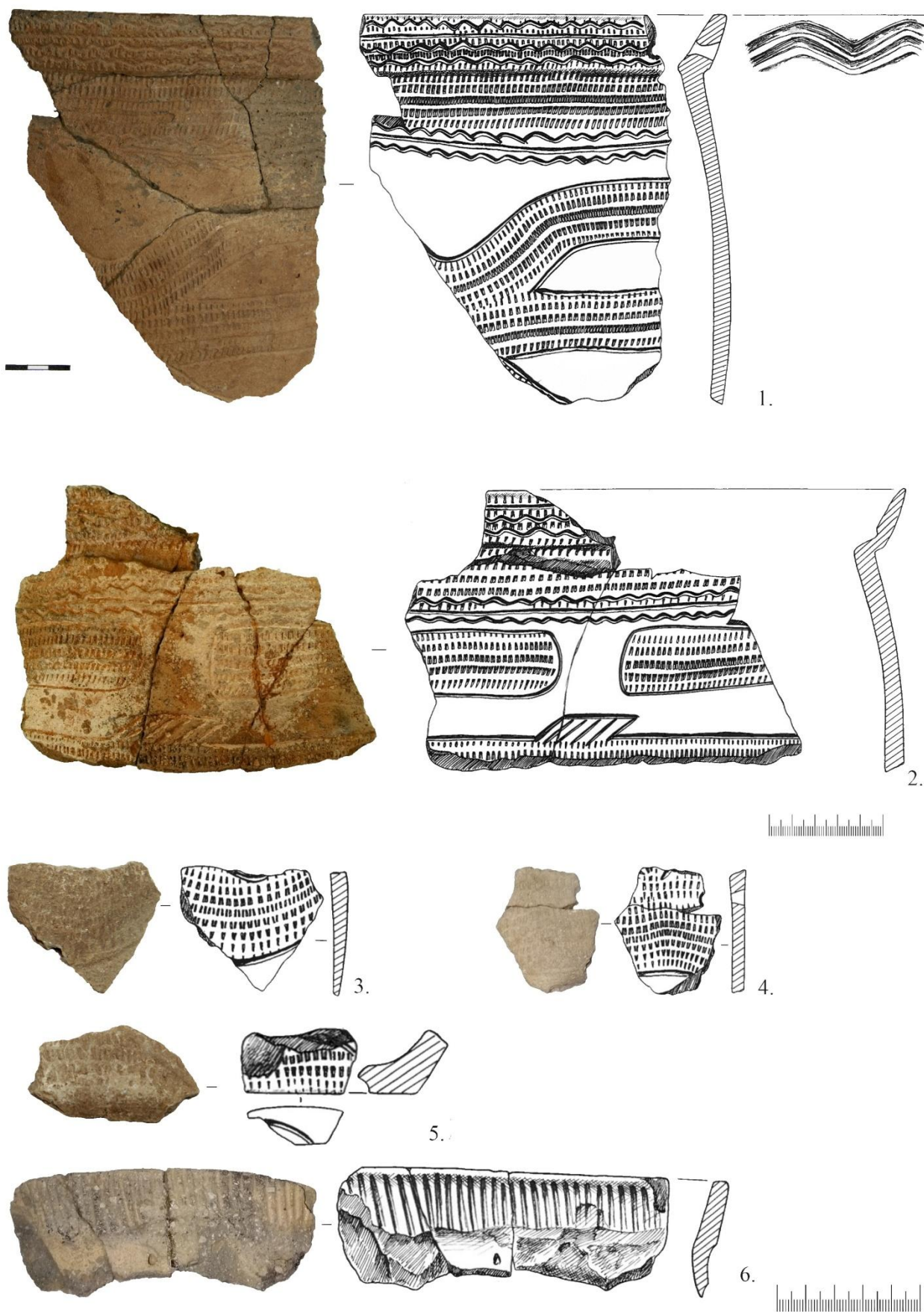

Рисунок 3. Керамика прикаспийской культуры стоянки Курпеже-Молла в Северном Прикаспии

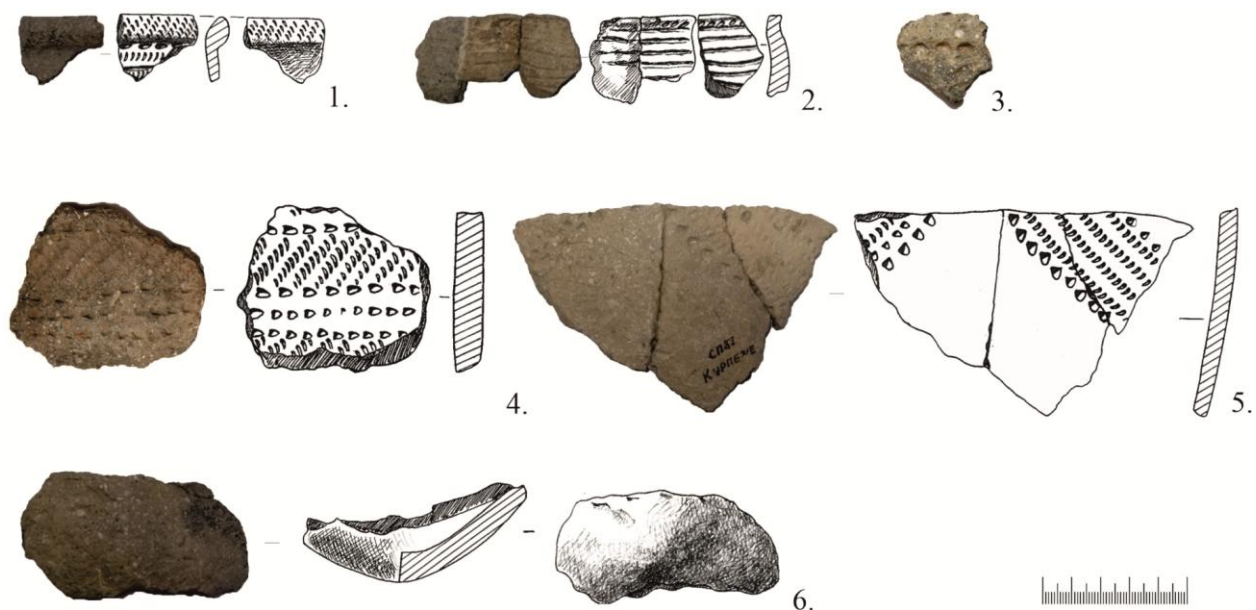

Рисунок 4. Керамика хвалынской культуры стоянки Курпеже-Молла в Северном Прикаспии

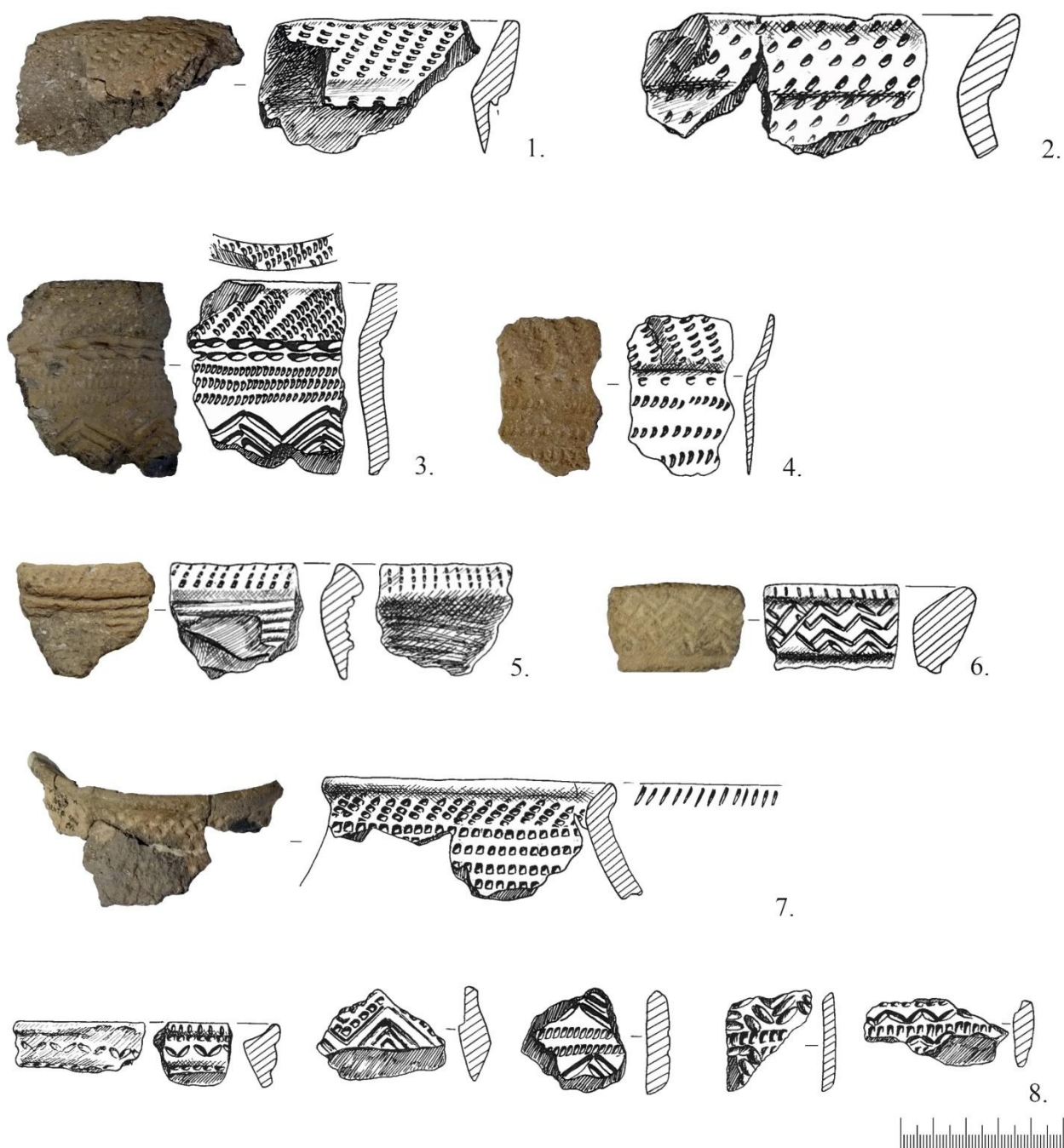

Рисунок 5. Керамика синкретичного типа стоянки Курпеже-Моллла в Северном Прикаспии

Рисунок 6. Каменный инвентарь стоянки Курпеже-Моллла в Северном Прикаспии

Рисунок 7. Каменный инвентарь стоянки Курпеже-Молла в Северном Прикаспии

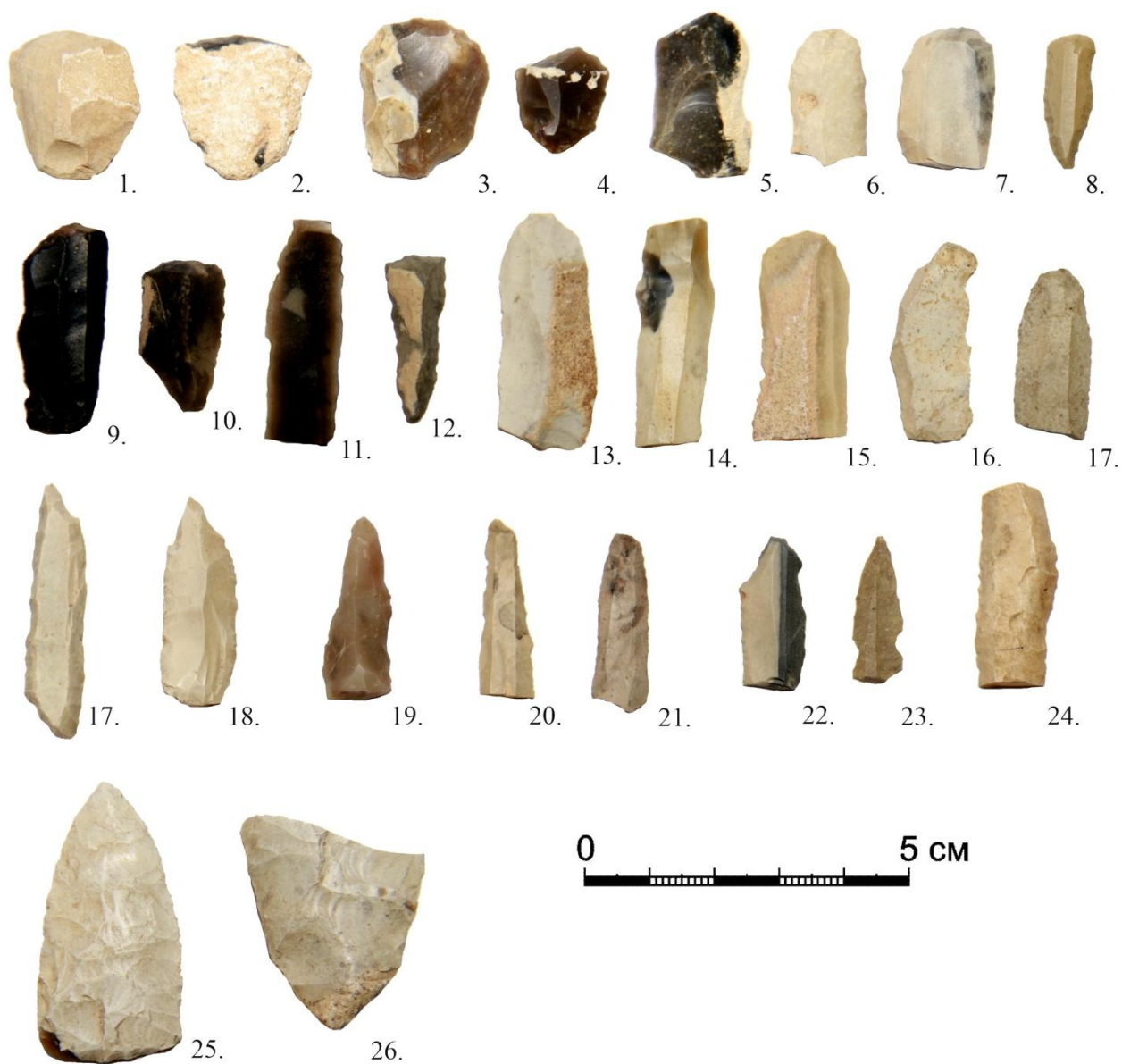

Рисунок 8. Каменный инвентарь стоянки Курпеже-Молла в Северном Прикаспии

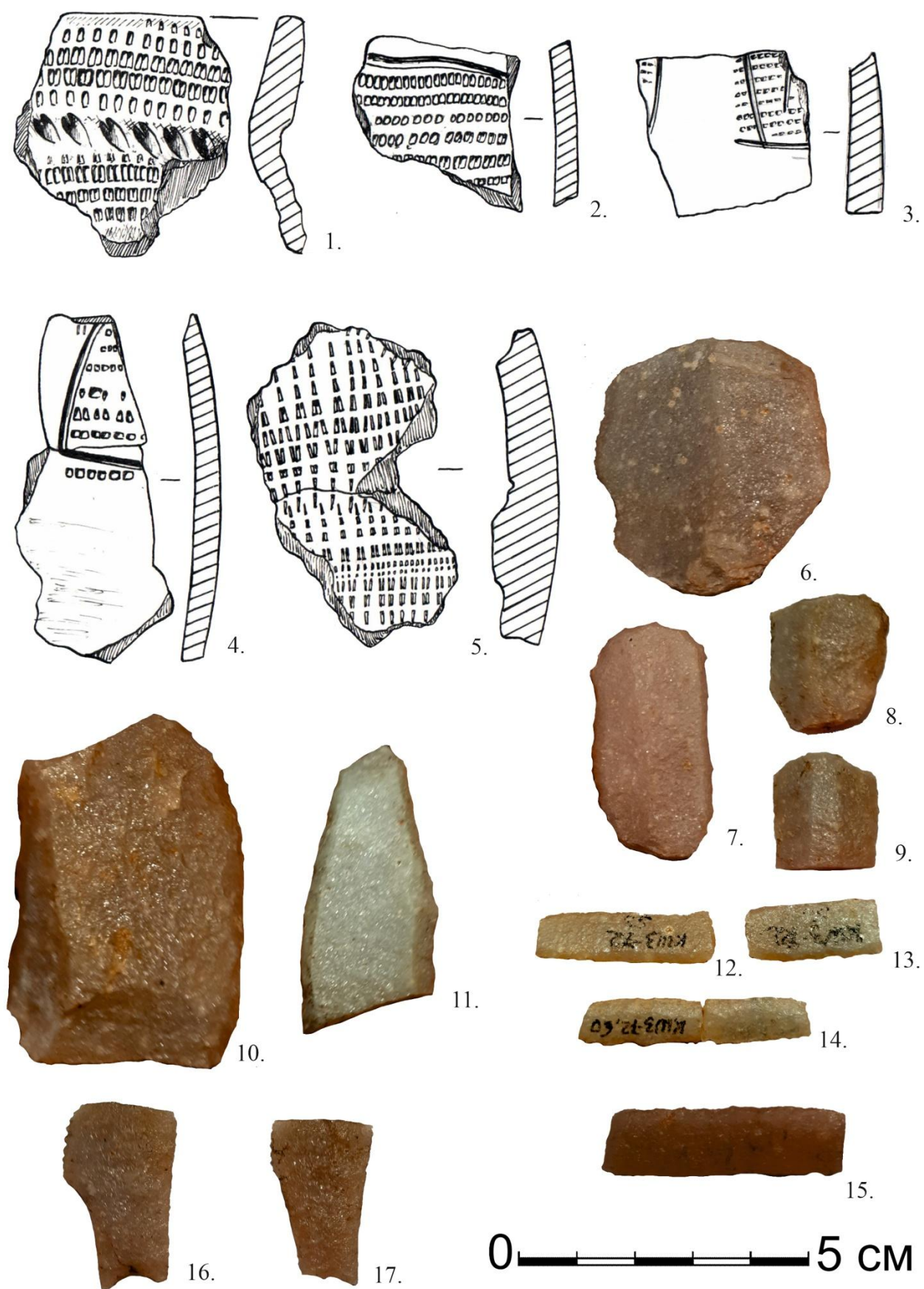

Рисунок 9. Материалы из сборов А.Н. Мелентьева в Северном Прикаспии

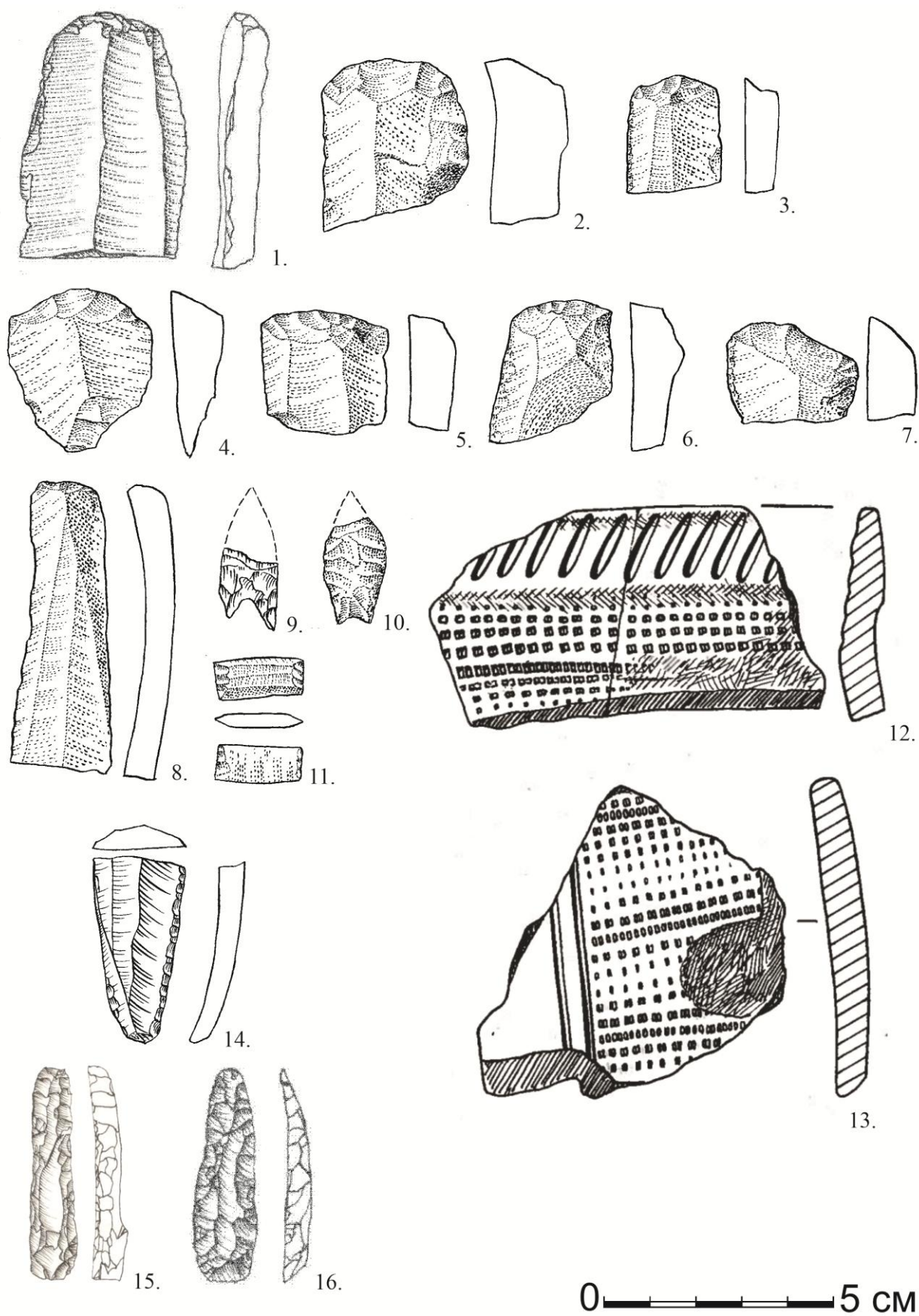

Рисунок 10. Материалы стоянки Истай II в Северном Прикаспии

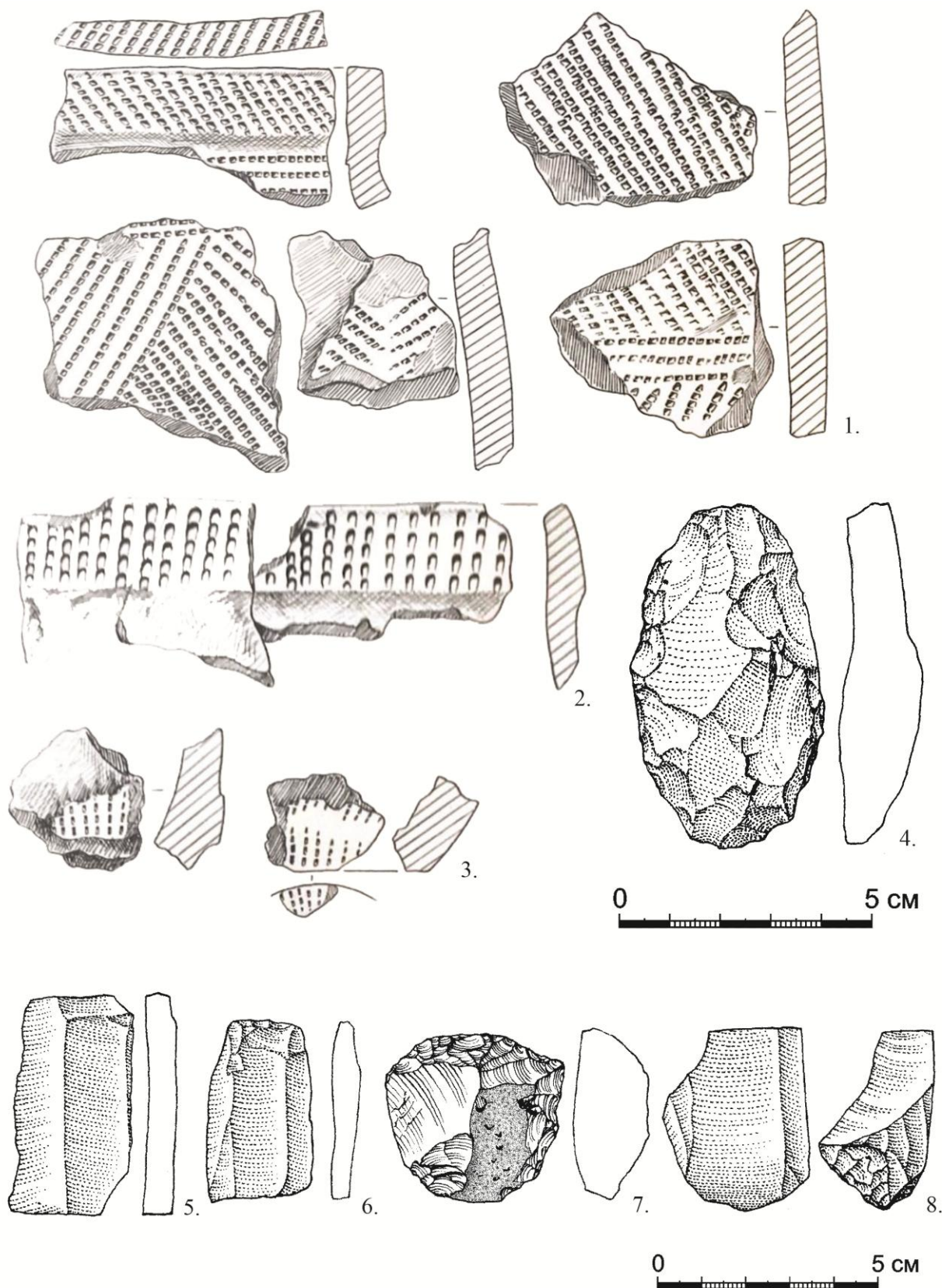

Рисунок 11. Керамика пунктов 35 км (1, 4-8) и Кадыр-Гали-Стау (2-3) в Северном Прикаспии

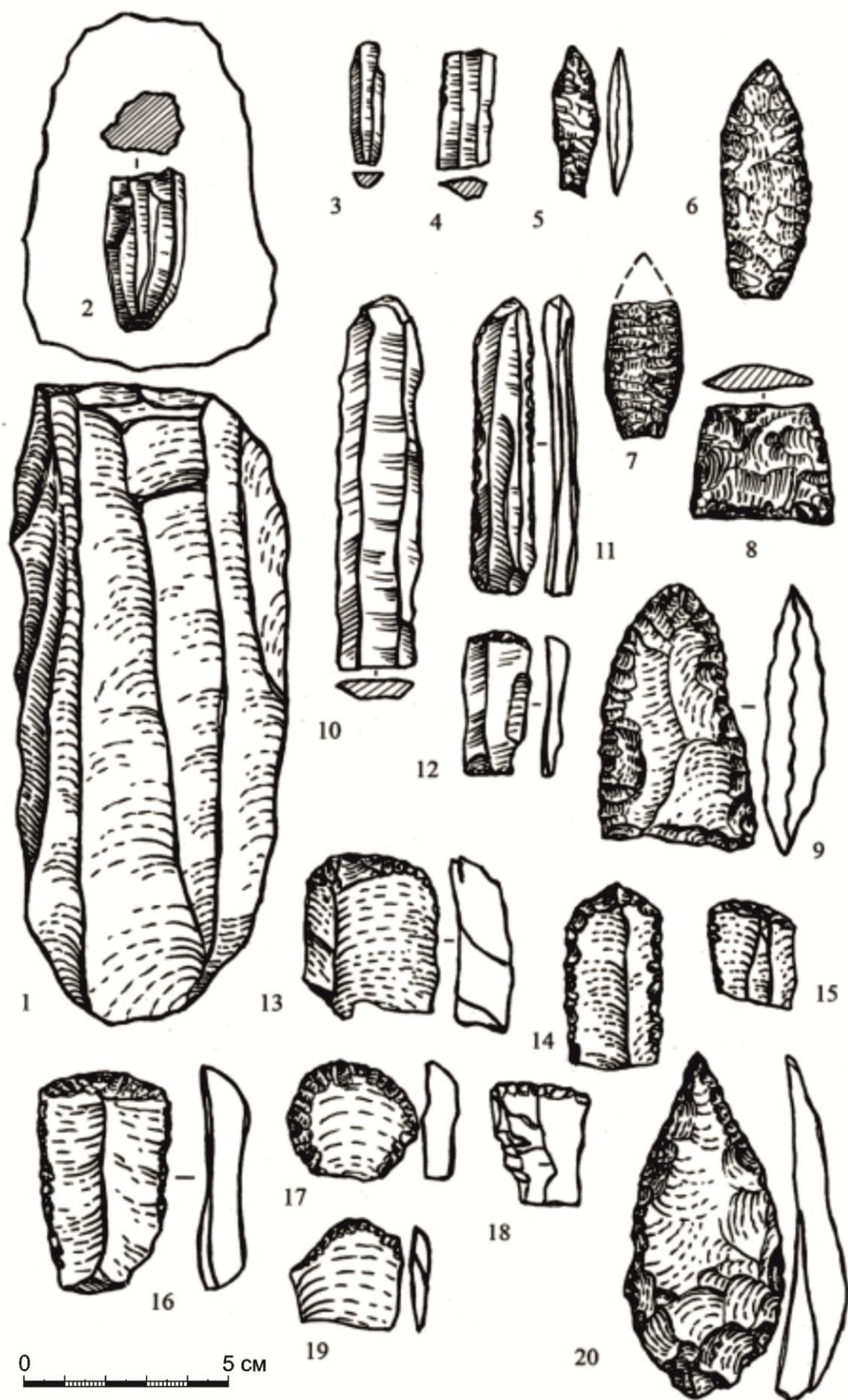

Рисунок 12. Материалы стоянки Озинки I в степном Поволжье (по А.И. Юдину)

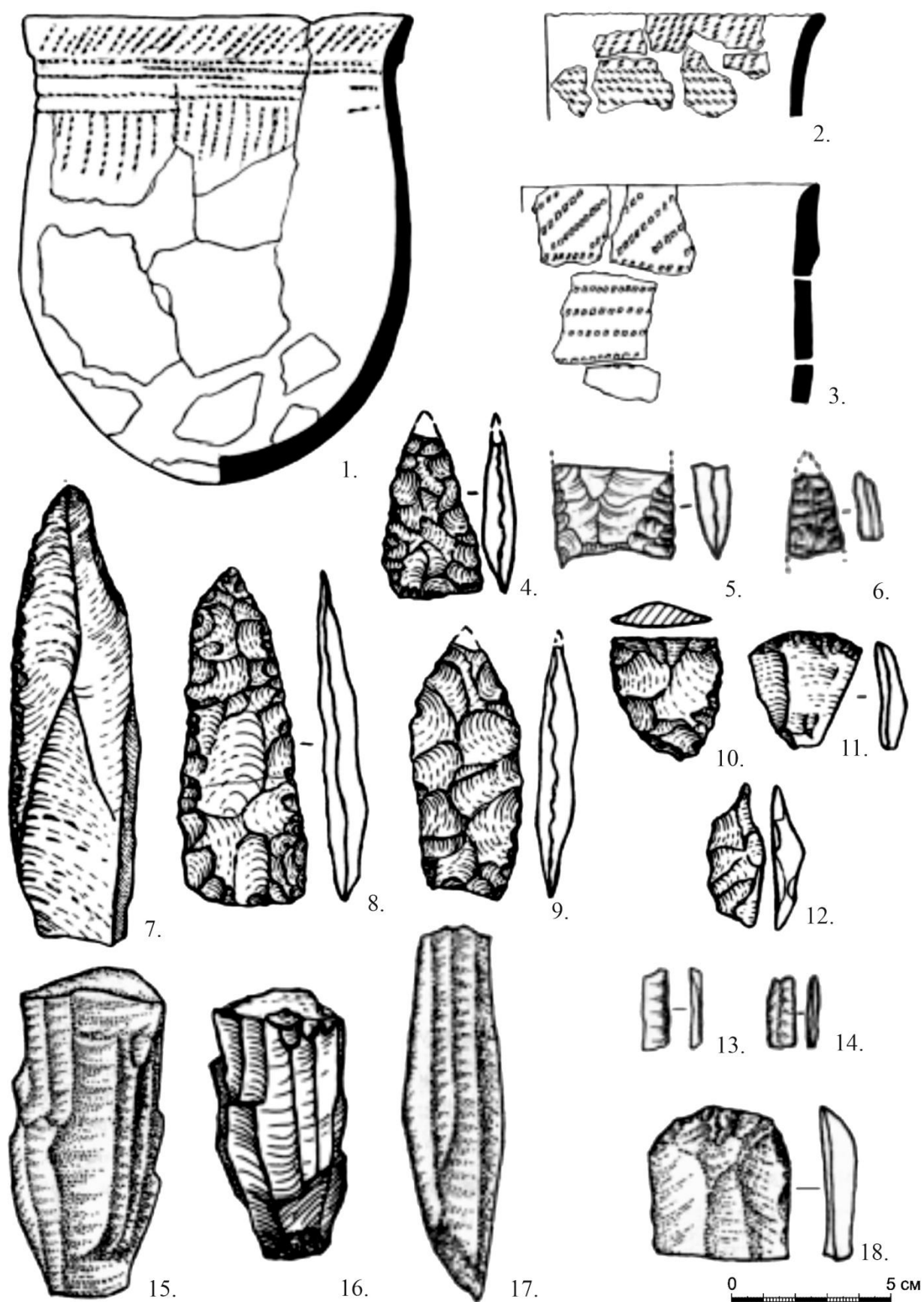

Рисунок 13. Материалы стоянки Озинки II в степном Поволжье (по А.И. Юдину)

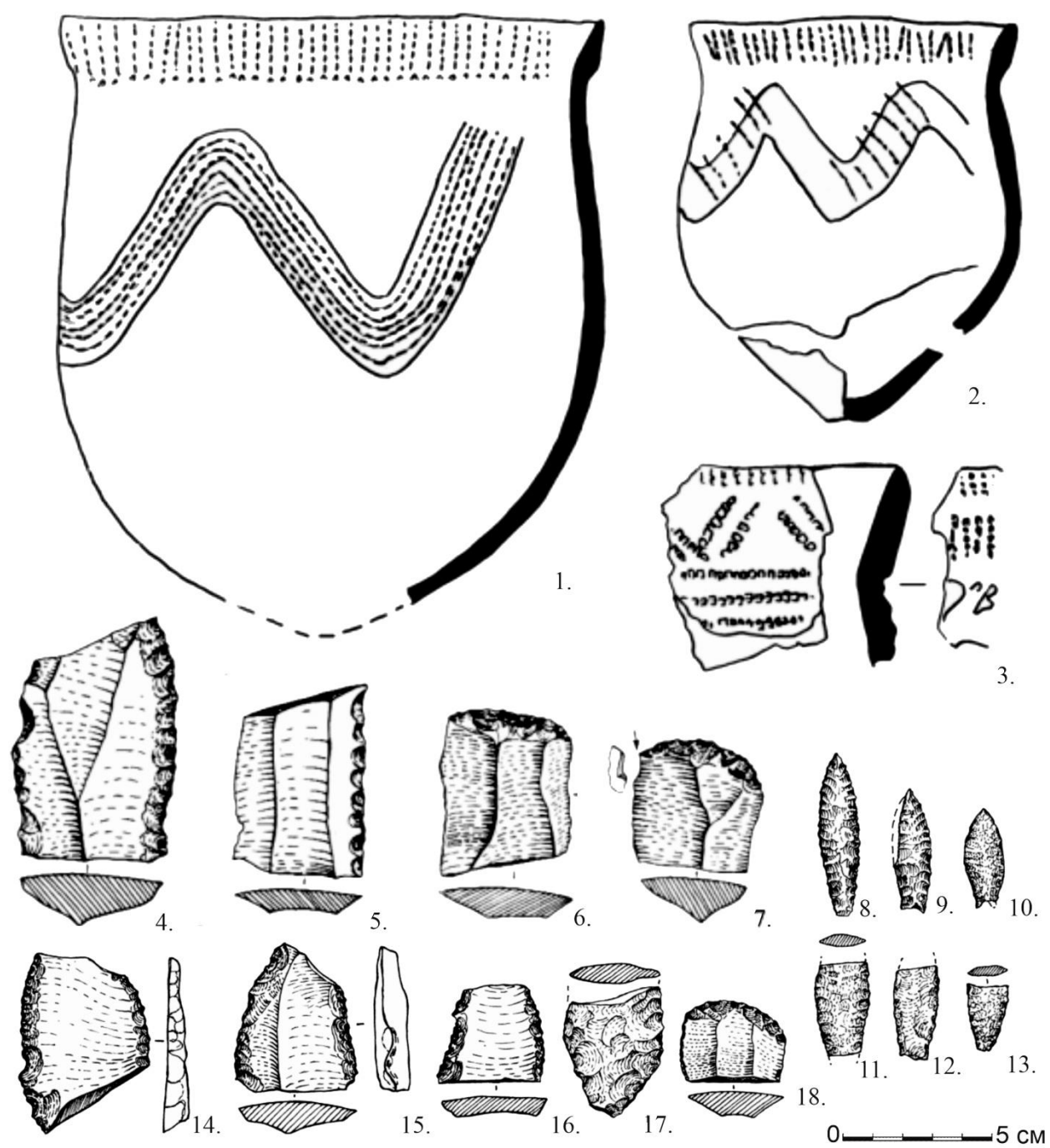

Рисунок 14. Материалы стоянок Кузнецово I (1-3), Кушумская (4-7), Лебяжий Дол (8-18) в степном Поволжье (по А.И. Юдину)

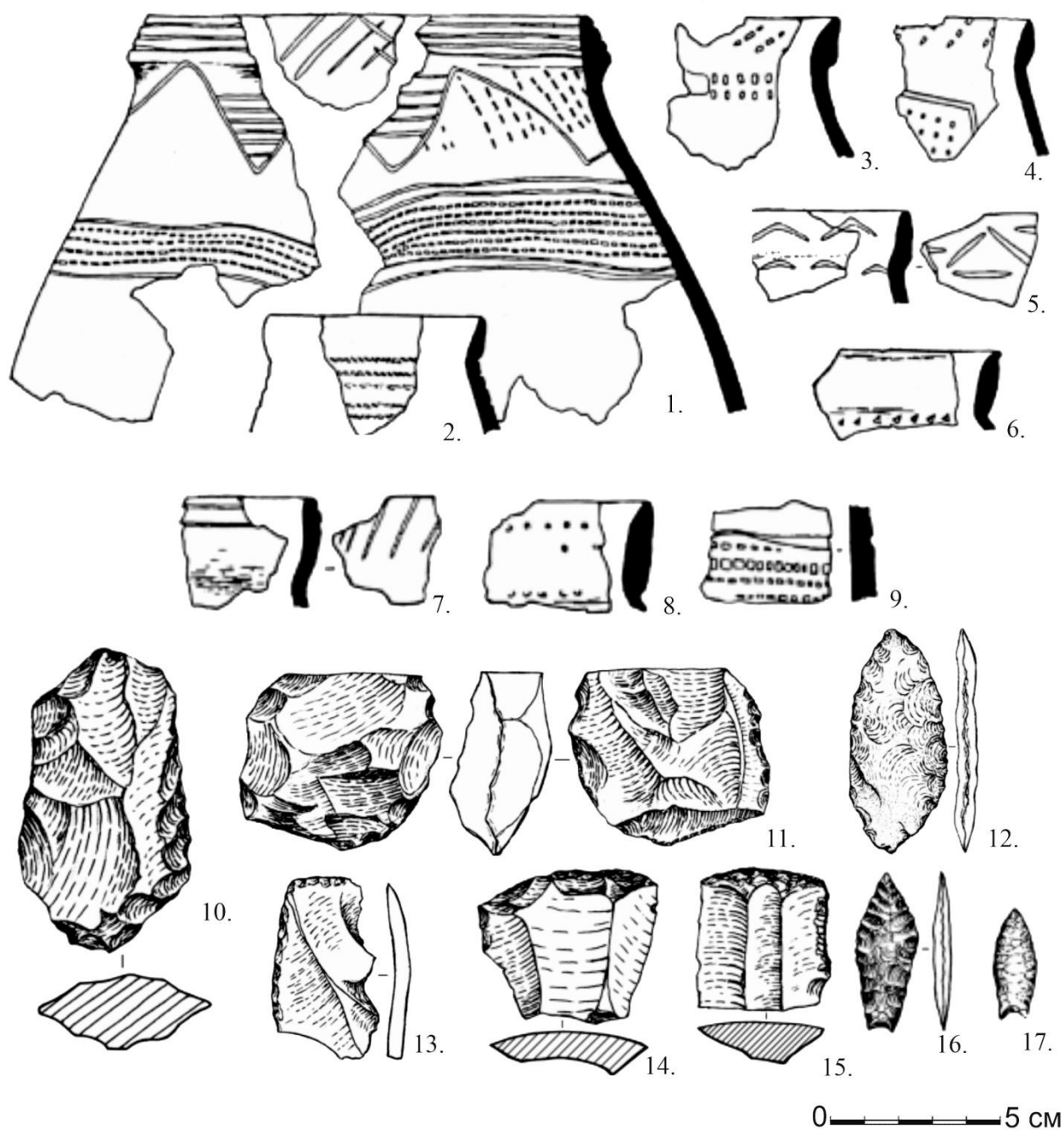

Рисунок 15. Материалы прикаспийской культуры поселения Кумыска в степном Поволжье (по А.И. Юдину)

Рисунок 16. Материалы прикаспийской культуры стоянки Варфоломеевская в степном Поволжье (по А.И. Юдину)

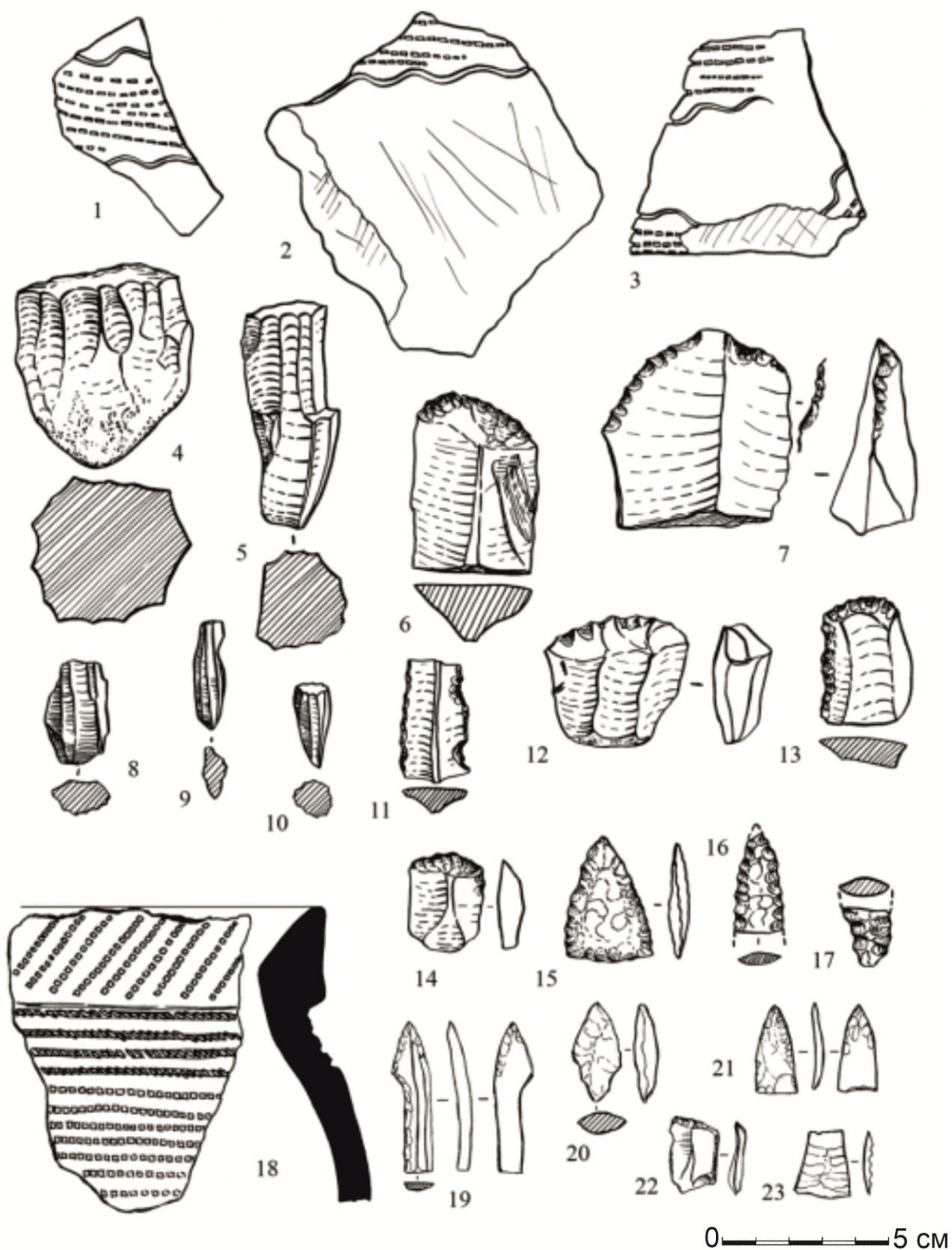

Рисунок 17. Материалы стоянок Резвое (1-17) и Скатовское (18-23) в степном Поволжье (по А.И. Юдину)

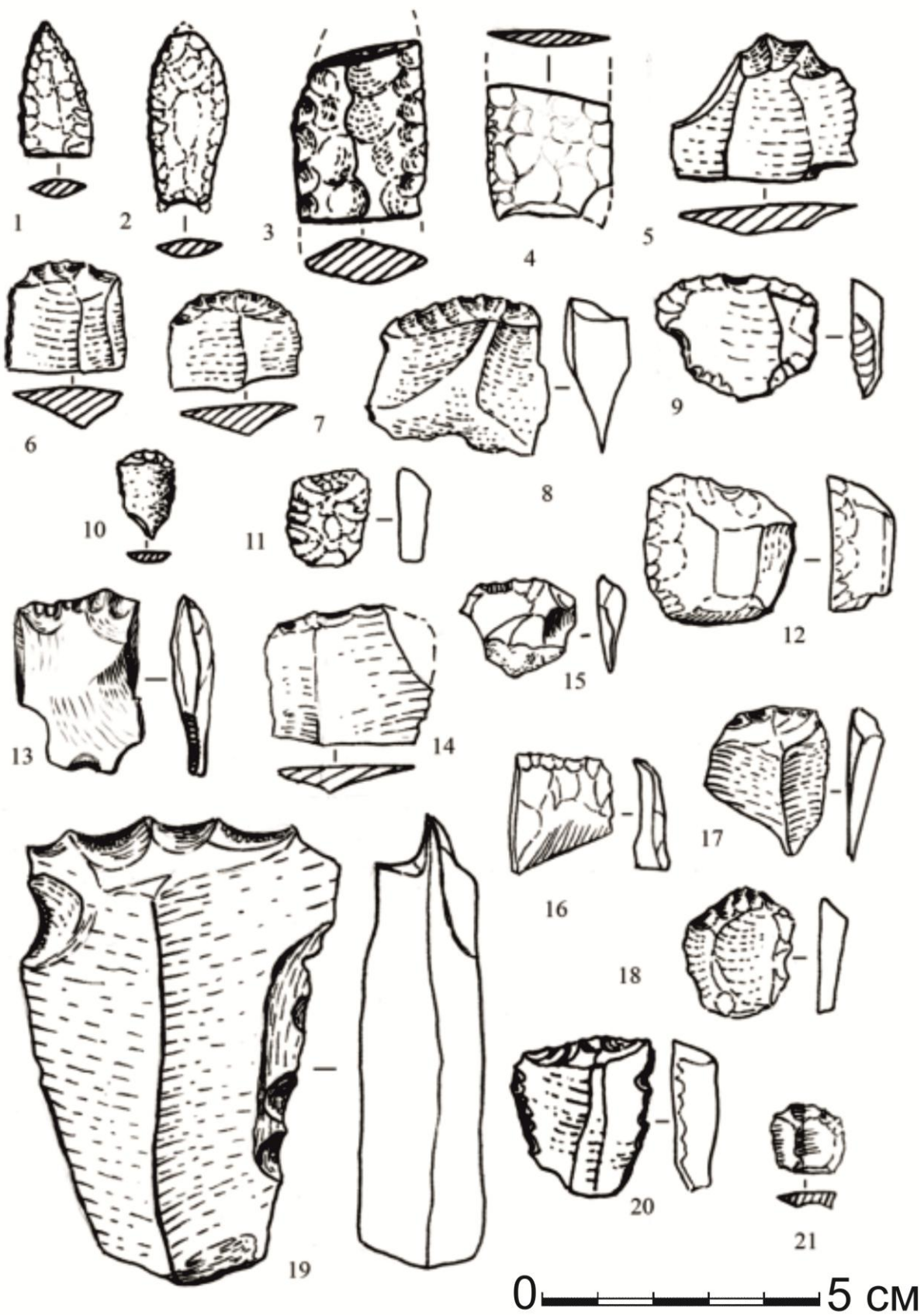

Рисунок 18. Материалы стоянки Передовое в степном Поволжье (по А.И. Юдину)

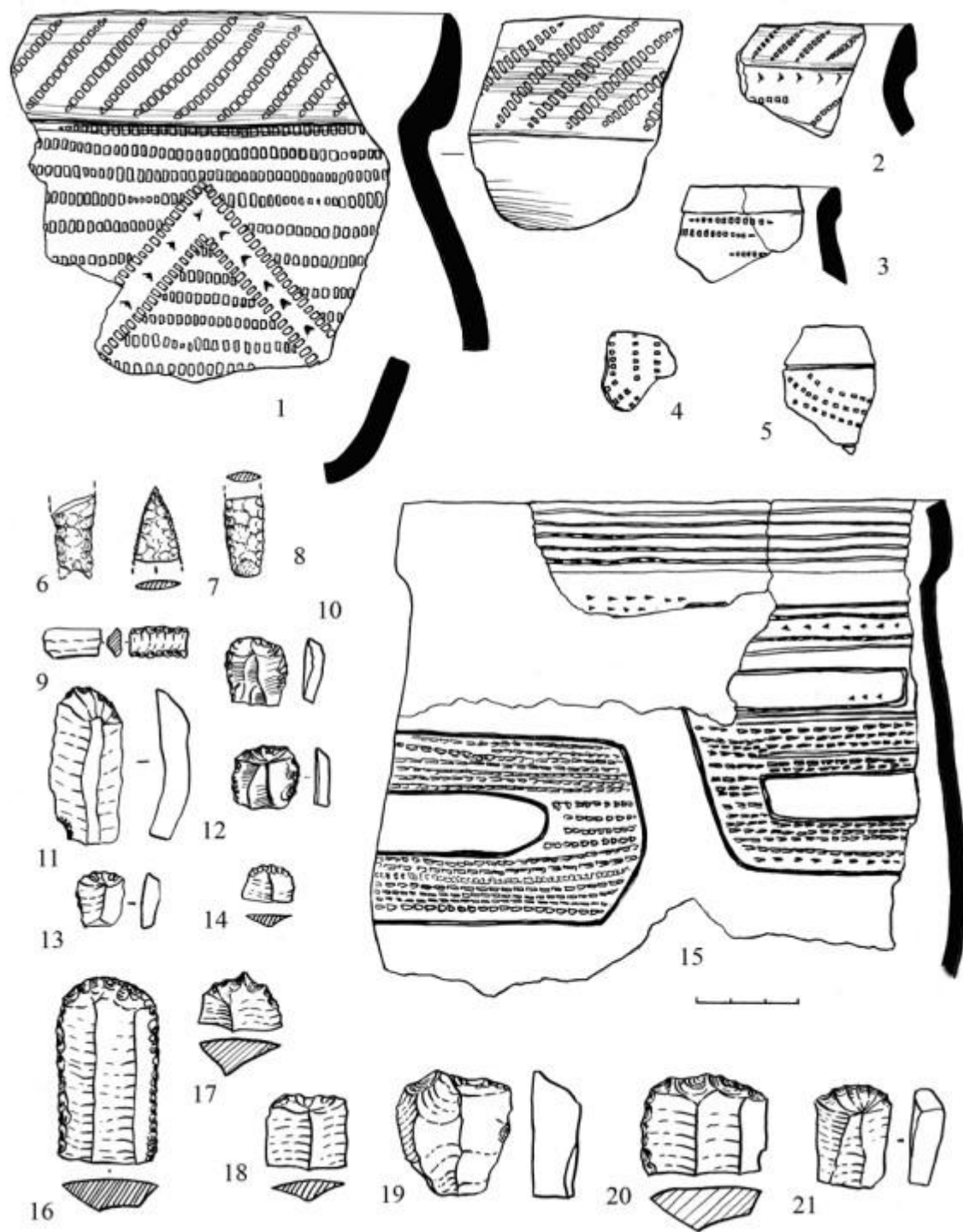

Рисунок 19. Материалы стоянки Орошаемое в степном Поволжье (по А.И. Юдину)

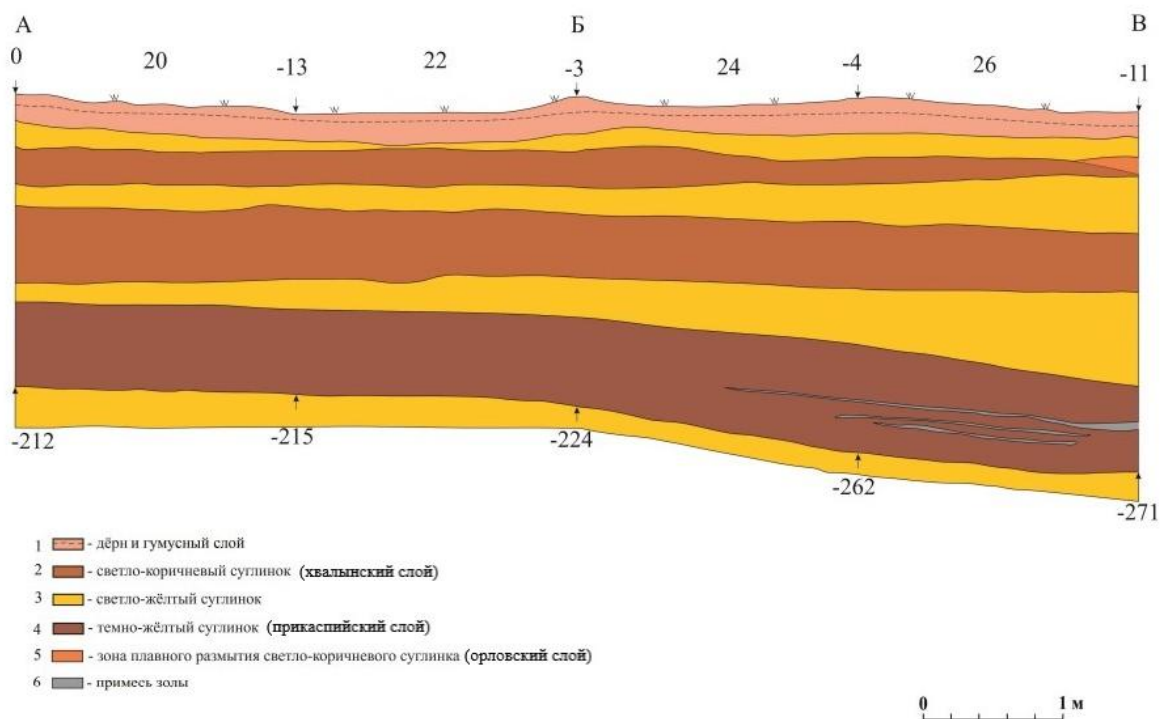

Рисунок 20. Стратиграфия стоянки Орошаемое в степном Поволжье (раскоп 2019 года)

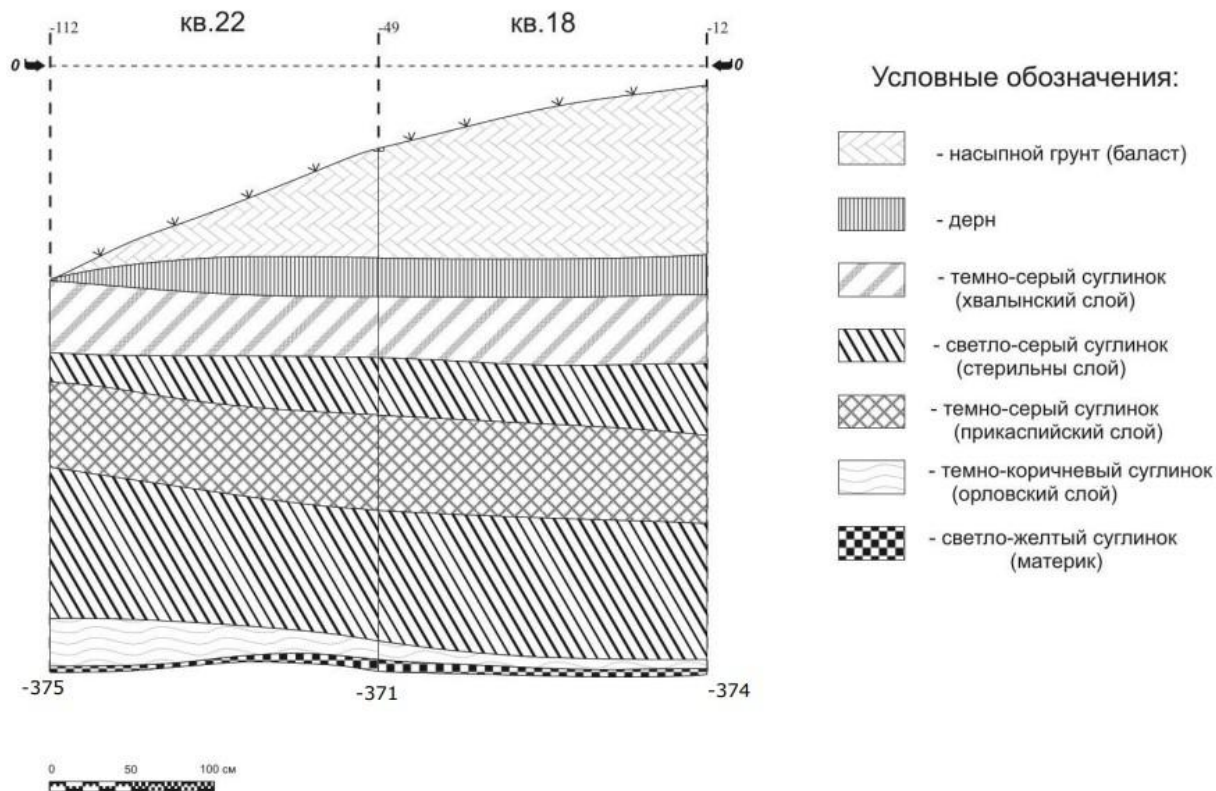

Рисунок 21. Стратиграфия стоянки Алгай в степном Поволжье (раскоп Алгай 2 2020 года)

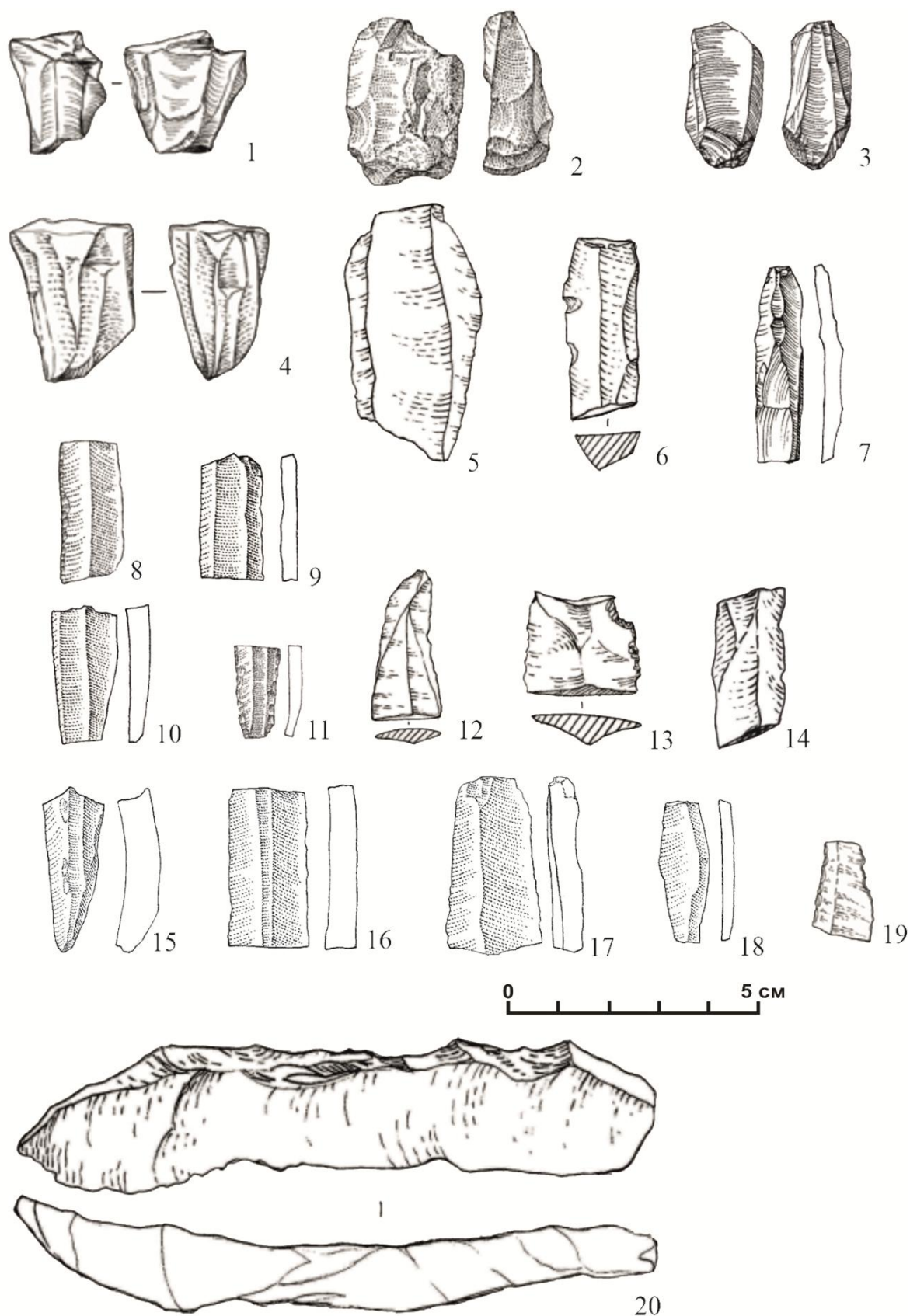

Рисунок 22. Нуклеусы (1-4) и пластины (5-20) из прикаспийского слоя стоянок Орошаемое и Алгай в степном Поволжье

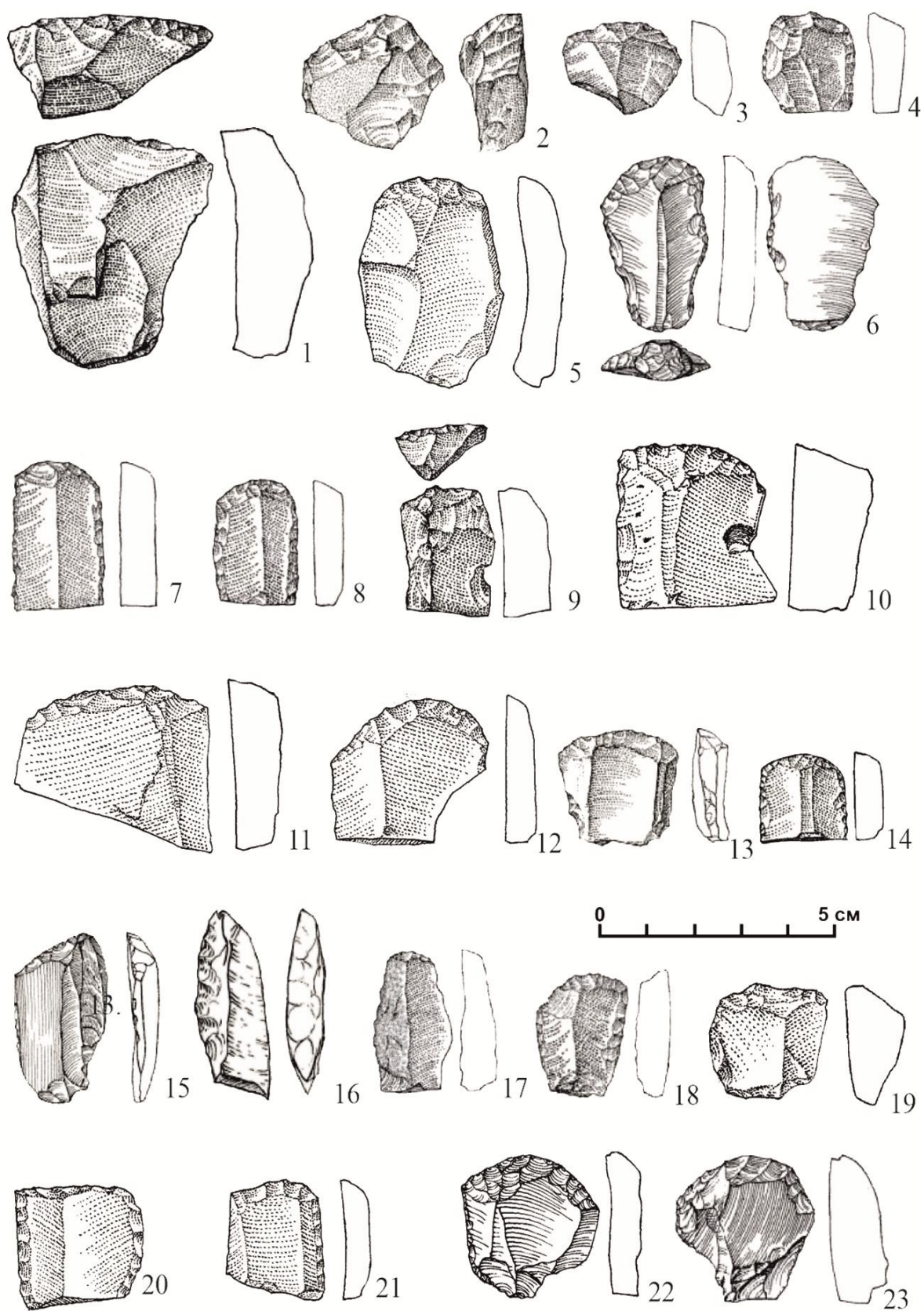

Рисунок 23. Скребки из прикаспийского слоя стоянок Орошаемое и Алгай в степном Поволжье

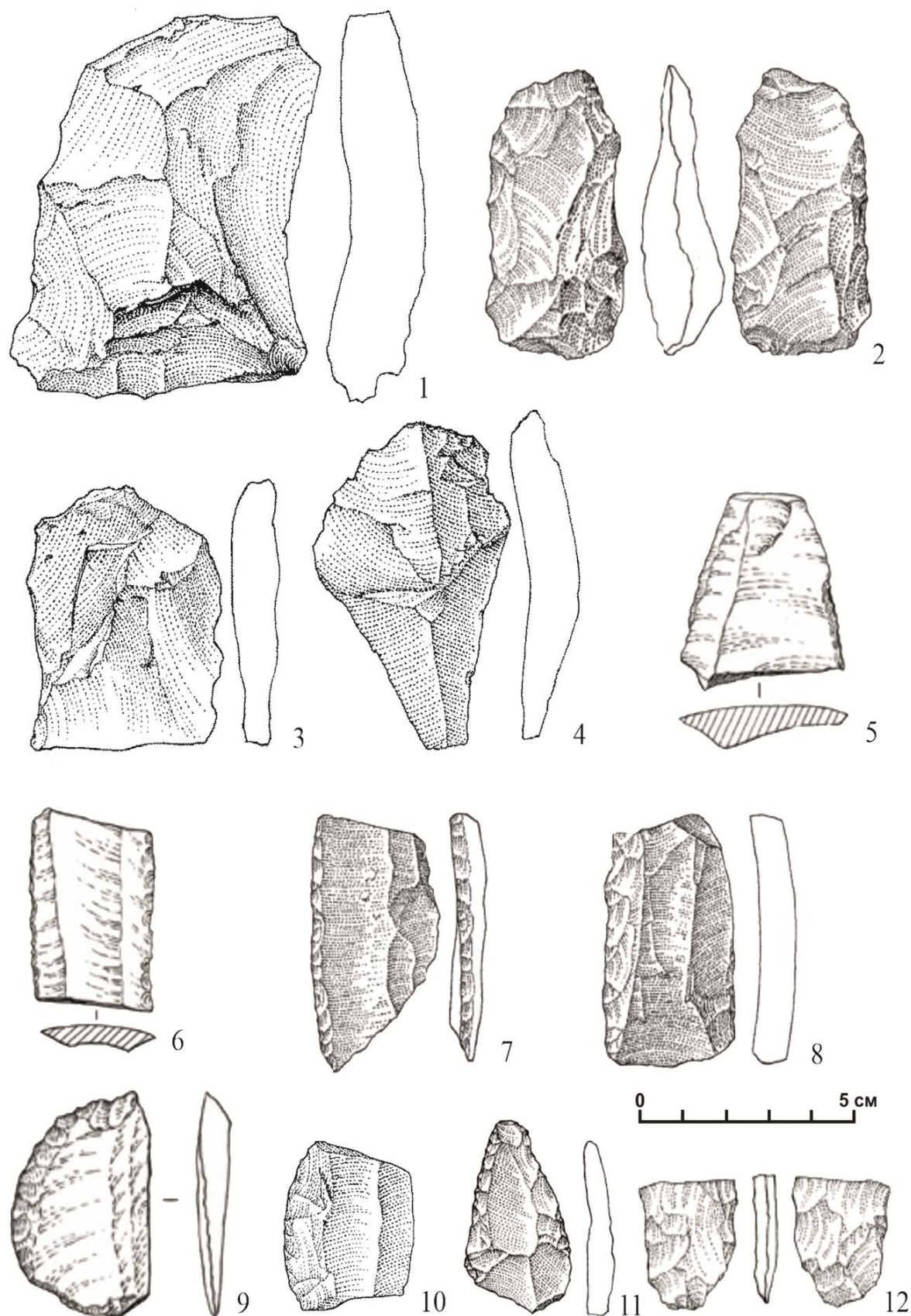

Рисунок 24. Сколы (1-4) и ножи (5-12) из прикаспийского слоя стоянок Орошаемое и Алгай в степном Поволжье

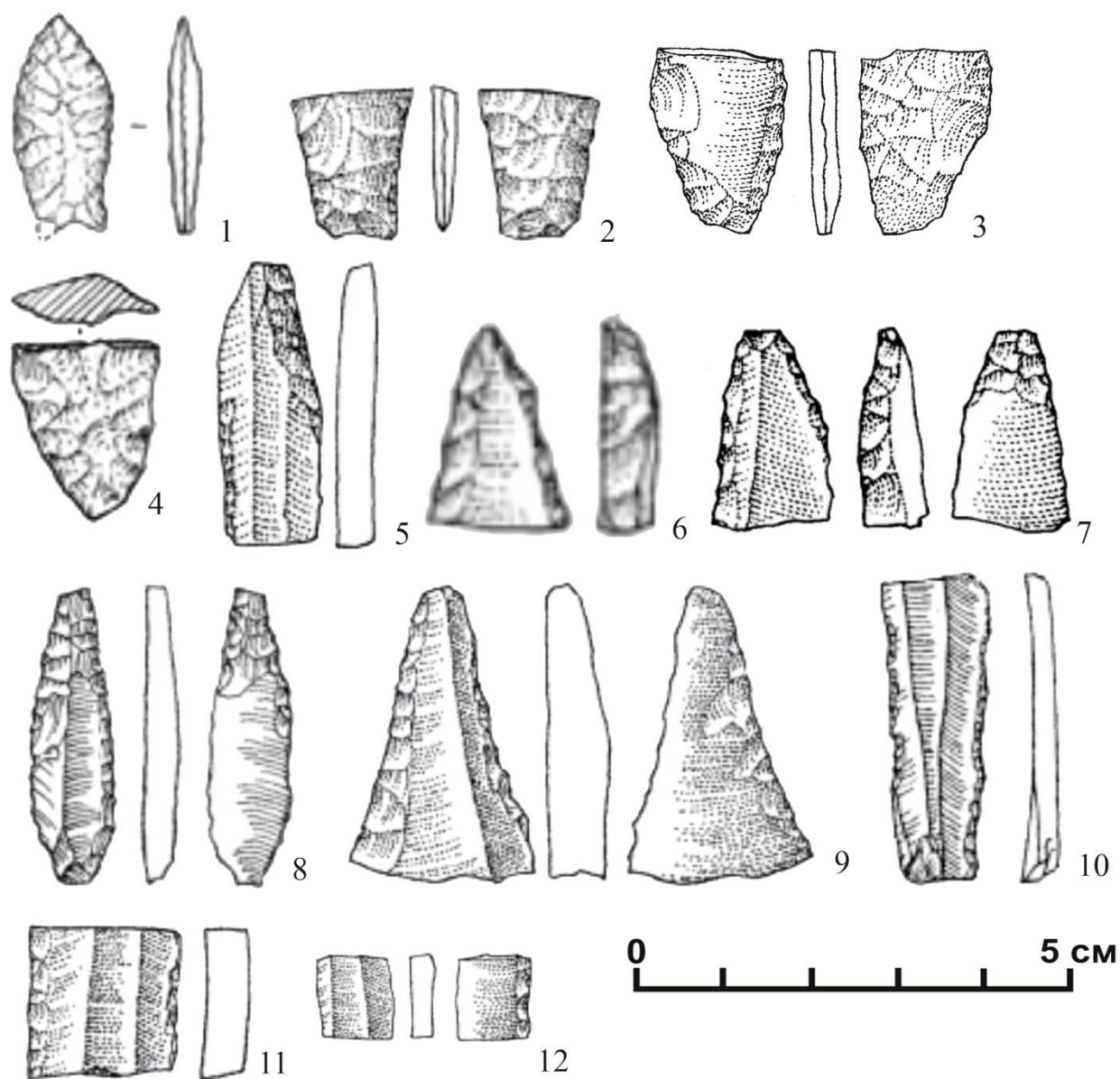

Рисунок 25. Наконечники (1-4), острия (5-9) и «вкладыши» (10-12) из прикаспийского слоя стоянок Орошаемое и Алгай в степном Поволжье

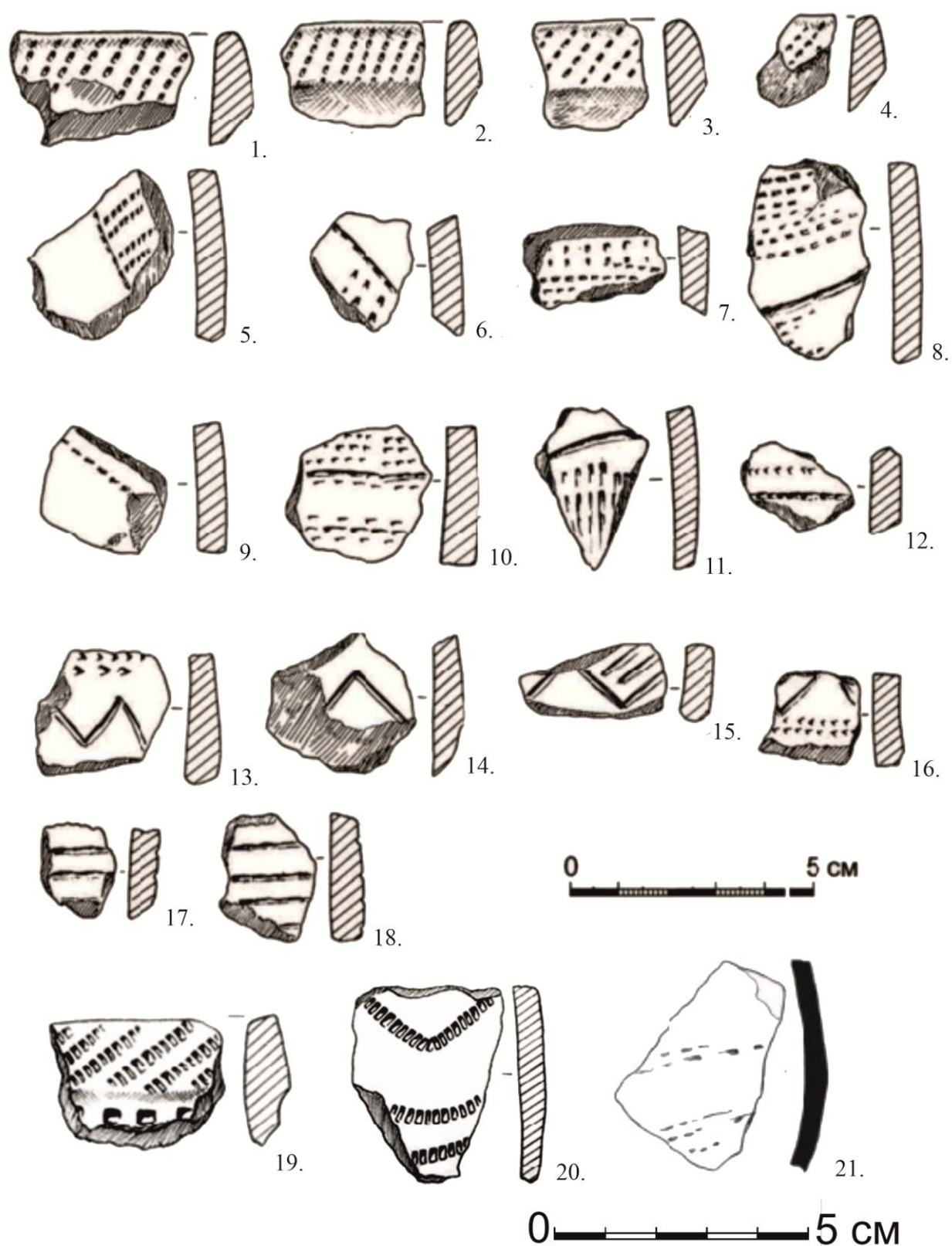

Рисунок 26. Керамика из прикаспийского слоя стоянки Орошаемое в степном Поволжье

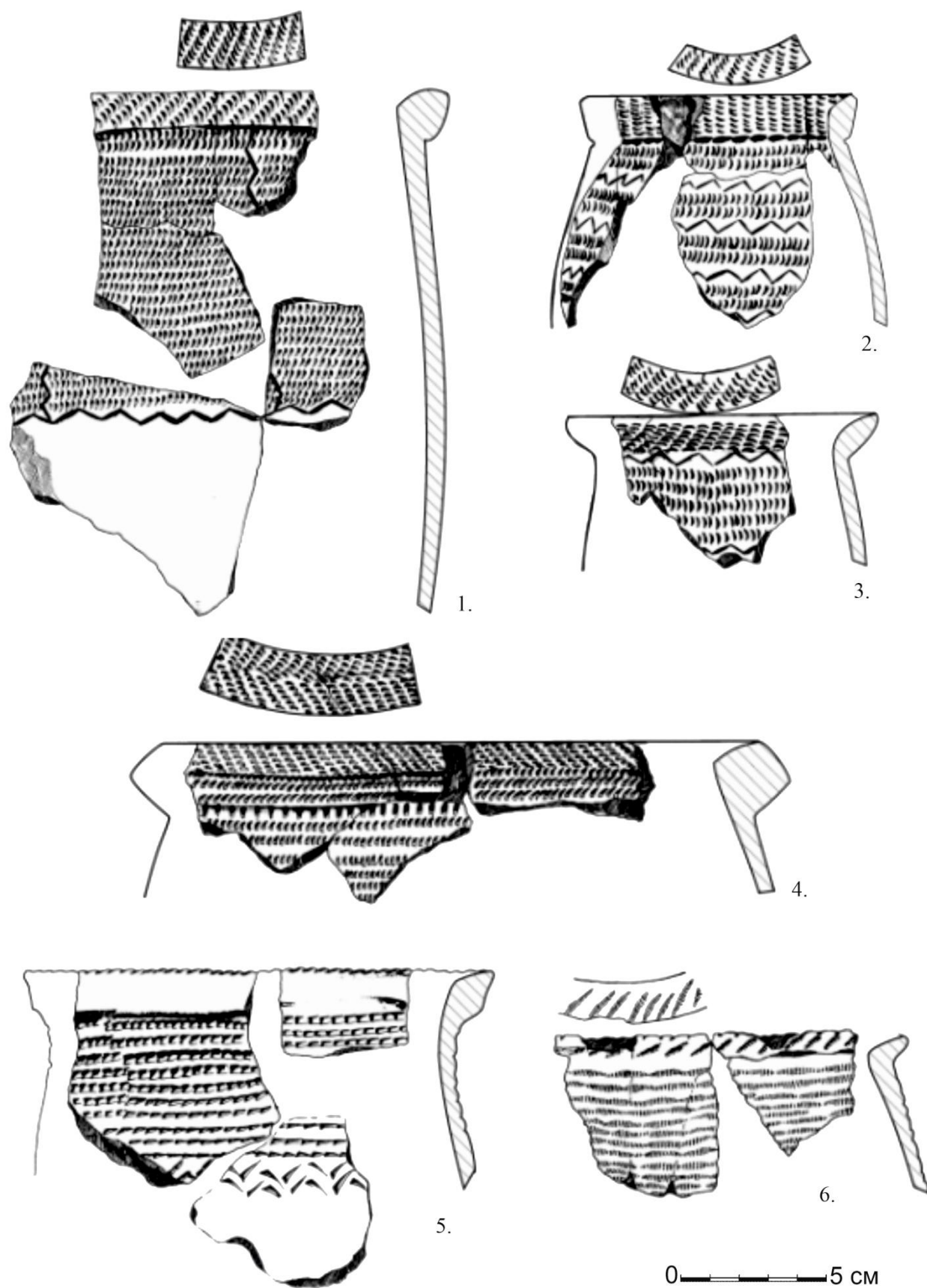

Рисунок 27. Керамика стоянки Кара-Худук в Северном Прикаспии

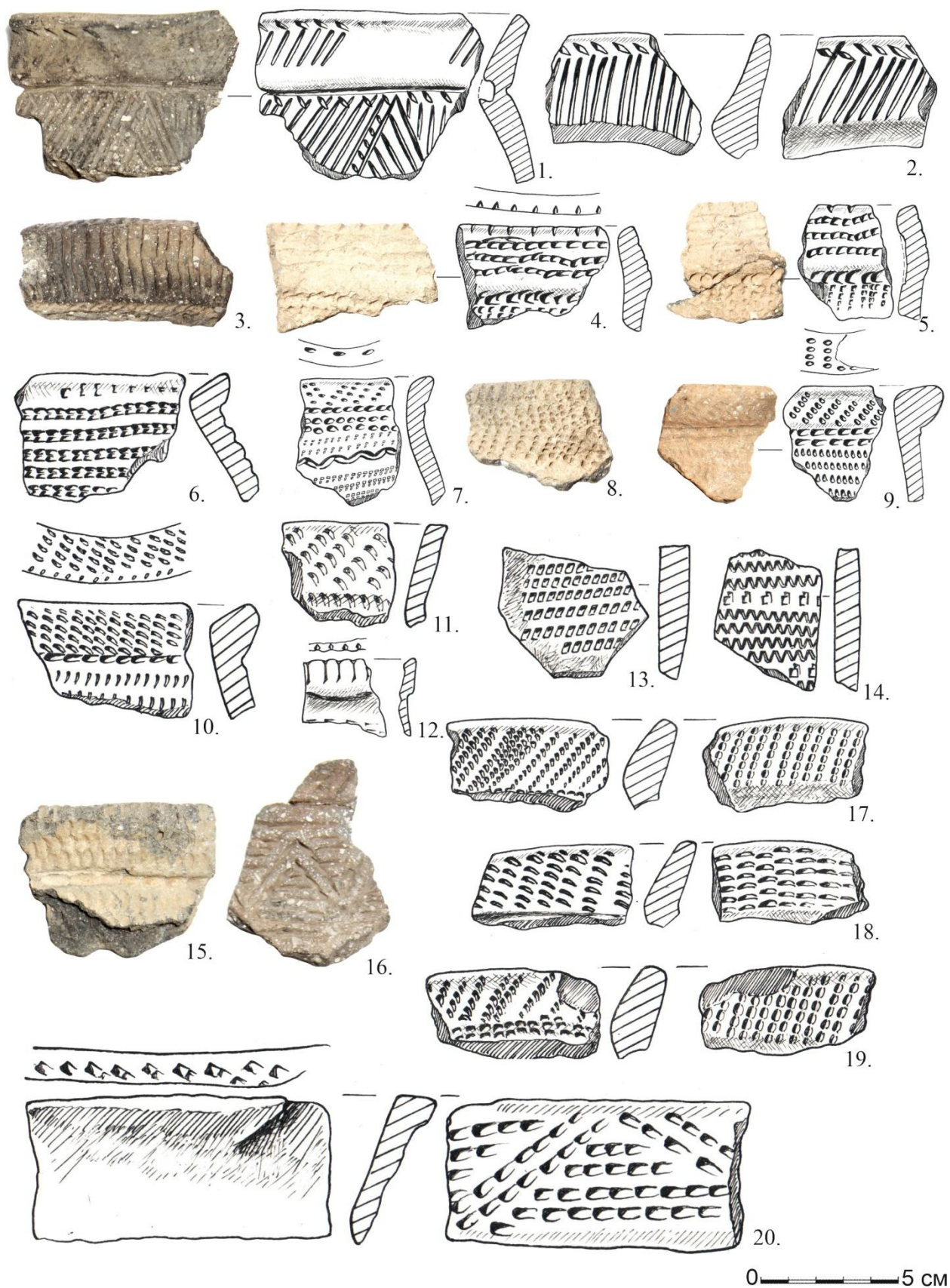

Рисунок 28. Керамика стоянок Кара-Худук (1-16) и Каир-Шак VI (17-20) в Северном Прикаспии

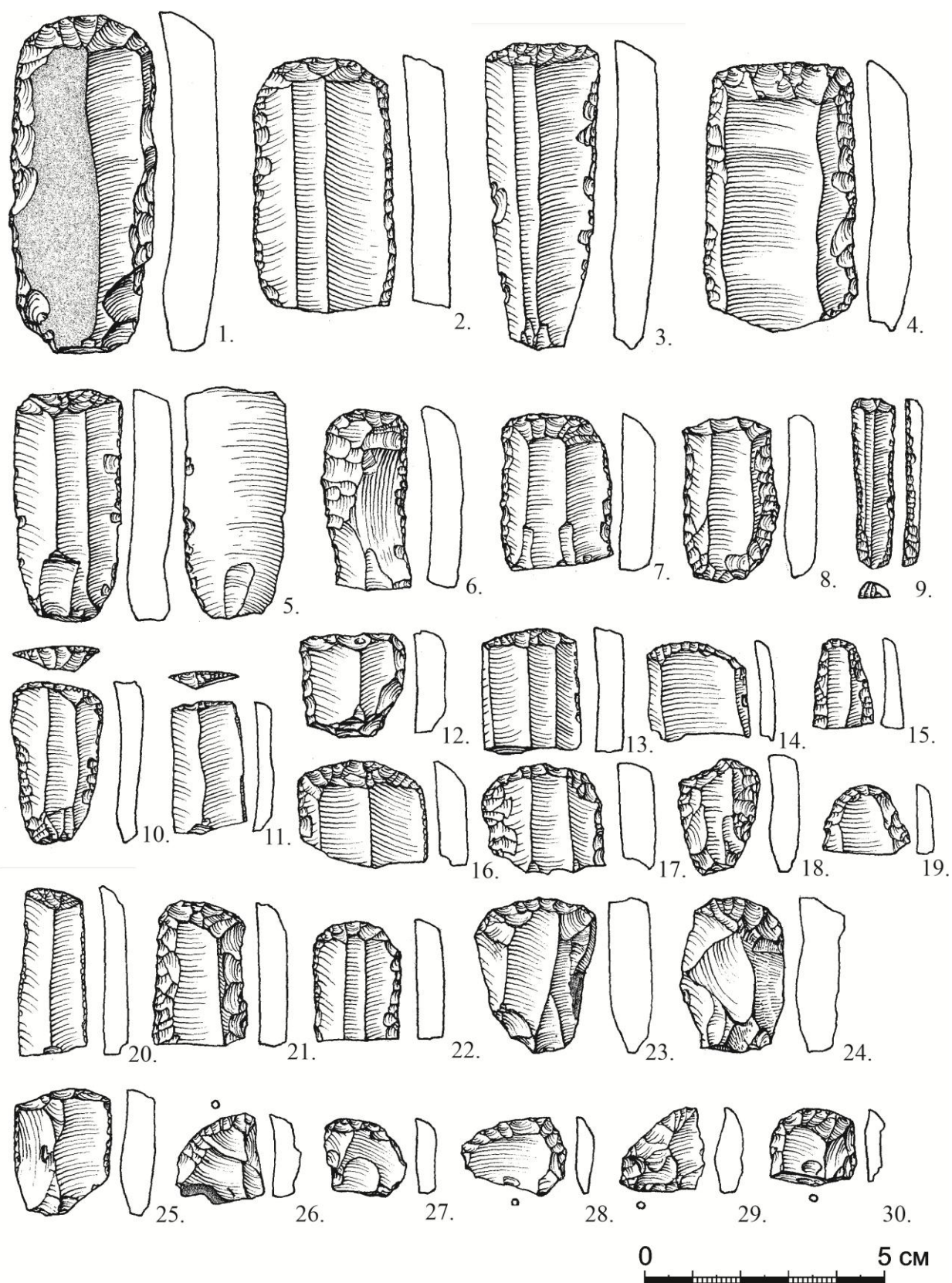

Рисунок 29. Каменный инвентарь (скребки) стоянки Кара-Худук в Северном Прикаспии

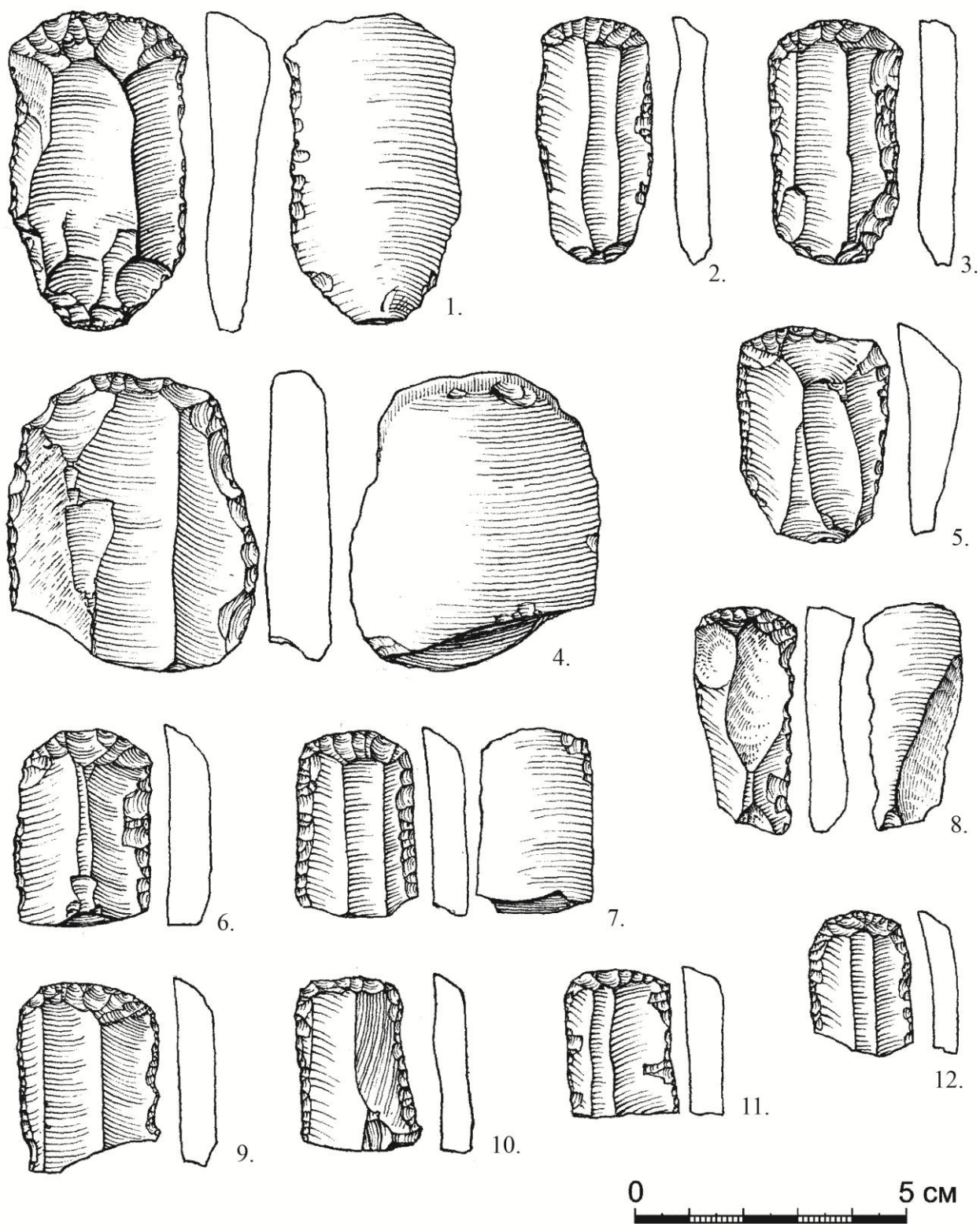

Рисунок 30. Каменный инвентарь (скребки) стоянки Кара-Худук в Северном Прикаспии

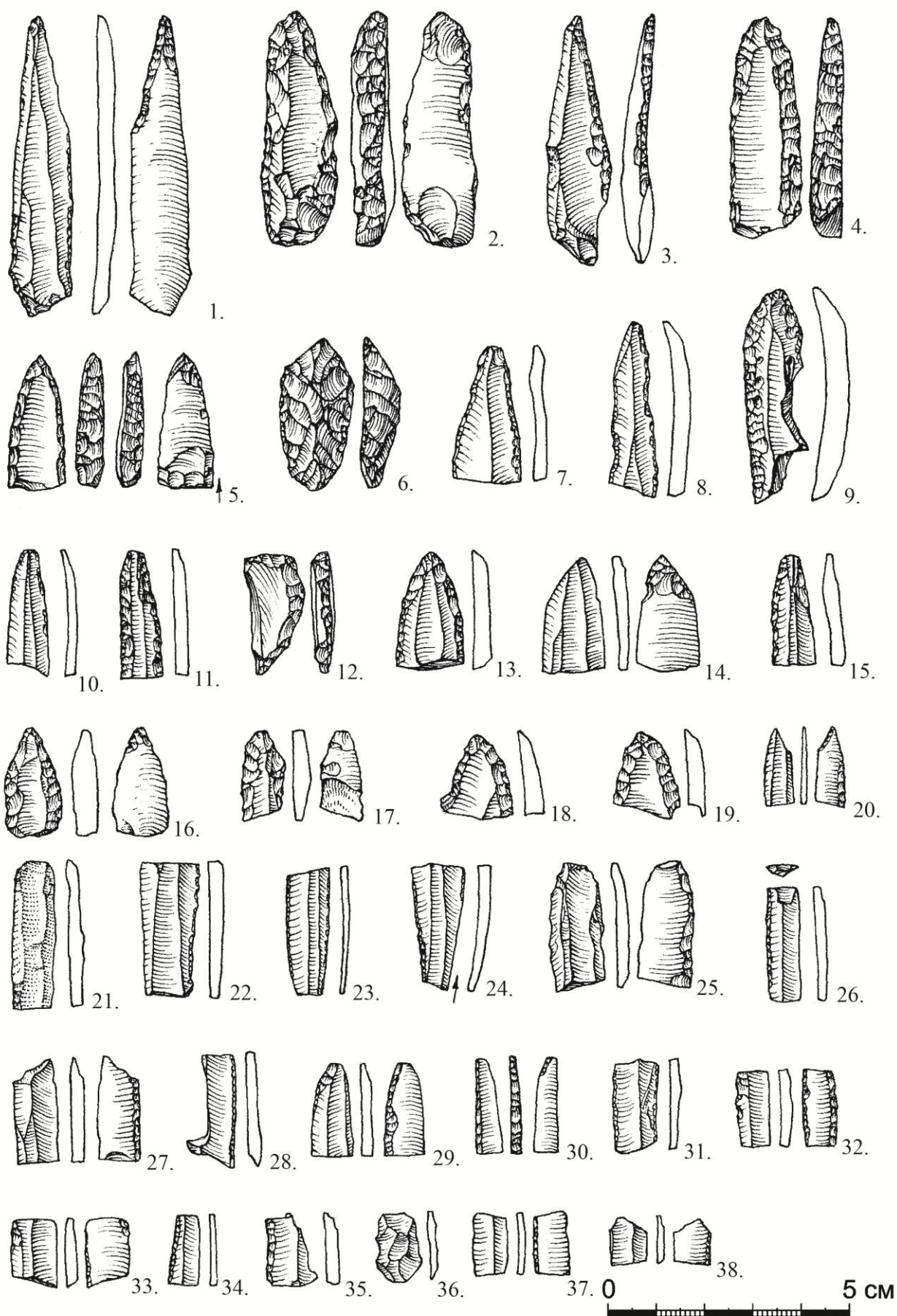

Рисунок 31. Каменный инвентарь (острия и вкладыши) стоянки Кара-Худук в Северном Прикаспии

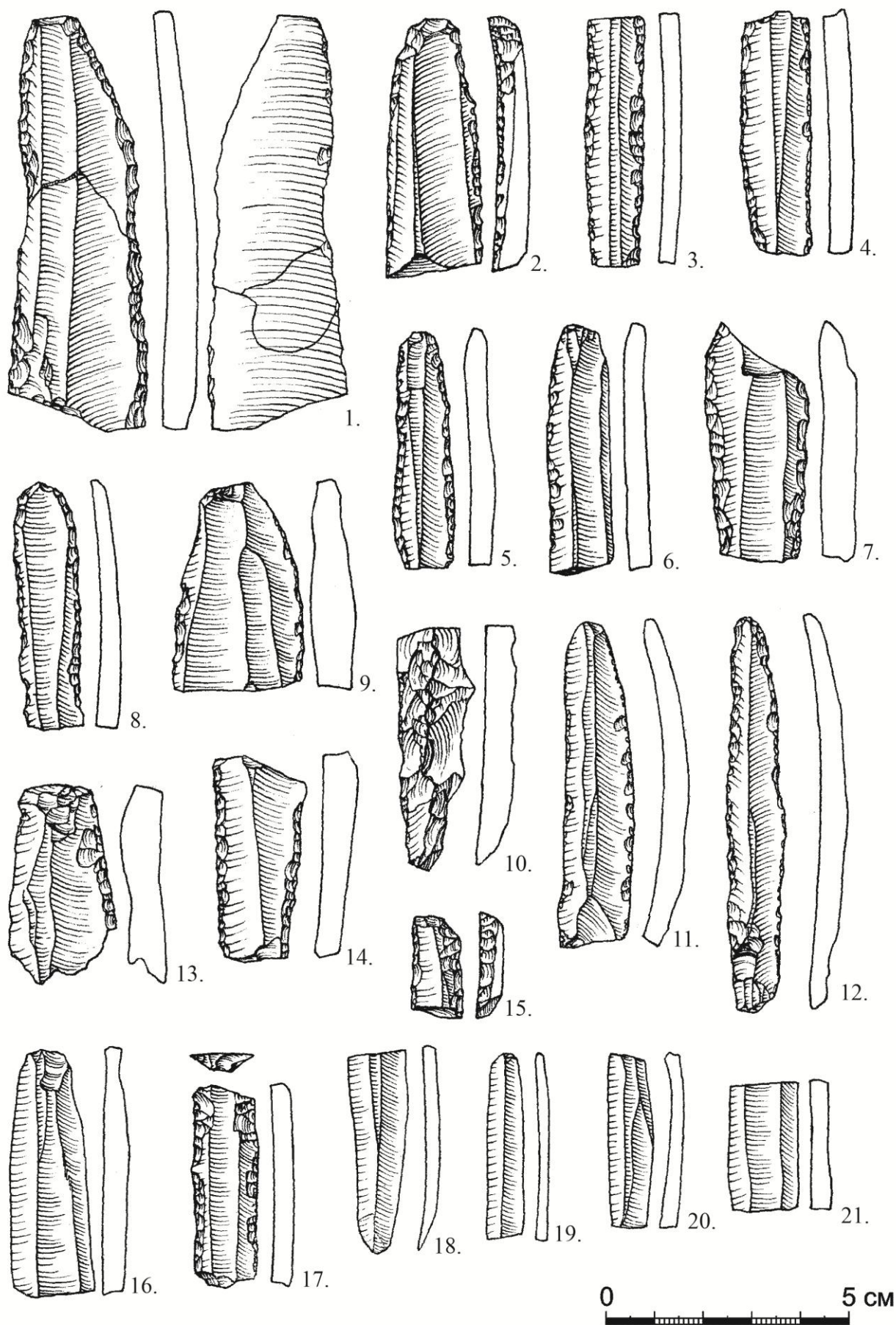

Рисунок 32. Каменный инвентарь стоянки Кара-Худук в Северном Прикаспии

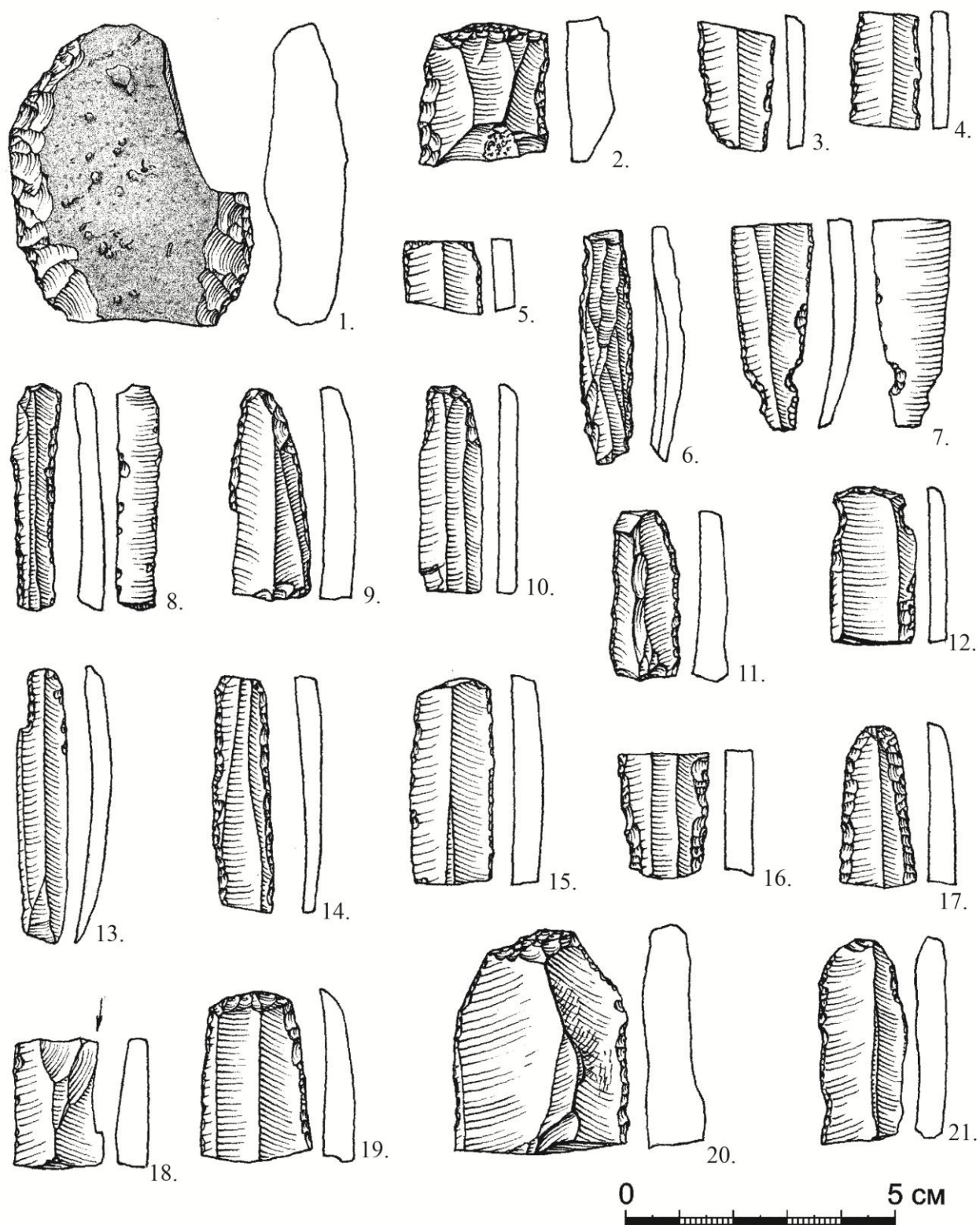

Рисунок 33. Каменный инвентарь стоянки Кара-Худук в Северном Прикаспии

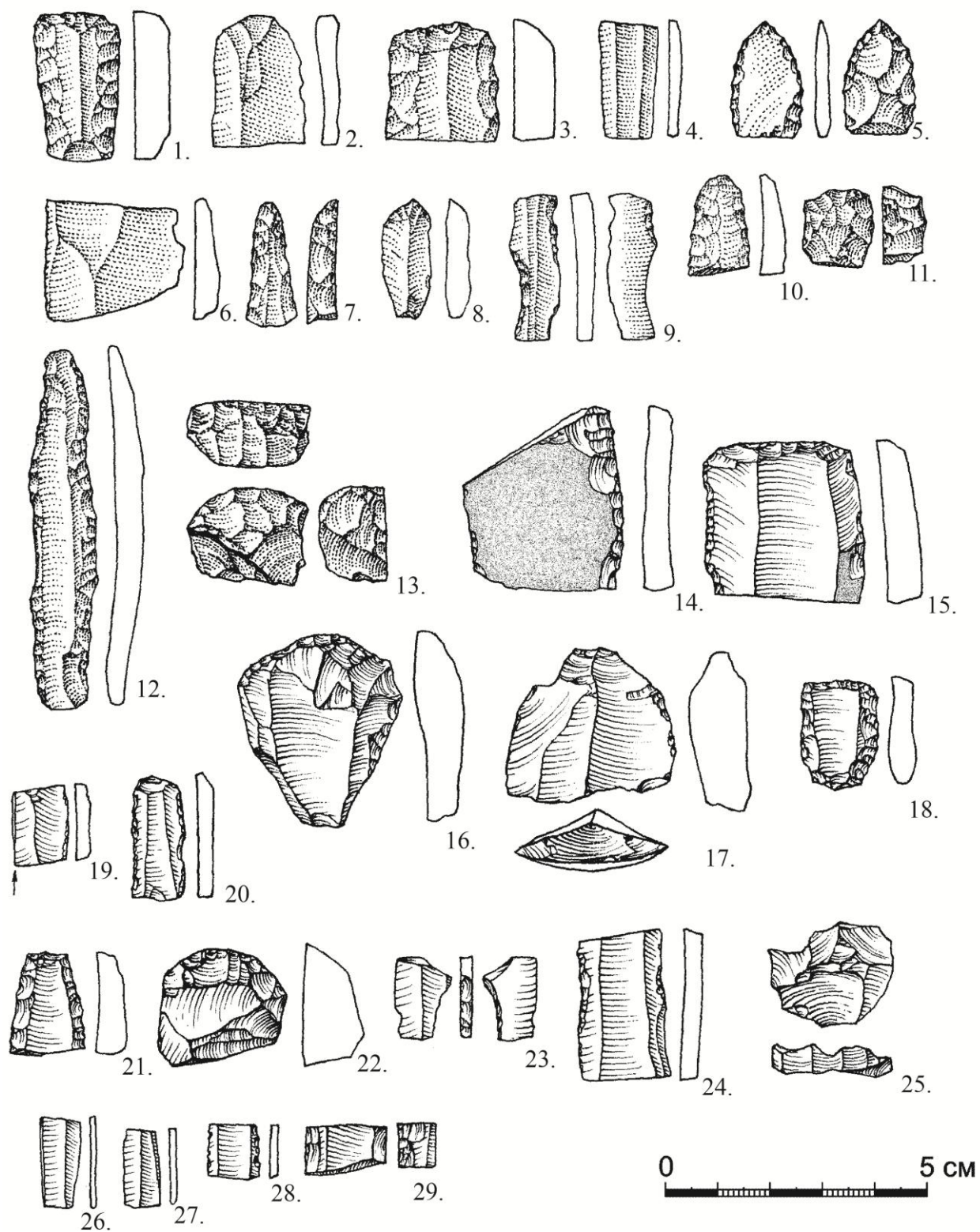
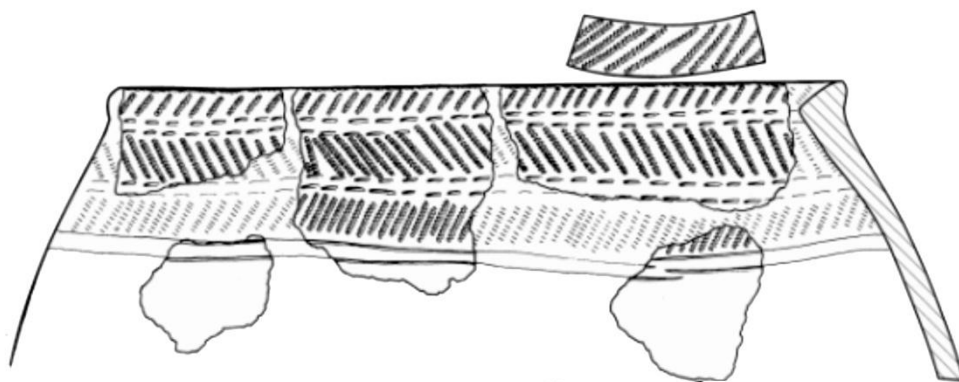
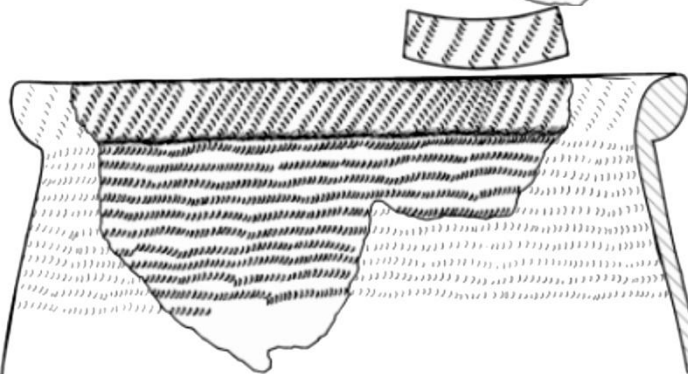

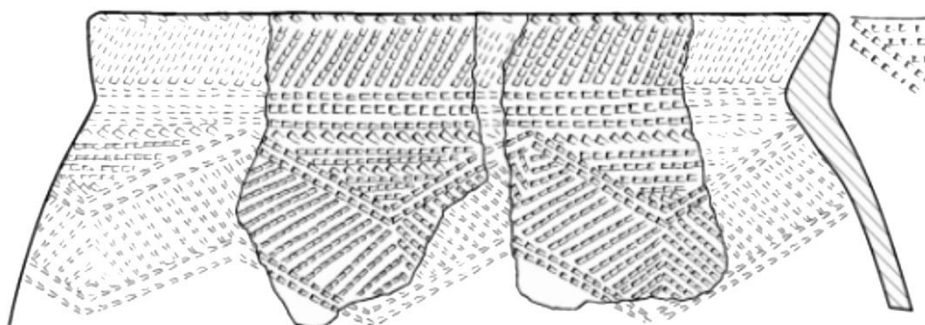
Рисунок 34. Каменный инвентарь стоянки Кара-Худук в Северном Прикаспии

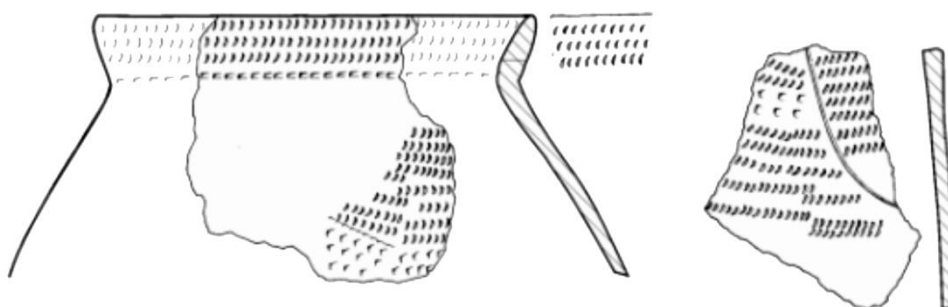
1.

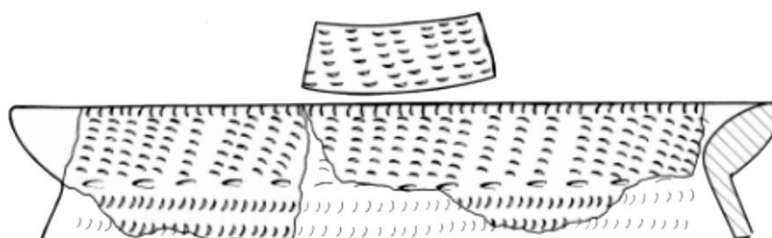
2.

3.

4.

5.

0 5 cm

Рисунок 35. Керамика стоянки Каир-Шак VI в Северном Прикаспии

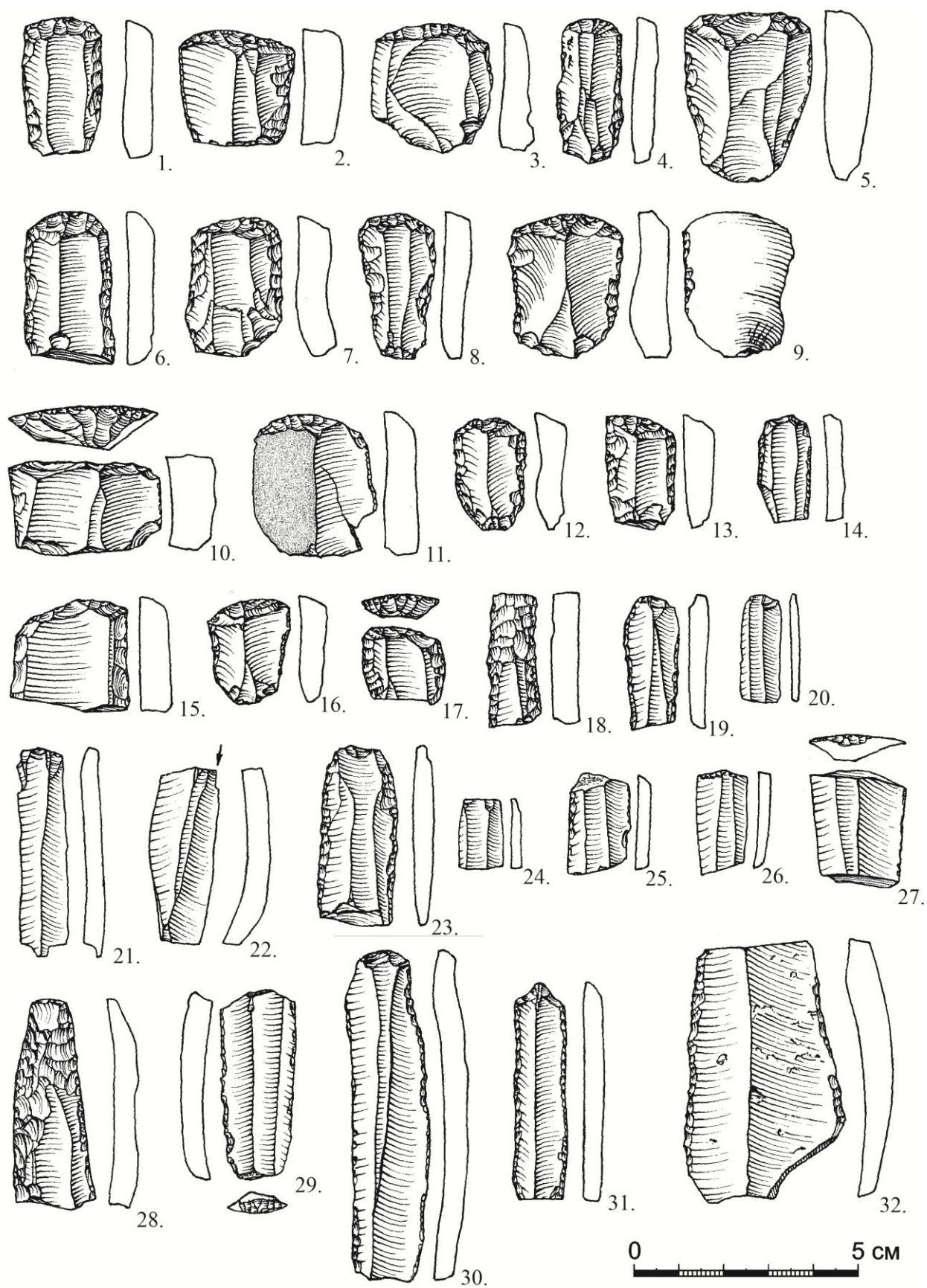

Рисунок 36. Каменный инвентарь стоянки Каир-Шак VI в Северном Прикаспии

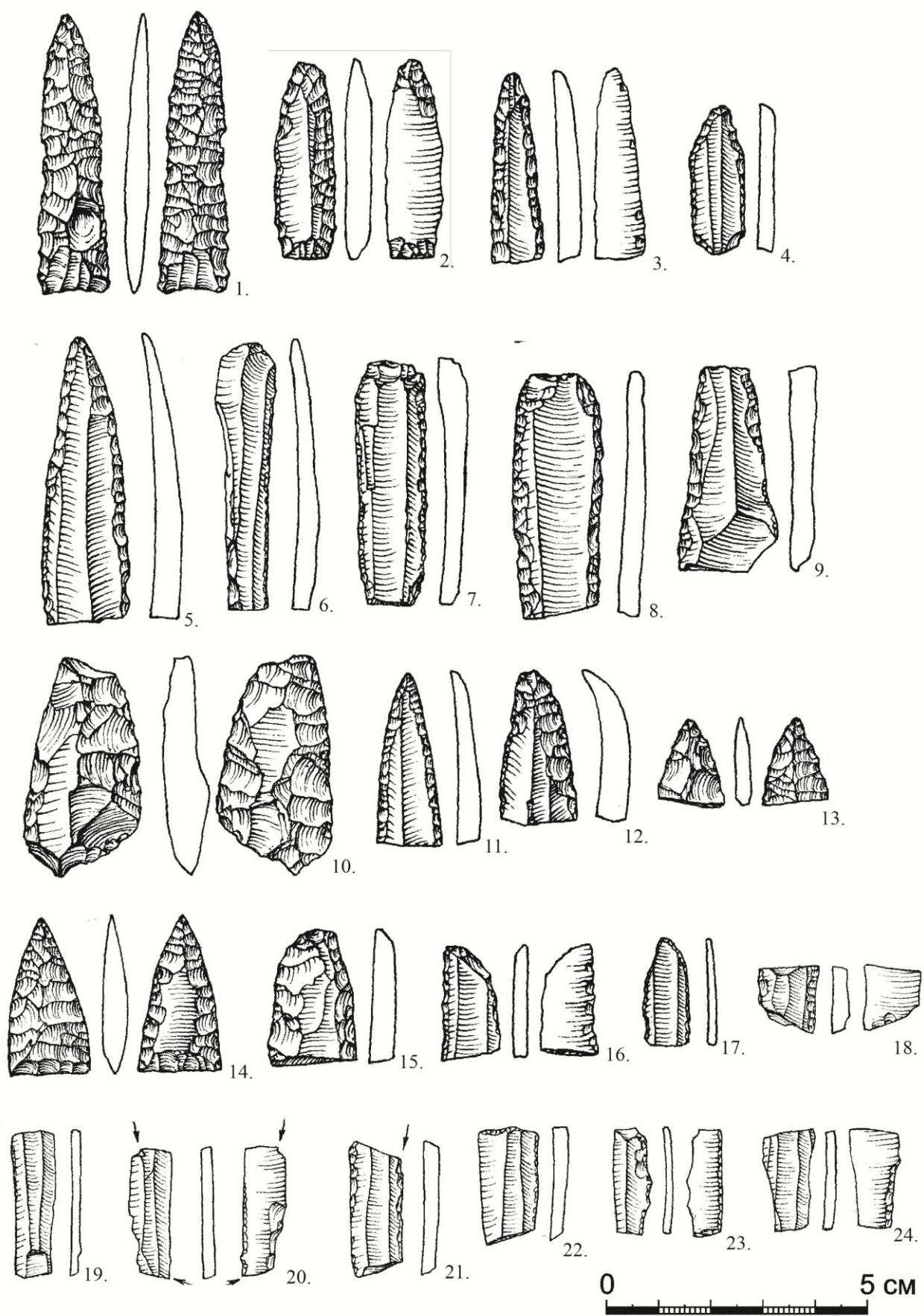

Рисунок 37. Каменный инвентарь стоянки Каир-Шак VI в Северном Прикаспии

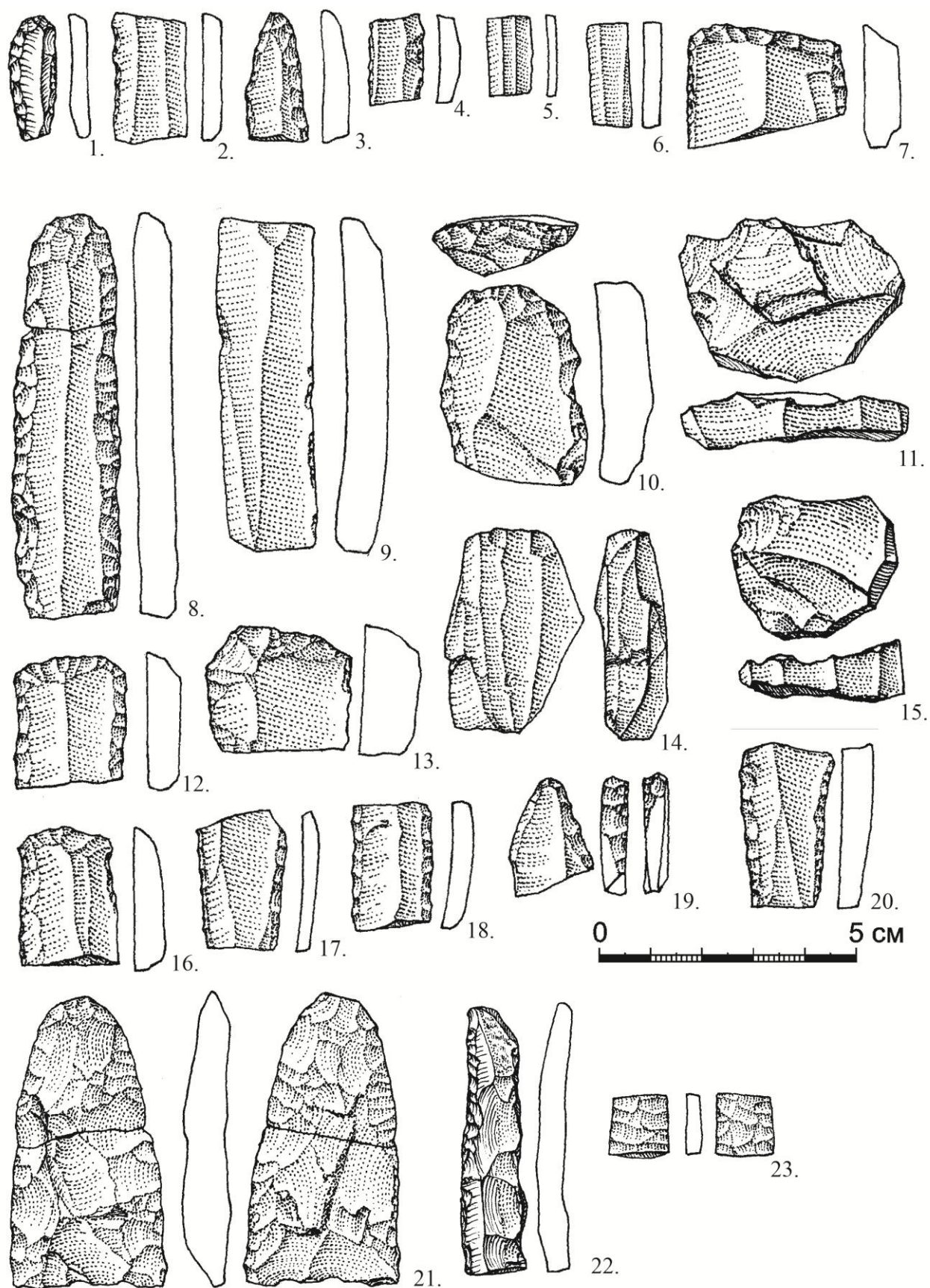

Рисунок 38. Каменный инвентарь стоянки Каир-Шак VI в Северном Прикаспии

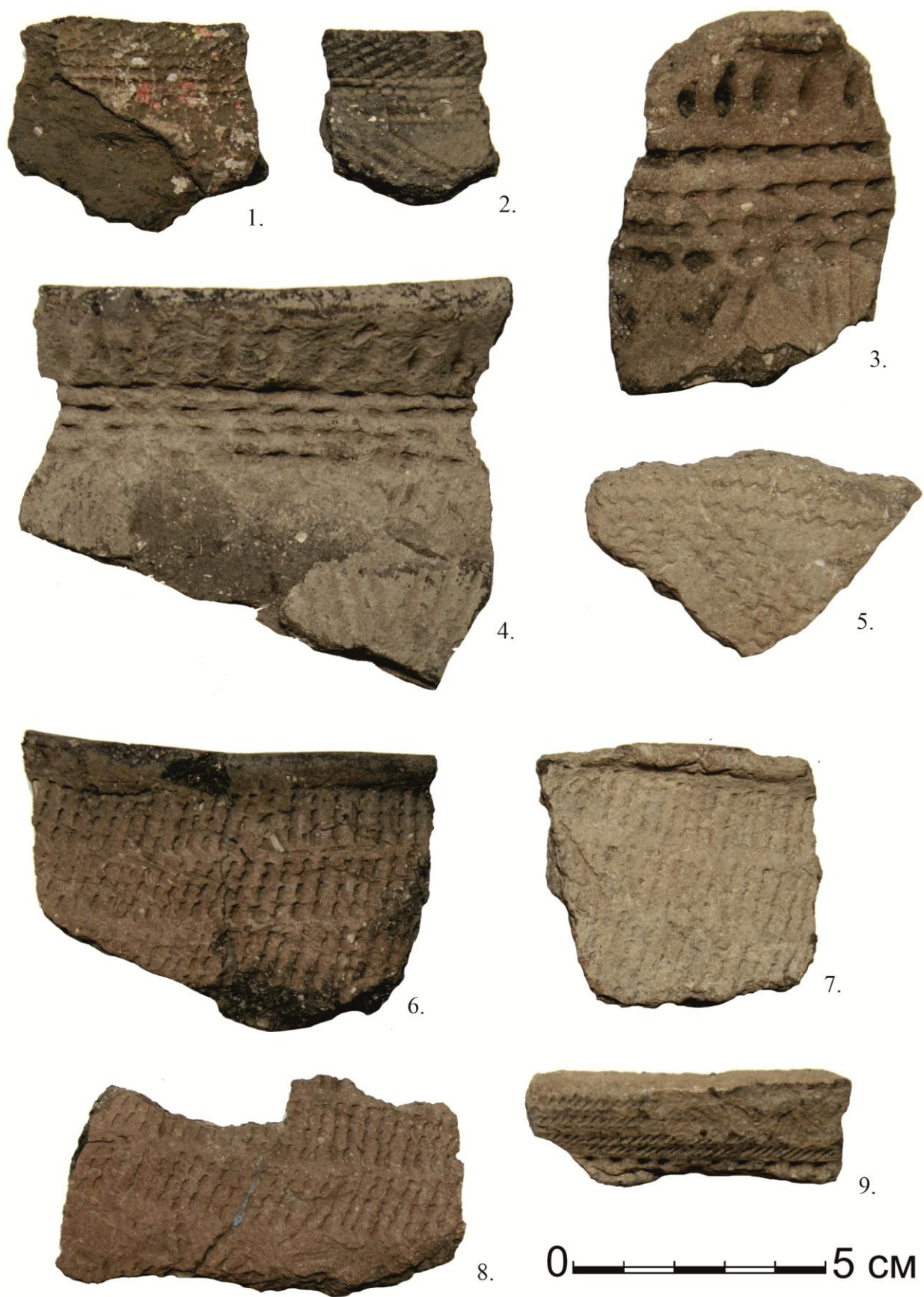

Рисунок 39. Керамика стоянки Комбак-Тэ в Северном Прикаспии

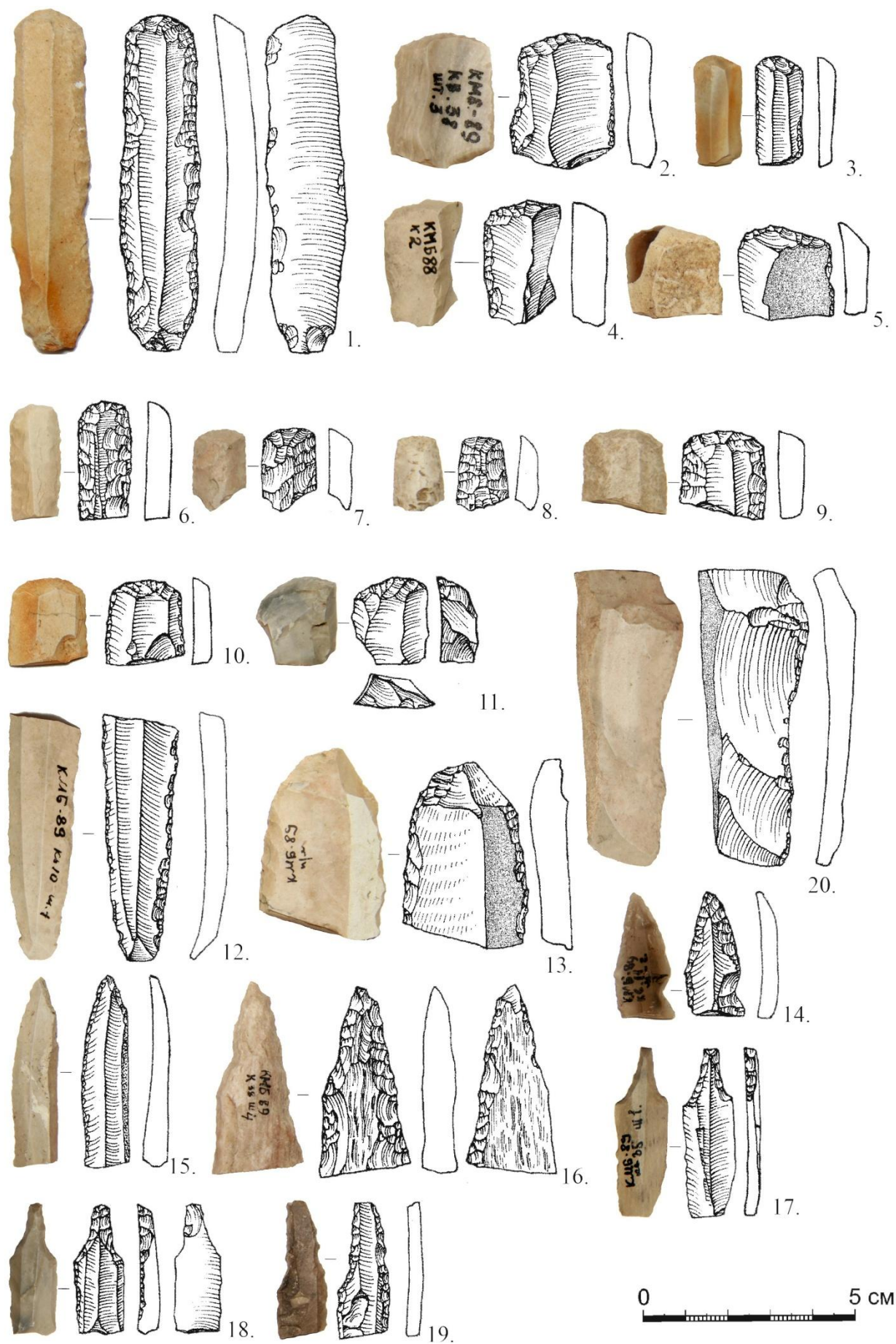

Рисунок 40. Каменный инвентарь стоянки Комбак-Тэ в Северном Прикаспии

Рисунок 41. Каменный инвентарь стоянки Комбак-Тэ в Северном Прикаспии

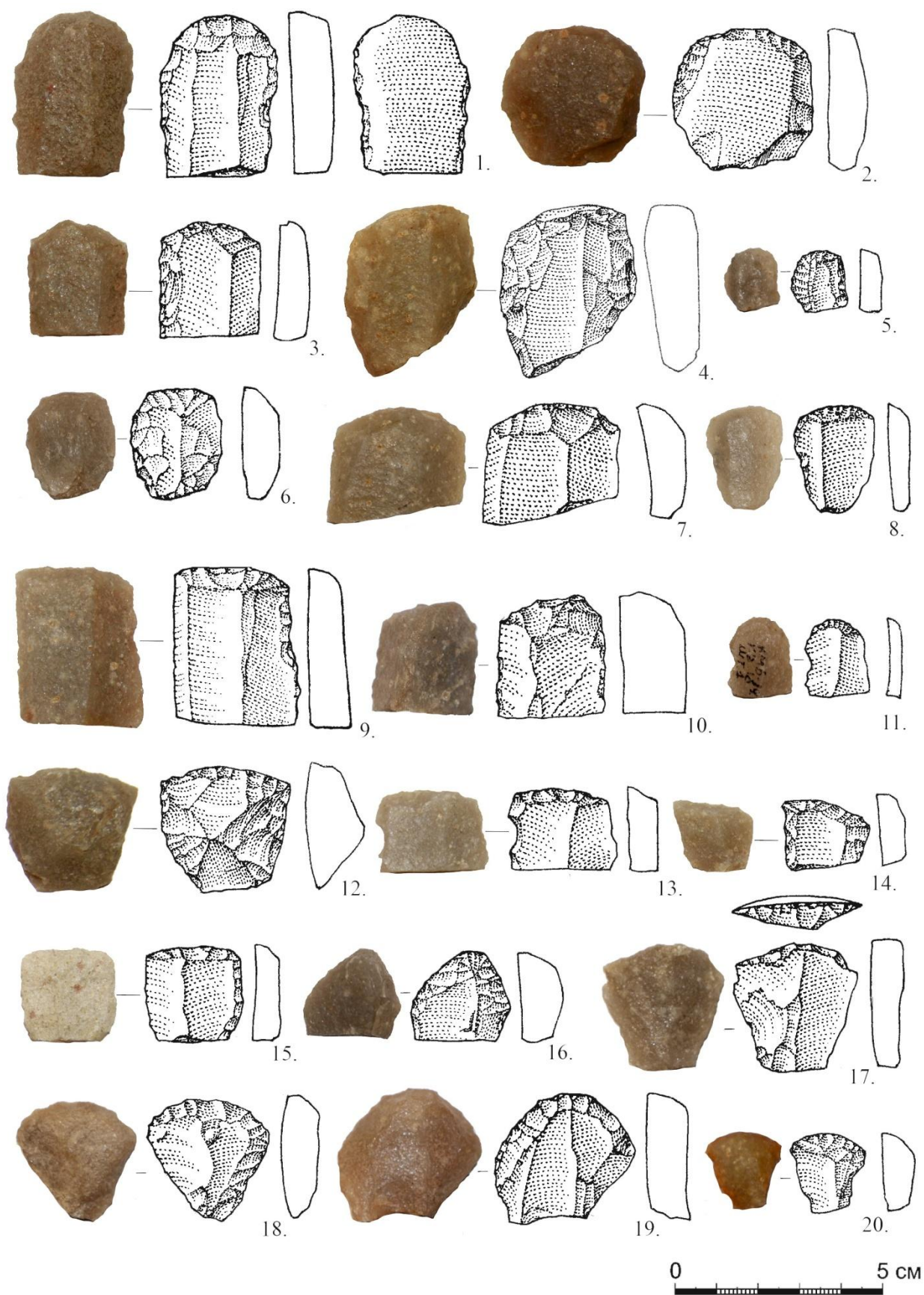

Рисунок 42. Каменный инвентарь стоянки Комбак-Тэ в Северном Прикаспии

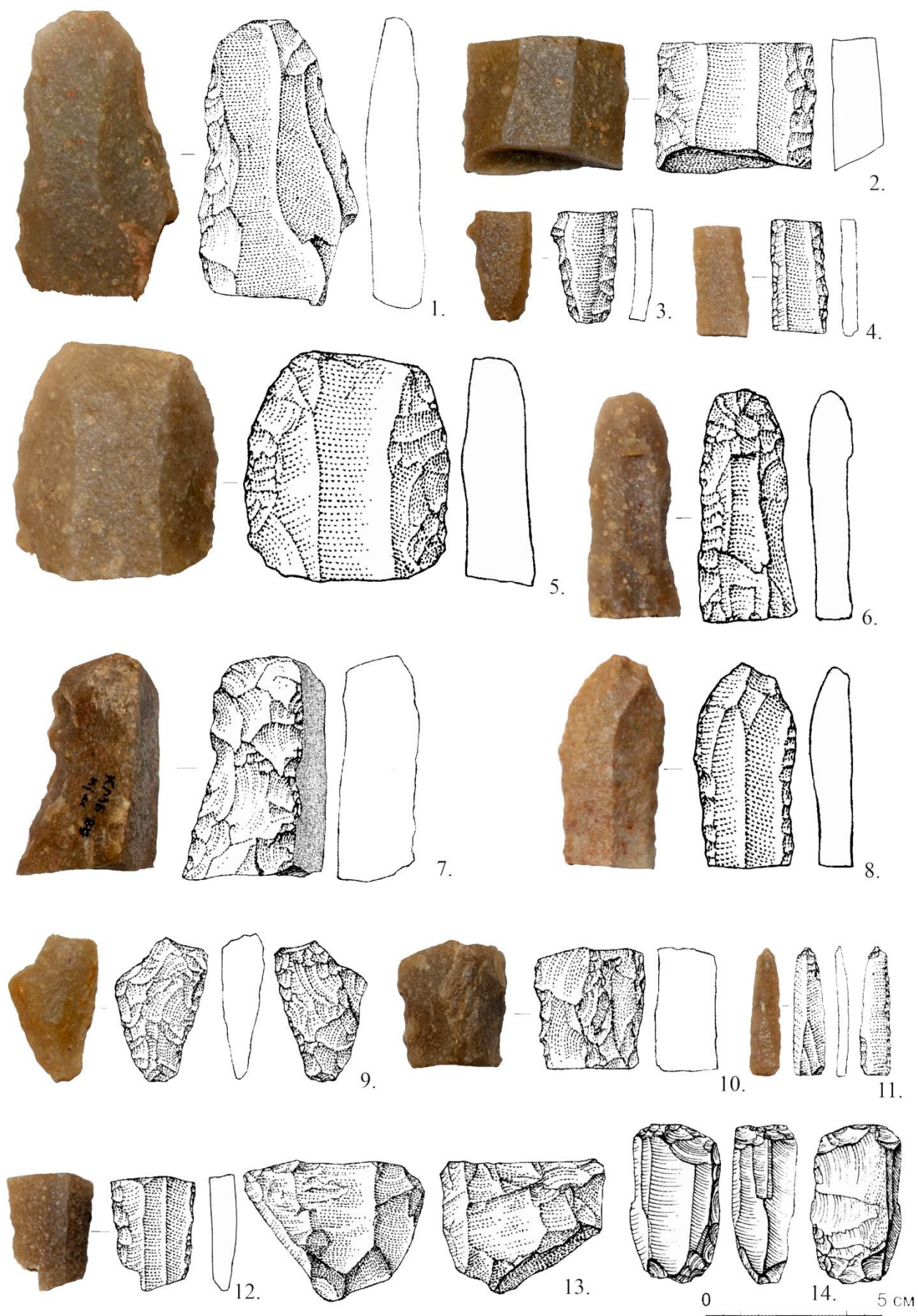

Рисунок 43. Каменный инвентарь стоянки Комбак-Тэ в Северном Прикаспии

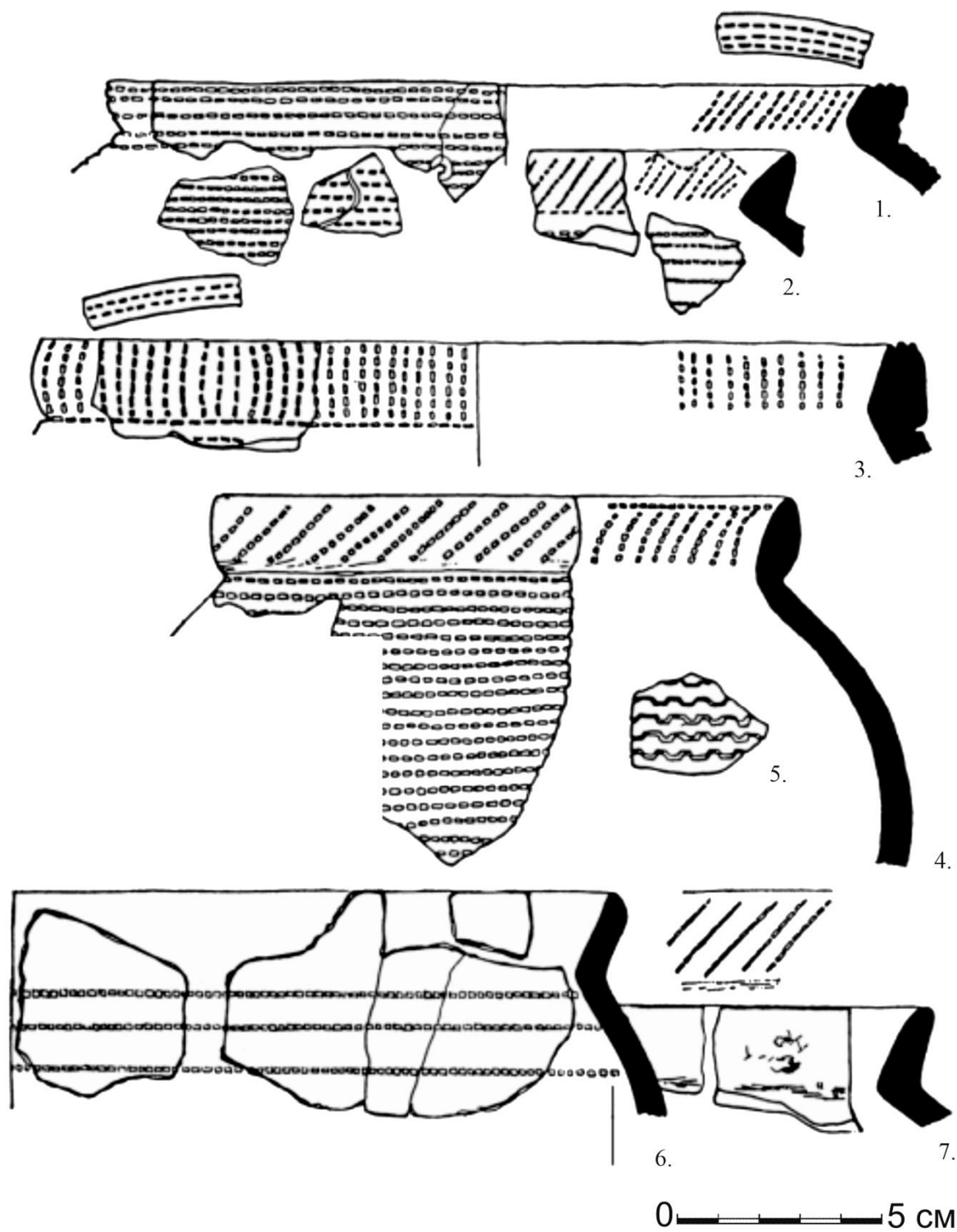

Рисунок 44. Керамика хвалынской культуры стоянки Кумыска в степном Поволжье (по А.И. Юдину)

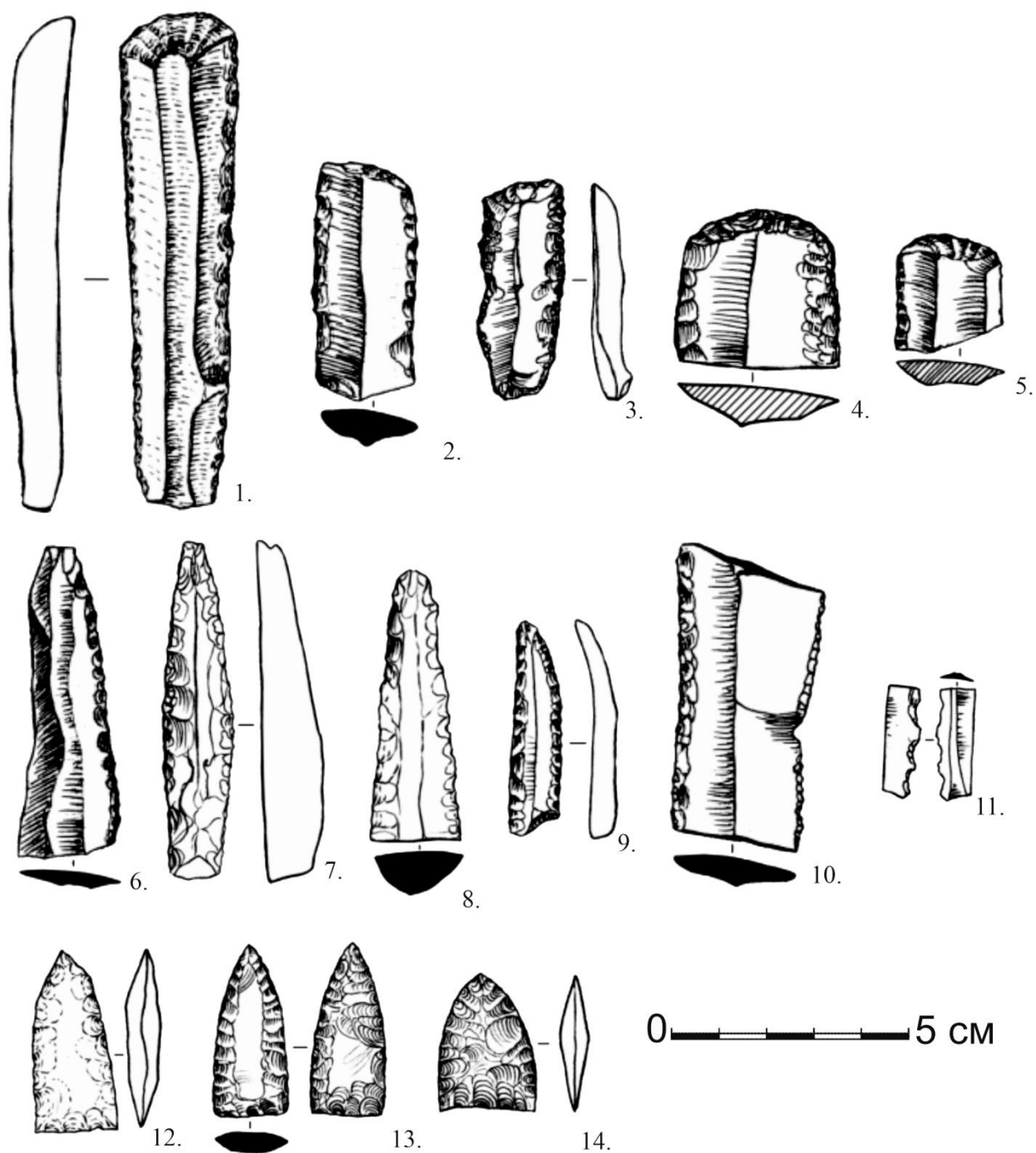

Рисунок 45. Каменный инвентарь хвалынской культуры стоянки Кумыска в степном Поволжье (по А.И. Юдину)

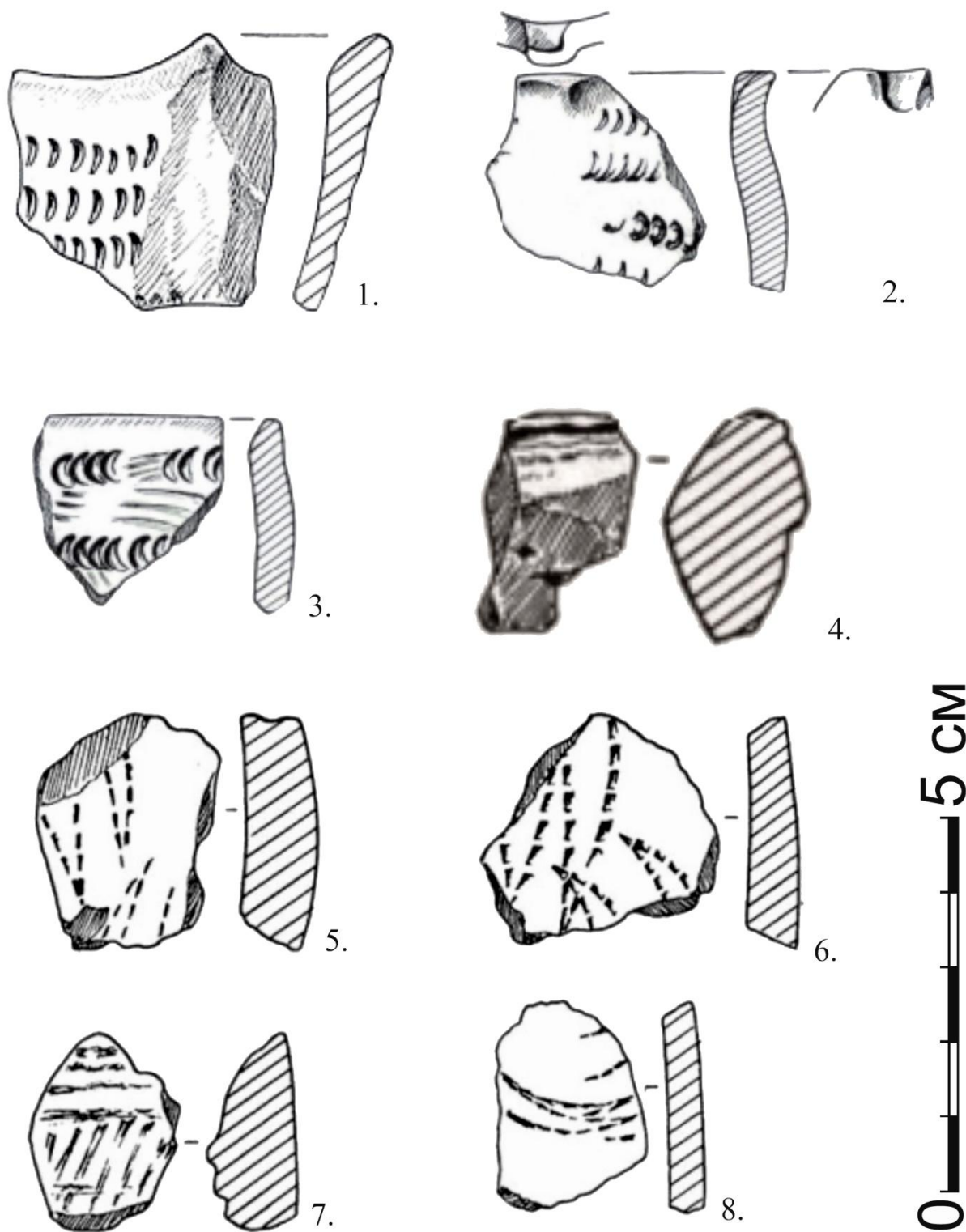

Рисунок 46. Керамика хвалынской культуры стоянок Орошаемое и Алгай

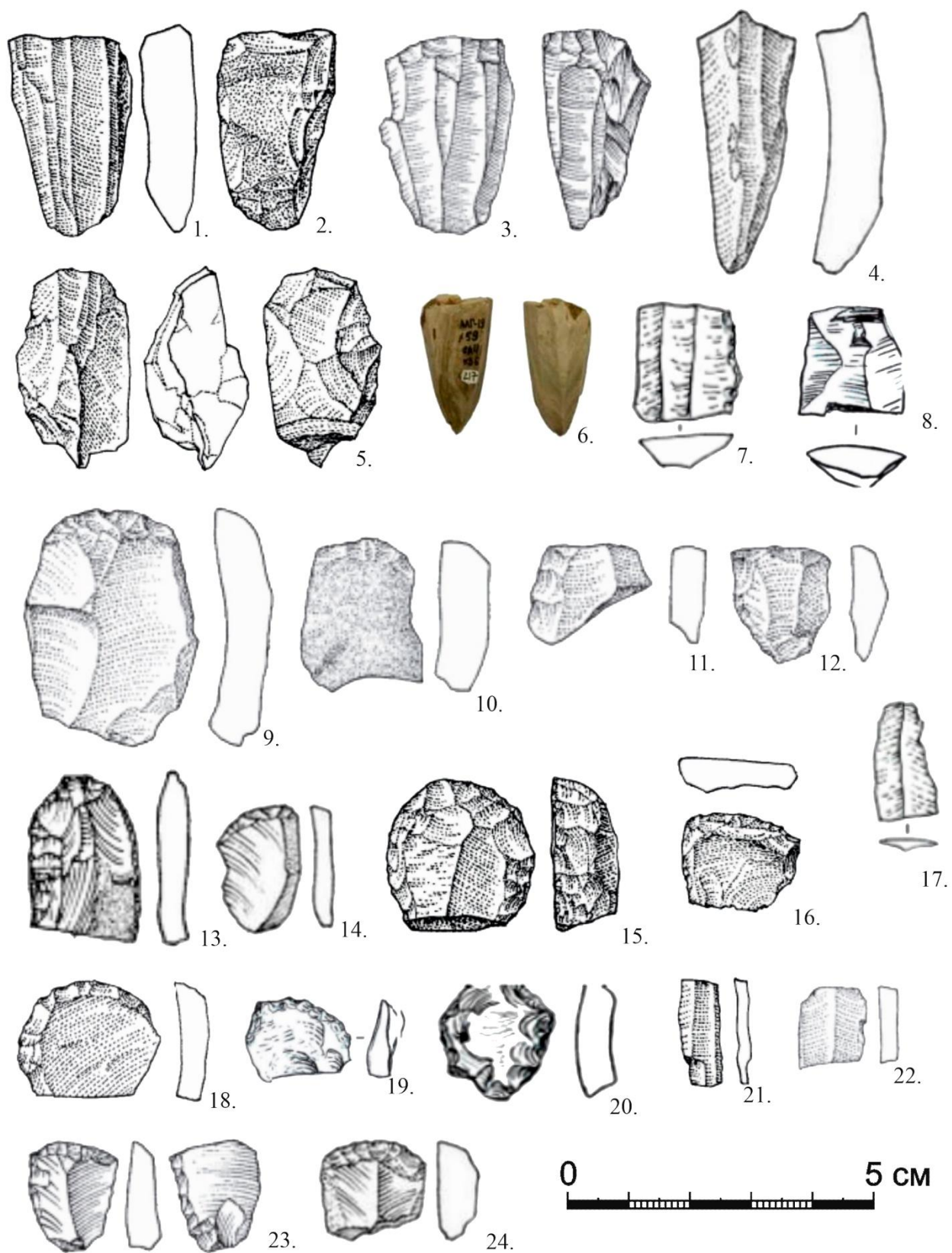

Рисунок 47. Каменный инвентарь хвалынской культуры стоянок Орошаемое и Алгай

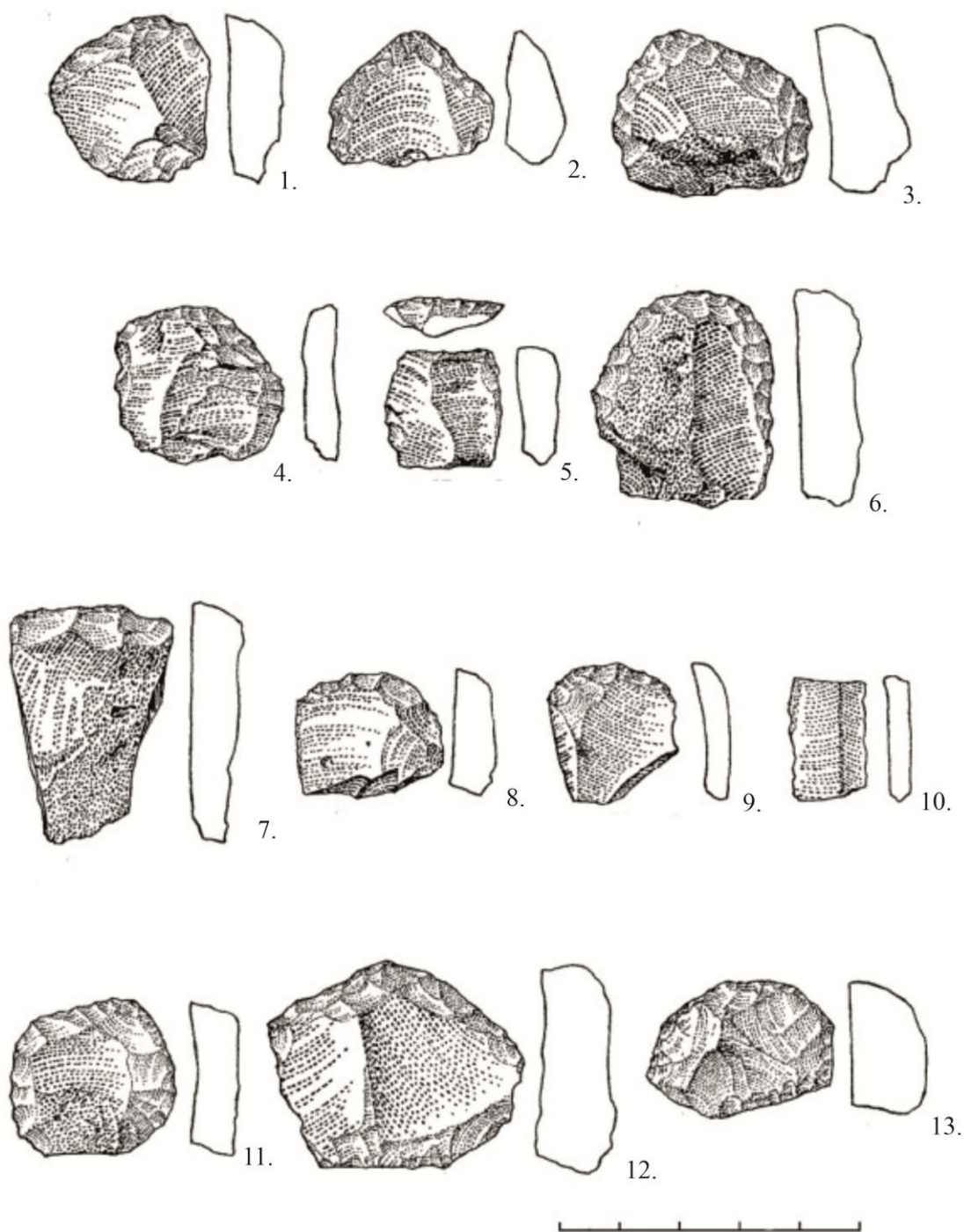

Рисунок 48. Каменный инвентарь из верхнего слоя стоянки Орошаемое в степном Поволжье

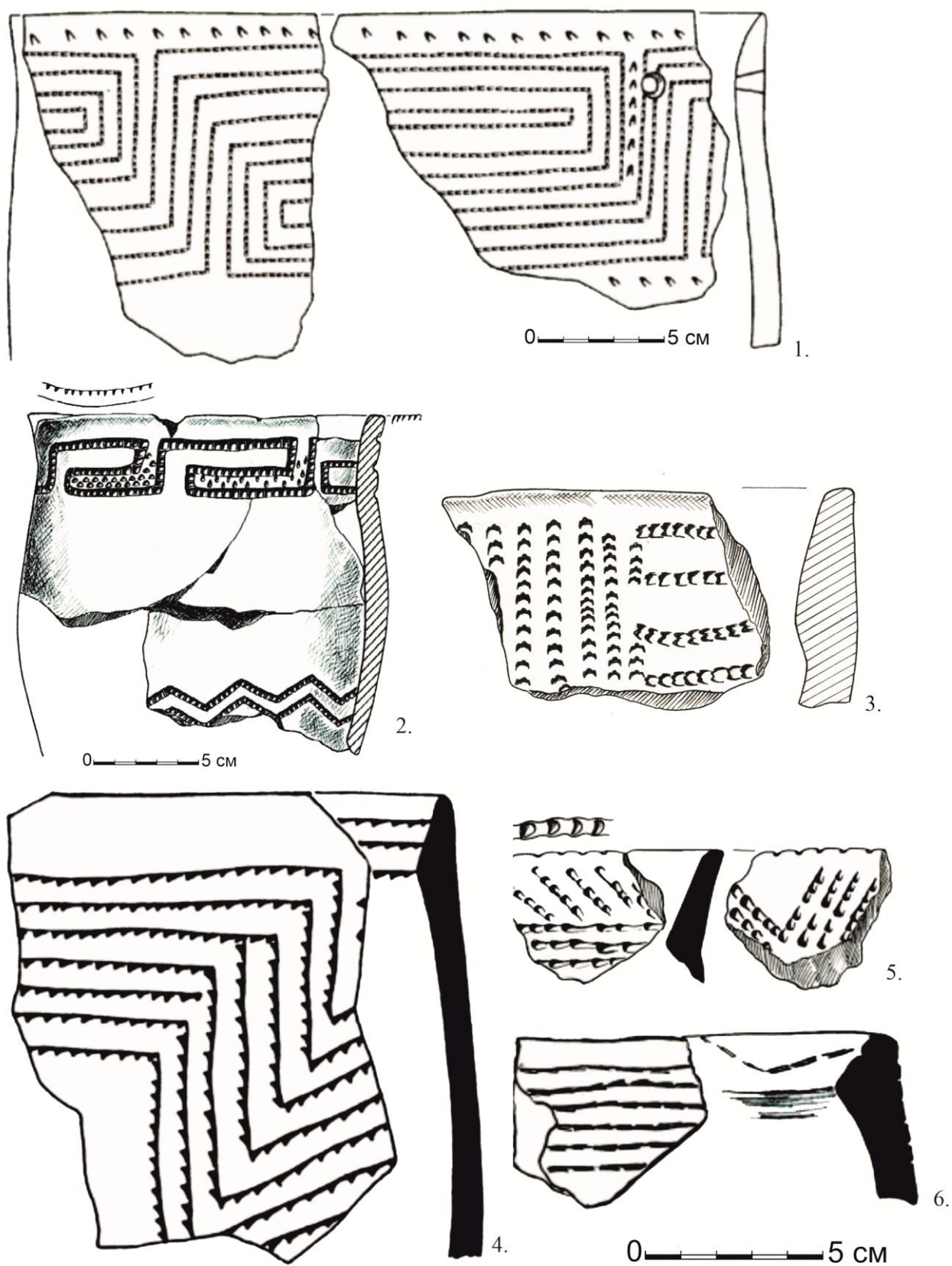

Рисунок 49. Керамика позднего неолита памятников Тентексор (1), Приозерная (2), Таскудук (3), Варфоломеевская (4), Алгай (5-6)

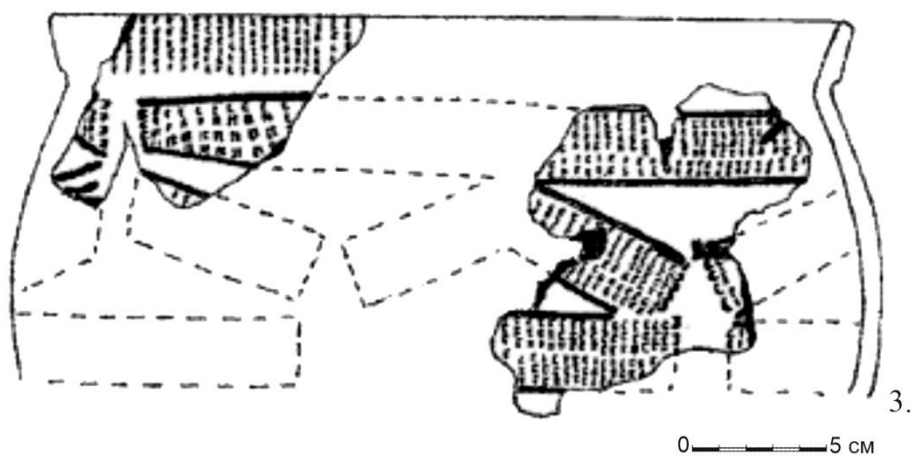
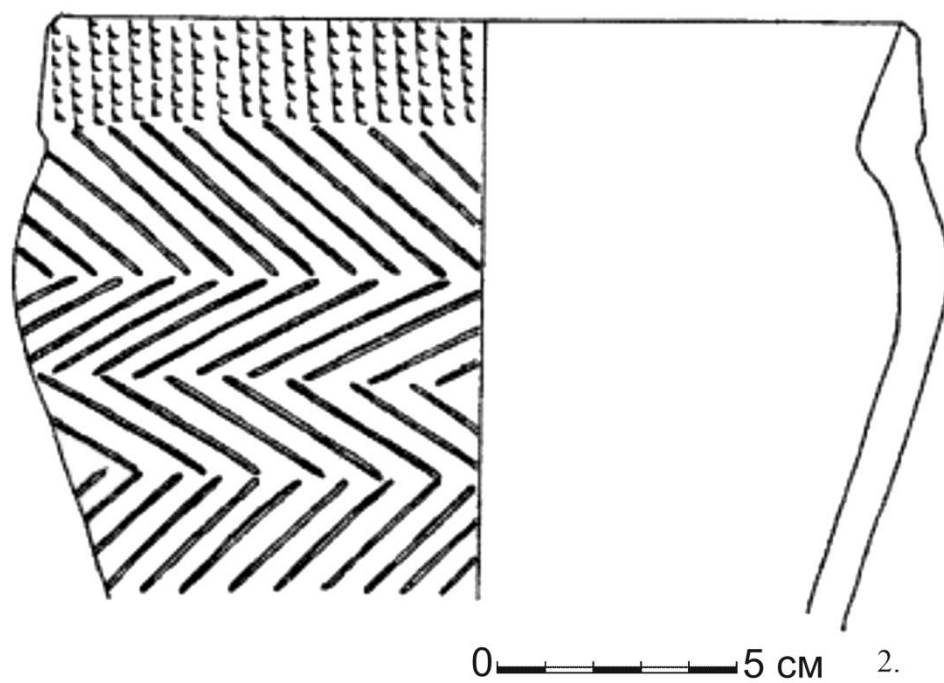
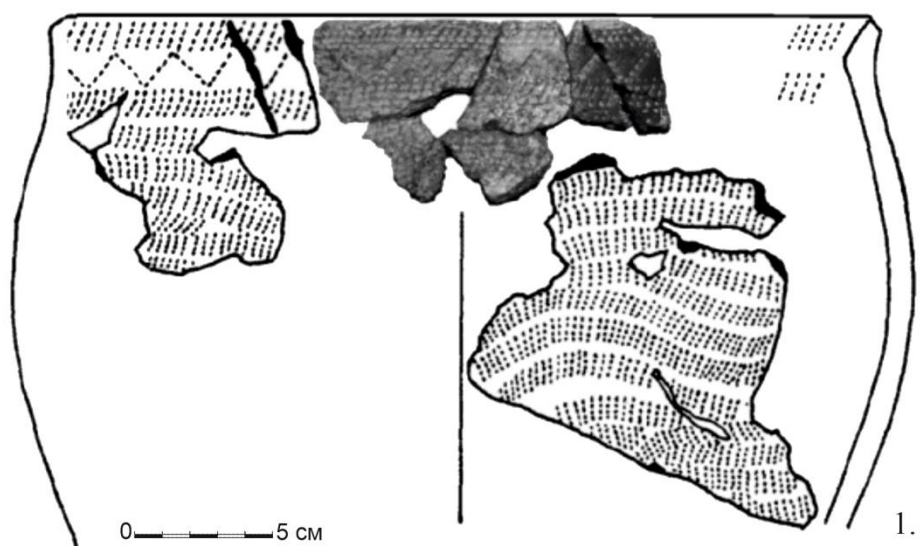

Рисунок 50. Керамика азово-днепровской культуры первого (1) и второго (2-3) этапов (по Н.С. Котовой)

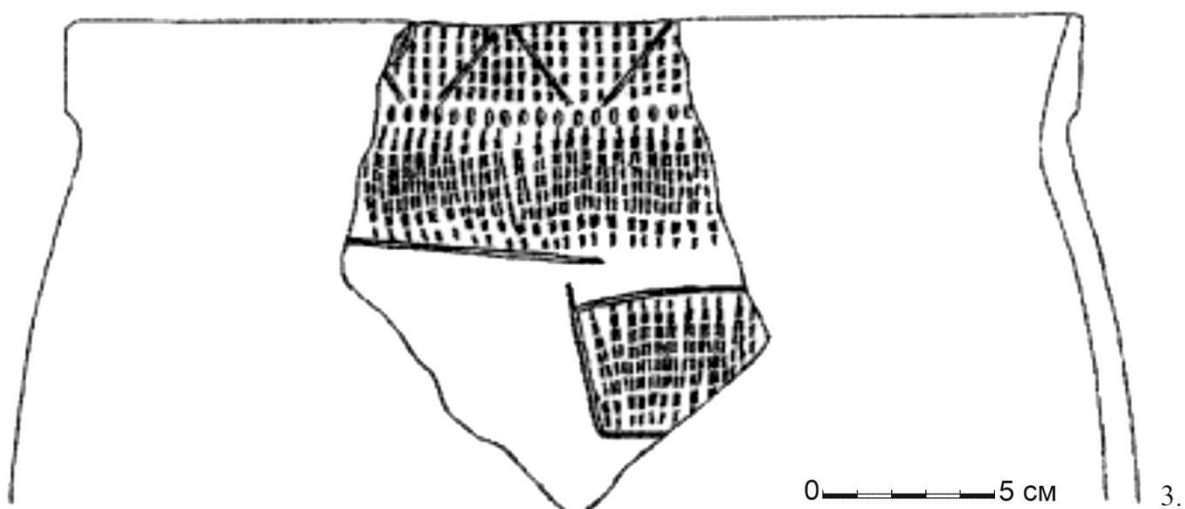
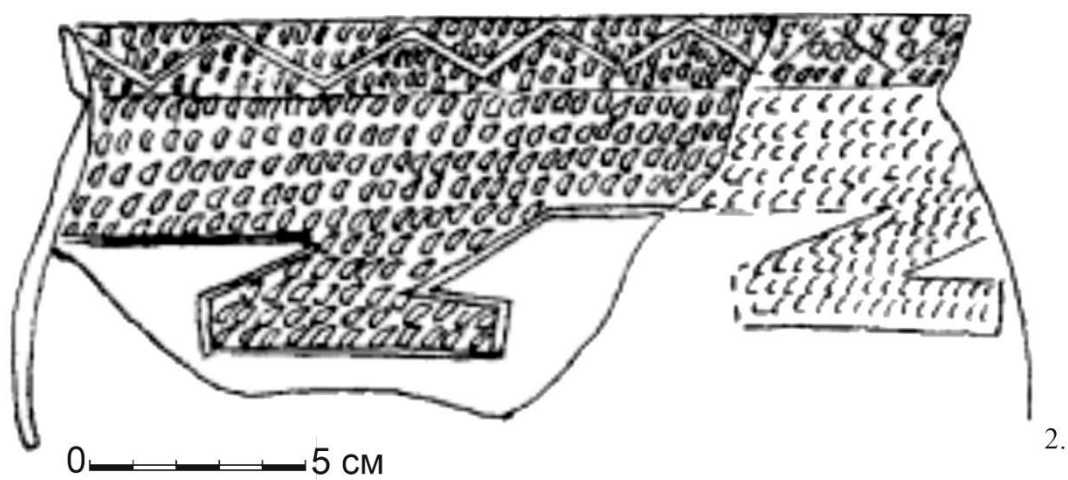
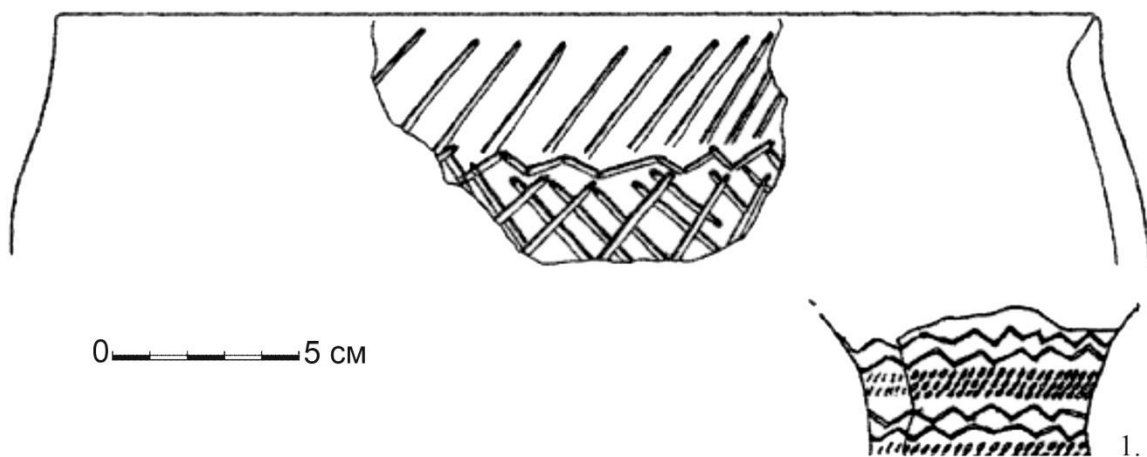

Рисунок 51. Керамика нижнедонской культуры первого (1) и второго (2-3) этапов (по Н.С. Котовой)

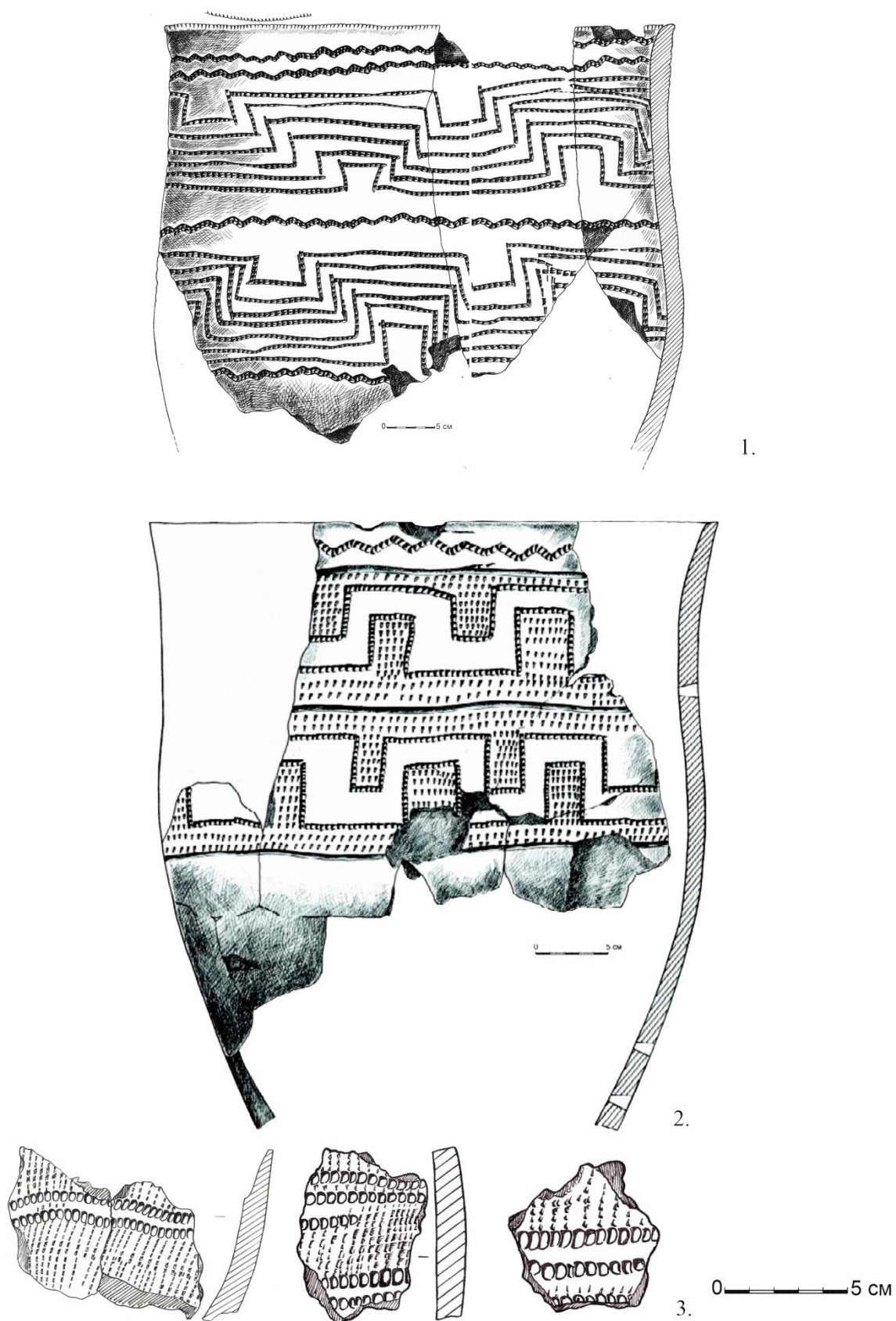

Рисунок 52. Керамика памятников Таскудук (1,3) и Приозерная (2) в Северном Прикаспии

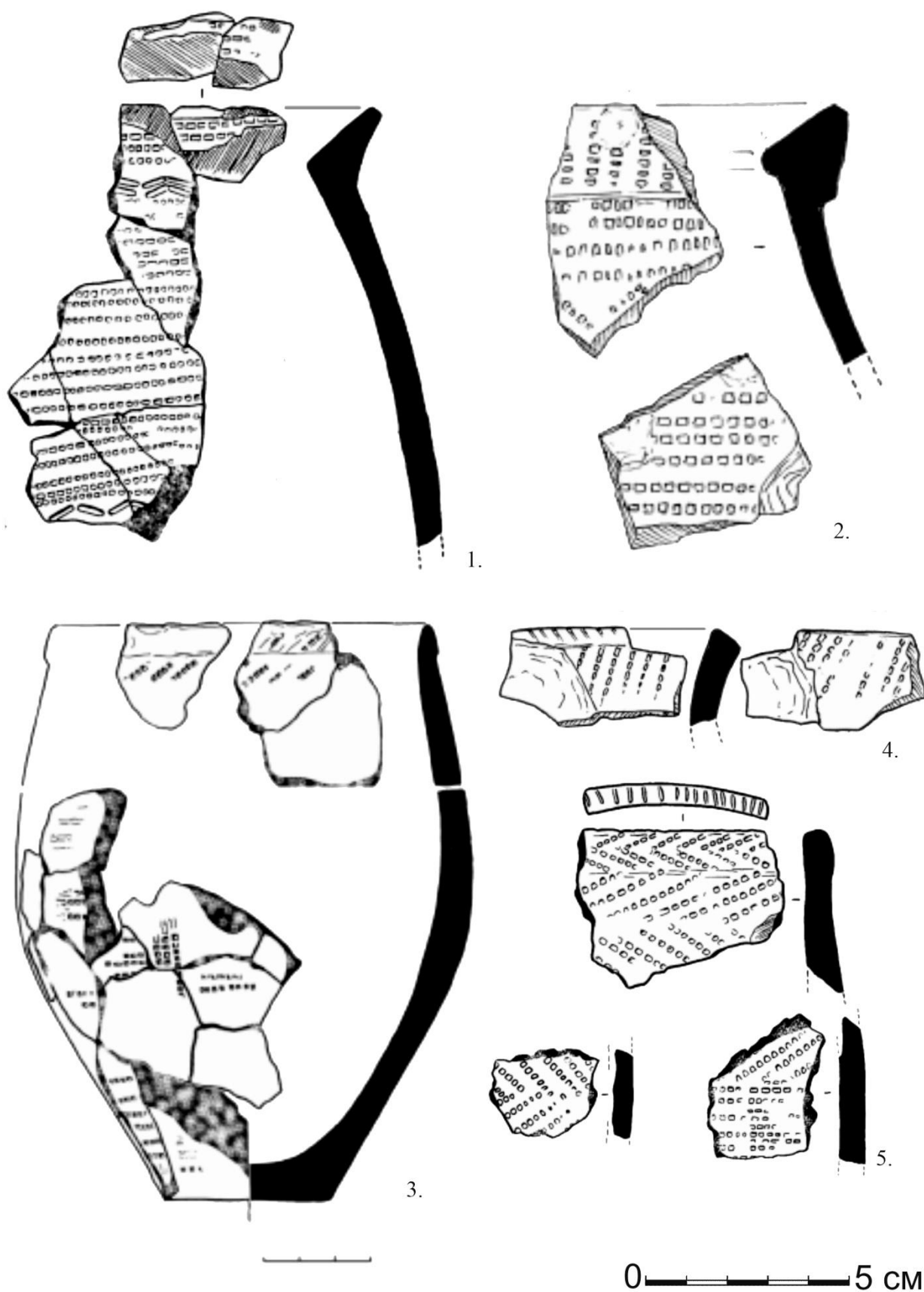

Рисунок 53. Керамика памятников Кошкар-ата (1,3) Сазды (2,4), Бас 3 (5) полуострова Мангышлак (по А.Е. Астафьеву)